

The background of the entire page is a repeating pattern of stylized red roses. Each rose is filled with a vibrant red color and has a white outline that defines its petals. The roses are attached to thin, black, curving branches that also feature small, simple leaves. The overall style is clean and graphic.

Александр Левченко

Каждый новый день -
правда

16+

Александр Олегович Левченко

Каждый новый день – правда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66194534

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой студент Дима Кошкин, живущий в небольшом портовом городе, чувствует себя одиноким и потерянным в этой жизни. Случайно услышанные слова о свободе и ответственности, которую мы несем за свой выбор, рождают в нем универсальную формулу человеческого счастья. Теперь, точно зная, как должны поступать все люди, Кошкин берется испытать эту формулу во всех сферах жизни, не замечая, как тем временем рушатся судьбы близких ему людей, будь то спивающийся отец или друг, находящийся на грани психического срыва. Ключевым моментом в испытании философии Кошкина становятся романтические отношения с замужней женщиной, в которых игра в свободу и ответственность становятся способом обоюдного самообмана, стирающего границы своей и чужой боли. Каждый новый день как бы спрашивает героя о том, правда ли можно подогнать под одну философскую концепцию стихийную и непредсказуемую жизнь.

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 5	62
Глава 6	71
Глава 7	81
Глава 8	97
Глава 9	121
Глава 10	130
Глава 11	152
Глава 12	164
Глава 13	178
Глава 14	195
Глава 16	237
Глава 17	249
Глава 18	259

Александр Левченко

Каждый новый день – правда

Глава 1

Очертания комнаты потихоньку пропадали из его сознания. Кроме того, вся комната уже потерялась в клубах дыма, и небольшая форточка, откуда ещё была возможность глотнуть свежего воздуха, потеряла всякую надежду как-то проветрить помещение. Дмитрий Кошкин уже совсем привык к дыму и почти не чувствовал его сладкий, но от того не менее отвратительный запах. Он слышал какие-то голоса, очевидно, что его друзья продолжали спорить, периодически прерываясь на истерический хохот. Он уже не знал причину спора, за последние три часа они сменили сотню тем разговора. Кошкин посмотрел на свои руки, в глазах двоилось. «Всё, – подумал он, – на сегодня точно хватит». Тот, что был справа от него, встал и с жаром стал что-то доказывать тому, что слева. Дима уже не разбирал и не помнил, кто из его друзей где сидит. Он даже не мог понять, открыты у него глаза или нет. Голова сильно болела, в ушах то и дело нарастало и затихало какое-то жужжание. Ноги затекли и начали ныть, по-

видимому, он сидел в одной и той же позе уже долгое время. Он попытался подняться, но тело отказывалось его слушать. Он попробовал поднять руки, и, на удивление, у него получилось. Руками он облокотился о жёсткий диван, на котором сидел, и, сделав усилие, всё-таки умудрился привстать, однако, потеряв равновесие, тут же рухнулся с дивана, на колючий, запылившийся ковёр. Он упал лицом в низ, и падение, по-видимому, должно было быть болезненным, однако боли он не почувствовал. Количество выпитого и скуренного абсолютно притупило все его нервные окончания. Тем не менее, падение вызвало не только дикий лошадиный хохот его друзей, но и неожиданно привело его в сознание. Но тело его не слушалось, он так и лежал, скрючившись на колючем ковре. Мелкий мусор и жёсткая ткань как будто иголками царапали ему лицо. Наконец-то друзья отсмеялись вдоволь и сочли нужным поднять своего товарища. Кошкина усадили на его прежнее место, теперь он мог снова видеть всю комнату и двух своих друзей. Его падение развеселило их и без того примитивный под действием наркотиков и алкоголя мозг так, что они совершенно забыли о чём спорили ещё буквально минуту назад. Они продолжали смеяться какое-то время. Дима молчал, однако сознание, которое пришло к нему после падения, возвысило его над самим собой, и он как будто увидел своё комичное падение со стороны. Внезапно он сам разразился неудержимым хохотом. Дёмин встал закрыть форточку и открыть окно.

Виктор Дёмин, так звали одного из друзей Димитрия Кошкина. У него дома и находилась сейчас вся компания. С ним Кошкин познакомился ещё до того как успел пойти в первый класс, с тех пор минуло пятнадцать лет. Дёмин был, пожалуй, самый удивительный из всех присутствующих. Вообще Кошкин многое отдал бы за возможность хоть на секунду заглянуть в его голову. Потому что то, что там творилось, одному Богу было известно. Витя был ребёнком из неблагополучной семьи. Воспитывался он у своей бабушки, которая была ему вовсе не родной, а лишь мачехой его отца. А отца своего за всю жизнь он так и не встретил, тот бросил мать Дёмина ещё до того, как стало известно, что она беременна. Об этом рассказала ему сама мама, которую он видел лишь раз, за год до описываемых событий. Она отыскала своего сына после того, как узнала, что неизлечима больна. Особых чувств к матери Витя Дёмин не испытал, и на данный момент даже не знал, жива она до сих пор или нет. Дёмину было пятнадцать лет, когда он в первый раз совершил попытку покончить с собой. Его нашли лежащим в луже собственной крови, бледным, с порезанной рукой. К двадцати годам обе его руки от запястья до локтя украшали многочисленные шрамы и порезы. «Когда я чувствую боль и вижу кровь, текущую по моим рукам, только тогда я чувствую себя по-настоящему живым», – однажды сказал он Кошкину. После первой попытки суицида прошло полтора года, после чего он повторил этот опыт снова. Его удалось спасти, но в

этот раз он угодил в дом для душевно больных, в котором провёл одиннадцать месяцев. Врачи поставили ему какой-то диагноз, но о нём он никогда не рассказывал друзьям. С тех пор он какое-то время больше не предпринимал серьёзных попыток покончить с собой, однако периодически резал себе руки кухонным ножом, скорее всего только для того, чтоб привлечь к себе внимание. Дёмин не оканчивал школу и даже не думал о поступлении в университет. Мысль о работе и вовсе была для него смерти подобна. Своей бабушке он сильно не мешал, она его вообще как будто и не замечала. Он выходил из своей комнаты лишь за едой и если собирался куда-то уходить. Ел он немного, мог носить одну и ту же одежду хоть целую вечность, и в каких-либо гулянках совершенно не нуждался. Алкоголем его обычно угощали его же друзья, а он взамен угощал их травкой, которую доставал, скорее всего, у местных барыг, с которыми ему посчастливилось учиться в одном классе. Он жил, опираясь на какую-то лишь ему известную философию, которую, кроме него, пожалуй, больше никто не понимал. Но в двух словах её можно было описать как: «Пошли к чёрту! И не лезьте ко мне со своей жизнью!».

Выглядел Дёмин странно, а для незнакомого с ним человека и вовсе, наверное, пугающе. Бритую наголо голову покрывали мелкие точки родинок и угрей, большие голубые глаза, всегда одинаково безразлично смотрели на любую ситуацию через толстые линзы очков в чёрной оправе. Это

безразличный взгляд настораживал даже Кошкина, который знал его всю свою сознательную жизнь. Дёмин с одинаковым цинизмом будет наблюдать за милыми котятами, играющими в цветочной клумбе, и за тем, как этих самых котят будут потрошить мясным топором где-то на грязном столе. Ни один мускул не дрогнет на лице у Вити Дёмина. У него был широкий нос и пухлые губы, которые выглядели немного смешно, на его худощавом лице. Шею его, как и руки, украшали мелкие порезы и один особенно большой шрам, покрывающий почти всю правую половину. Его Дёмин получил, когда провёл лезвием бритвы по шее, пытаясь достать до сонной артерии, по крайней мере, так он это рассказал друзьям.

Как сам, браток? – спросил Дёмин, смотря на Кошкина и пытаясь понять, в сознании тот или нет.

Больше мне этого дерьма не давать! – воскликнул Кошкин. – Откуда ты её взял?

Ты же знаешь, – сказал Дёмин, пытаясь поджечь наполовину скуренную потухшую сигарету. – Это должно быть тайной для всех.

Зажигалка у него в руках сыпала искрами, однако пламя предательски не хотело показываться.

Так вот, – сказал третий член компании, Эдик Шеин, продолжая разговор, прерванный, по-видимому, нелепым падением Кошкина. – О чём я там тебе говорил?

Про бабу свою байку рассказывал, – ответил Дёмин.

Точно! Прикинь, я, значит, держу её и начинаю стягивать лифчик, как вдруг эта дура передумала мне давать!

Ты это уже сказал! Почему она передумала?

Сказала, что первый раз должен быть другим!

А ты чё?

А я чё, туда просто так пришёл? – заулыбался Шеин, почёсывая заросший подбородок. – Схватил и повалил на кровать. Так себе вечер провёл, она всё там залила своей кровью! Понимаешь, всё, блин, в крови было! Одеяло в крови, подушка в крови, я сам весь красным измазан! Понимаешь, как на скотобойню ходил, мать её!

Первый раз должен быть волшебным, – промямлил Кошкин.

Да говно этот «первый раз», – воскликнул Шеин. – Хуже не придумаешь.

Он тоже достал из пачки сигарету с ментолом, раздался хруст лопнувшей капсулы. Шеин закурил.

А сколько ей лет? – спросил Дёмин.

Шестнадцать... а может пятнадцать, – равнодушно ответил Шеин.

И что ты дальше с ней делать собираешься? – поинтересовался Кошкин.

Ничего. Буду скрываться от неё! Ещё мне не хватало её подростковые загоны терпеть.

Эдик Шеин встал и попытался отряхнуться от кошачьей шерсти, которая ураганом носилась по всей комнате и оста-

валась на одежде каждого, кто имел удовольствие посетить скромное жилище Вити Дёмина. Эдуард Шеин, или Шея, как его называли друзья, был самым младшим в компании своих друзей, но выглядел года на три старше Вити Дёмина и, тем более, старше Димы Кошкина, который в двадцать лет продолжал быть похожим скорее на ученика одиннадцатого класса. Лицо Шеина покрывала густая чёрная борода, голова была подстрижена под короткий, аккуратный ёжик. Эдик специально стригся коротко, чтобы волосы не завивались в кудри. Его карие глаза никогда не были серьёзными. В них отсутствовала та циничность, как у Дёмина, зато присутствовала вечная ирония. При разговоре с Шеином было тяжело понять, относится он к тебе серьёзно или же просто смеётся над тобой в душе. В нём была какая-то притягательная противоречивость. Его можно было заметить одетого по последней моде в элитных заведениях города Владивостока в компании его многочисленных мажорных друзей, которых он знал неизвестно откуда. А уже на следующий день вы найдёте его сидя на лестничном пролёте с самым дешёвым пивом в руках, которое на вкус будет скорее напоминать спирт, разбавленный водой. Он был своим в любой компании. Одним из тех людей, которого хочется угостить, даже если у самого едва хватает денег на кусок хлеба. У Шеина тоже была своя философия жизни, но, в отличие от Дёмина, всем вполне понятная. Он никогда не стыдился ни за какие поступки в своей жизни, плевал на мнения о себе других людей и ста-

рался жить только так, как ему было удобно.

– Дима, ты вообще в универе появляешься? – спросил Дёмин.

Кошкин тоже потянулся за сигаретой, в горле было сухо, как в пустыне.

Появляюсь, – уверенно ответил он, но затем добавил: – Иногда. Может и чаще бывал на парах, если бы вообще знал на кой чёрт я там учусь.

А на кой чёрт ты там учишься? – подхватил Шеин.

Чтоб видимость деятельности создать, а то отец совсем расклеится и, наверное, погонит самому зарабатывать на квартиру.

А, ну тогда, типа, мотивация есть, чувак, – Шеин почесал чёрную бороду.

Вот не скажи, блин, – вступил Дёмин. – Жид везде свою выгоду ищет. Такая себе практическая польза от этого дерьма? Я бы в это царство лицемерия и шагу бы не вступил.

Какое ещё царство лицемерия? – удивился Кошкин.

Учебки ваши, Дима, сечёшь? Одни притворяются, что учатся, а другие, что учат. Зубришь, даёшь на лапу преподам, а потом получаешь картонку о том, что ты теперь, типа, умный. Я вам так скажу, ребята, я уж повыше этого буду.

А что ты, мать твою, мне ещё предлагаешь делать? – затараторил Кошкин.

Ага, мужик, ты вообще у стариков на шее сидишь. Ты в курсе об этом? – Шеин своими словами нарушил неглас-

ное правило: не упоминать жизнь Дёмина всуе, чем и вызвал праведный гнев хозяина квартиры.

Ты, жидок, мне ещё про мою жизнь расскажи, ага! Я ни у кого на шее не сажу! Меня ваще тут даже не замечают! Уж простите, что я не могу через себя переступить и отправиться лизать задницы начальникам или вымогателям-преподам, чтобы вписаться в серьёзный взрослый мир, мать его. Может мне ещё, сука, в офис потом устроится, бумажки продавать? – гремел его пьяный голос.

Всё, всё, всё, чувак, остынь! – перебивали друг друга Шеин и Кошкин, дабы успокоить покрасневшего от злости Дёмина.

Я понял, в курсе? – выставил перед собой ладони Эдик Шеин. – Ты босс, мужик.

Ей богу, я будто с дебилами общаюсь, – успокаивался Дёмин. – Мне, блин, каждый раз вам всё на пальцах объяснять? Дай закурить.

Кошкин протянул другу сигарету, затем одобрительно закивал головой:

Правильно ты, Витя, говоришь! Так оно и есть. Всё ненастоящее. Будто декорации из картона. И люди в них декорации. С кем не заговоришь, будто бы роль отыгрываешь: сейчас моя реплика, затем его. Я за три года учёбы и половины имён своих одноклассников не помню. Как заговорят со мной, так хоть на руке заранее пиши, чё им отвечать.

Так ты не отвечай, – за чёрной бородой Шеина засияла

улыбка. – А можно просто с табличкой ходить: «Не разговаривайте со мной, для меня вы дерьмо!»

Всё также базарят про машины, бабки и девчонок на ночь? – Дёмин полностью успокоился и будто бы вообще забыл, что минуту назад готов был пускать кровь своим друзьям.

Ага, всё так, – закивал головой Кошкин. – Я там у них за местного фрика, раз читаю книги и не поддерживаю их тупоголовые разговоры.

Естественно, ты фрик, Дима, – засмеялся Дёмин. – В стране рабов свобода – это экстремизм. Ты для них как красная тряпка для быка. Они же нахватали свои методички о том, как надо жить и поддерживать беседы, когда другие особи произносят звуки. А тут ты вырисовываешься, хе-хе! Давайте может покурим лучше. У меня есть чё!

Друзья выкурили самокрутку с лёгкими наркотиками и некоторое время сидели в тишине, после чего разговорились на разные отвлечённые темы. Подобным образом друзья собирались почти каждые выходные. В остальные дни они редко виделись, каждый был занят какими-то своими делами. Дмитрий Кошкин учился в одном из неплохих университетов Владивостока, в котором, впрочем, в последнее время появлялся нечасто. Эти прогулы сказывались на его успеваемости, и он имел многочисленные долги по целому ряду предметов. Он ненавидел свою жизнь в промежутке от выходных до выходных. Каждый раз он радовался пятнице, по-

тому что знал, что ближайшие два дня проведёт в пьяном угаре в компании своих странных друзей. Им не нужны были шумные бары и клубы, они вполне удовлетворялись беседами друг с другом, запивая это большим количеством алкоголя и скуривая всё то, что доставал для них Витя Дёмин.

Короче, я домой, – сказал Шеин. – Завтра, типа, на работу, в курсе, все дела.

Эдик Шейн работал официантом в небольшом ресторанчике, недалеко от центральной площади города. Он ненавидел свою работу, но, как ни странно, держался на ней уже более трёх месяцев. Обычно он увольнялся с любой работы уже через неделю, а то и через день, после первого там появления. Он даже никогда не писал заявления на увольнение, а просто в один прекрасный момент исчезал с рабочего места и больше туда не возвращался.

Ну да, точно. У всех дела, – ответил Дёмин.

Я тоже домой, – подхватил Кошкин. – Завтра утром я всё-таки должен идти в универ. А то мне начинает казаться, что я забываю, как выглядят некоторые преподаватели.

Хорошо, – сказал Дёмин. – Я, если честно, тоже на ваши бухие рожи уже посмотрелся. – Он достал ещё одну бумажку для самокрутки, чтобы, видимо, забить себе новую порцию, когда друзья покинут его гостеприимную квартиру.

Они попрощались и расстались на лестничной клетке. Кошкин и Шеин спустились вниз, зазвенела дверь домофона. Кошкин вдохнул ещё по-зимнему холодный воздух, но на

улице уже чувствовалось, что наступил долгожданный март. Никогда ещё самый обычный воздух не доставлял Кошкину такого удовольствия, как после нескольких часов, проведённых в душном, задымлённом помещении. Он пожал руку Шеину и побрёл домой, по пути оглядывая в вечерних сумерках родные дворы, на которых вырос и провёл лучшие годы своей жизни. Теперь он жил далеко от этой улицы и нужно было поторопиться, чтобы успеть на последний автобус, который следовал в центр города. Пробежав несколько метров по морозному воздуху, Дмитрий немного отрезвел, и только сильная головная боль напоминала ему о том, как хорошо он проводил сегодняшний вечер. Он добежал до остановки как раз в тот момент, когда автобус собирался отходить. Салон был абсолютно пуст, и машина не останавливалась ни на одной остановке, так как в такое позднее время ни один житель города не пожелал бы куда-либо ехать.

Дмитрий Кошкин вернулся домой в двенадцатом часу. За спиной хлопнула входная дверь, из рук выпали ключи, слышался звон. Пытаясь сконцентрироваться, Дмитрий нащупал в темноте выключатель, яркий свет больно резанул по уставшим глазам. Кошкин поднял ключи с пола и положил на тумбочку. Руки не слушались его, он с трудом стянул кроссовки и зашёл в единственную комнату квартиры. Это была маленькая и тесная комнатка, в которой размещался лишь диван, шкаф и компьютерный стол с одной стороны, и холодильник, печка и полка для посуды с другой. Комната

была мрачной и неудобной, но Дмитрия она вполне устраивала. Ванная покрылась ржавчиной, иногда протекали трубы. В самой комнате уже лет пятнадцать никто не делал ремонт, потому выглядела она жутко. Но были и плюсы проживания здесь: его дом находился всего в двадцати минутах пешком от университета. Кроме того, за аренду брали немного, и отец Дмитрия никогда не забывал давать сыну денег на съём. Кошкин не работал, его отец настоял на том, чтобы сын всё свободное время уделял учёбе в университете. Дмитрий брал деньги у старого отца, каждый раз скрывая от него, что стоит в шаге от отчисления.

Он упал на диван и схватился двумя руками за голову. Так он лежал несколько минут, затем стал медленно стягивать с себя, пропитавшуюся потом, одежду. В одних трусах он зашёл в ванную комнату. Запустив зубную щётку в рот, он стал чистить зубы, разглядывая своё уставшее лицо в зеркало. У Дмитрия были тёмно-русые, аккуратно выбритые по бокам и зачёсанные налево волосы, густые брови, которых он вечно стеснялся, и маленькие, дымчато-серого цвета глаза. У него был узкий нос и вишнёвого цвета губы. Смутившись, он обратил внимание на свои немного большие уши, которые он считал уродливыми. Дмитрий выплюнул зубную пасту в раковину, прополоскал рот и побрёл в комнату уже в полудрёме. Не забыв оставить включённой тусклую настольную лампочку, он попытался погрузиться в сон. Однако страх темноты даже с включённым светом не переставал заставлять его

всматриваться в тёмную прихожую, из которой на него уставился невидимый взгляд нечто непознаваемого.

Глава 2

Утром следующего дня Кошкин проснулся с невыносимой головной болью. Впрочем, любой понедельник он встречал с головной болью, независимо от того, пил он на выходных или нет. Однако, несмотря на свои мучения, он всё же смог подняться с дивана и стал собираться на учёбу, как и планировал.

Заткнув уши наушниками, Кошкин побрёл в сторону университета. Он подошёл к забору, служившим ограждением университетского кампуса, где остановился покурить. Высоко, под крышей главного корпуса, блистал на солнце позолоченный двуглавый орёл, а над ним гордо развивался триколор. Здания на территории кампуса были очень красивы, а аккуратные заборчики вокруг цветочных клумб подчёркивали их красоту и даже слегка очаровывали. Однако Кошкин уже давно не обращал внимания на помпезность зданий университета. Он знал, что всё очарование пропадёт, как только он зайдёт в пыльные и грязные аудитории.

Одногруппники как будто и не заметили, что Кошкин не приходил практически всю прошлую неделю. У него не было друзей в группе, более того он и вовсе старался по возможности как можно меньше с ними общаться. Он сильно приукрашал своё положение в группе перед Шеином и Дёминым – Кошкин вовсе не был изгоем. У него были хоро-

шие отношения почти со всеми студентами его группы, однако общение, которое он с ними поддерживал, нужно было лишь для того, чтобы группа не сделала его козлом отпущения. Как только он выходил за пределы университетского кампуса, все одноклассники тут же преставали для него существовать. Они казались ему какими-то одноклеточными. Ему было невыносимо слушать их очередные рассказы о том, кто и где кутил на прошедших выходных. Летели куча названий различных модных заведений. Он не мог слушать, как парни обсуждали фотографии какой-то смазливой девушки из социальных сетей. Он знал, что они могли обсуждать только девушку, у которой попросту на лице написано «идиотка». У Дмитрия не было никаких общих интересов со своей группой. Парни в основном разговаривали о том, кто и какую машину приобрёл или хочет приобрести, какая «тёлка» была с ним прошлой ночью после клуба или сколько килограмм они жмут от пола. Девушки занимались тем же самым – обсуждали, у кого из их знакомых парней какая машина, как круто им сделали брови, ногти, причёски и прочую чушь модные мастера в салоне, или какие шмотки видели в таком-то и таком-то магазине.

По понедельникам первой парой стояла дисциплина «Всемирная история». Преподавателем был мужчина лет пятидесяти, Александр Павлович Назаров. Кошкин хоть и не был в университете уже целую вечность, но отлично помнил, что никакие пары не срывались так часто, как у Александра Пав-

ловича. Какой бы не была тема занятия, она так или иначе приведёт к дискуссии на тему «есть ли Бог на небе». Александр Павлович был религиозным человеком, и часто его можно было встретить в одной из городских церквей. На первом же занятии Александр Павлович имел неосторожность (а может, он сделал это специально) заявить о себе, как о верующем. Группа Кошкина делилась на 2 части: атеисты и те, кому было по барабану, есть ли там какой-то Бог или нет. Естественно, одно неосторожное слово, и всё оставшееся время занятия уделялось «великому» противостоянию «научного мировоззрения» против «слуги божьего». Трудно было сказать, на чьей стороне выступал сам Дмитрий Кошкин. С одной стороны, он был атеистом, но с другой, ему совсем не хотелось влезать в эти идиотские споры. Александр Павлович вёл у этой группы уже второй семестр, и было действительно удивительно то, что у них до сих пор не пропал запал спорить друг с другом об одном и том же, приводя одни и те же аргументы в течение более чем полугода. Такое ощущение, что они уже совсем забыли, почему и зачем спорят, а спорили просто машинально, по привычке. Однажды Дмитрий поймал себя на мысли, будто он попал в какой-то бестиарий, окружённый животными с одной и другой стороны.

По-видимому, за время отсутствия его в университете там действительно ничего не менялось. И сегодняшняя пара точно так же была целиком и полностью на религиозную тему.

Вы, Александр Павлович, ведь преподаватель, а всё верите в какие-то сказки, – говорил один из одногруппников Дмитрия, сидевший за первой партой.

Какие же это сказки? – оправдывался Александр Павлович, но его то и дело перебивали.

То есть вы считаете, что где-то там на небе, на облаках, сидит невидимый бородатый мужик, который создал землю и теперь следит за тем, чтобы мы жили так, как он когда-то хотел.

Ну, если в вашем понимании это выглядит так, то вы явно ничего не знаете о христианстве! – отвечал Александр Павлович.

Мы знаем достаточно, – отвечал за всех другой одногруппник по фамилии Княжев. – Это уже факт, что атеисты знают о Библии больше, чем сами верующие. И мы явно не верим в то, что на Земле есть единороги, говорящие змеи и прочий бред. И уж тем более не хотим быть рабами какого-то Бога, который уничтожает людей только за то, что те не хотят ему подчиняться.

Вы говорите, основываясь на Ветхий завет, а ведь христианство...

Да какая вообще разница? – перебивал его Княжев. – Вы может ещё в то, что Земля плоская верите? Наука – двигатель прогресса, ищет ответы на все загадки вселенной, а религия – это всего лишь лёгкий путь для тех, кто совсем не хочет думать! Если бы религия не ущемляла науку, то, мо-

жет быть, люди уже бороздили бы космос! Если бы не было религии, то все войны бы уже закончились или даже не начинались! Если есть Бог – то это самое отвратительное существо, которое закрывает глаза на все беды человечества!

«И вот так каждый день», – думал Кошкин.

Учебный день тянулся бесконечно долго, но Кошкин дал себе обещание, что досидит все пары до конца. Он выходил курить после окончания каждого занятия. К концу учебного дня он жутко проголодался. В животе урчало, горло пересохло. В конце концов, он сдался и решил, плюнув на своё обещание, отправиться домой. Последней парой стоял «Английский язык». Кошкин пропускал эти занятия в течение двух недель, и, вновь всё обдумав, решил, что всё-таки сможет осилить ещё одну пару. Какое-то время он бегал по всему корпусу университета в поисках аудитории. Наконец, он нашёл нужный кабинет, опоздав ровно на двадцать минут. Постучавшись, он вошёл. Вся группа уже сидела в аудитории, за исключением нескольких человек, которые сбежали после обеда домой. Справа от входа, у доски, взглядом его встретила преподавательница, которую он до этого в университете ни разу не видел. И тут Дмитрий вспомнил о том, как два его одногруппника разговаривали о какой-то новой преподавательнице, которая едва их старше. Мария Антоновна Краскина, так звали новую преподавательницу по английскому языку. Она действительно была ещё совсем молодая девушка, возрастом двадцати четырёх – двадцати пяти лет.

Мария Антоновна смотрела на Кошкина с ничуть не меньшим смущением, чем он на неё. Она была ниже его примерно на голову. А потому, осмотрев его с ног до головы, замерла с поднятой головой, смотря ему прямо в глаза. «Красивая», – только и подумал Кошкин. Она и вправду была очень красива: у неё были необычайно прекрасные манящие губы, которые от волнения, которое она испытывала в свой первый рабочий день, были чуть-чуть приоткрыты. Её глаза были светло-голубые, почти лазурные, как цвет неба в ясный солнечный день. Тёмно-русые волосы, чуть светлее, чем у самого Кошкина, были аккуратно собраны в хвостик, лишь небольшая прядь падала на лицо с правой стороны. Она была невысокая и стройная, что очень понравилось Кошкину. Он считал миниатюрных девушек милыми и привлекательными.

Извините, я не мог найти аудиторию, – сказал Кошкин, – разрешите сесть.

Да, конечно, – только и ответила Мария Антоновна. – Как ваша фамилия?

Кошкин. Дмитрий Кошкин.

Та-ак... – она пробежала глазами по журналу. – Нашла! Боже, мой! Сколько же у вас пропусков?

Да, вы особо не старайтесь его запомнить, Мария Антоновна, – крикнул сидевший за третьей партой Конайкин.

Ну ладно, – вдохнула она, – Прогульщик, так прогульщик. Дима, проходите, присаживайтесь.

Кошкину стало не по себе из-за того, что он сразу произвёл такое плохое впечатление. Он увидел свободное место за первой партой, прямо перед преподавательским столом, а Мария Антоновна ждала, пока он не займёт место, чтобы продолжить вести прерванное занятие.

Как тебе училка, Кошкин? – прошипел сзади Дмитрия Конайкин.

Сойдёт училка, – шутливым тоном ответил он, лишь бы тот отвязался.

Первую половину пары Кошкин не отводил взгляда от Марии Антоновной. Всем своим видом он пытался продемонстрировать ей свою внимательность и заинтересованность в предмете, дабы сам не зная для чего разбить о себе первое впечатление. Несколько раз за пару он ловил на себе взгляд её голубых глаз, но лишь на мгновение. Мария быстро отводила глаза на страницы учебника или на другого студента из группы. Проблема заключалась в том, что Кошкин пропустил слишком много занятий, поэтому практически не понимал ничего из того, что говорила ему преподавательница. Пару раз она называла фамилию Дмитрия, чтобы тот перевёл то или иное предложение, но знаний Кошкина едва бы хватило, чтоб вспомнить перевод хотя бы нескольких слов.

И хоть новая преподавательница вела занятие легко и энергично, к экватору занятия силы стали покидать Кошкина. Он глянул на часы, оставалось ещё бесконечные тридцать минут до желанной свободы. Он поклялся себе больше не

смотреть на часы и полностью включиться в занятие. Предательски подкралась сонливость. Глаза стали слипаться, будто последний раз он спал сотню веков назад. Он ущипнул себя за руку и, не выдержав, посмотрел на часы: до конца занятия оставалось двадцать минут. «Какого чёрта? Я чё, провалился в грёбаную чёрную дыру? С каких пор время идёт так медленно?» – мысленно ругался Кошкин. И какой ужас охватил Дмитрия, когда он вдруг понял, что на какое-то время – совсем ненадолго, возможно, на несколько секунд – он задремал. Он поднял голову и моргнул несколько раз, в глазах мутнело. Мария Антоновна, свесив ножки, сидела на учительском столе и с издёвкой смотрела на него:

Не выдержали? – язвительно сказала она. – Одна пара английского языка в месяц для вас слишком много?

Студенты расхохотались и выстрелили очередью шуток в сторону Кошкина.

«Как же я себя ненавижу», – подумал он.

Наконец-то занятие подошло к концу. Мария Антоновна дала задание на дом и объявила, что все свободны.

До свидания, Мария Антоновна, – хором пропела группа.

А сам Дмитрий нарочно собирался как можно медленнее, чтобы попробовать как-то извиниться перед Марией.

Извините, что заснул, Мария Антоновна. Я и сам не понял, как это произошло, – Кошкин обратился к ней, когда она собирала свои тетради и учебники в сумку.

Это всё потому что вы дурак и двоечник, – улыбнулась

она. В этот момент извиняющийся Кошкин показался ей очень милым.

Наверное, это так, – смущённо улыбнулся он.

Я вас прощаю, но чтоб больше такого не было.

Пару секунд они простояли в тишине.

Я в последнее время нечасто посещал занятия. Думаю, у меня должны были накопиться какие-нибудь долги, – Кошкин испытывал неизвестно откуда взявшееся волнение, отчего говорил тихо и запинаясь.

И? – она с любопытством посмотрела на него.

Вы можете мне их сказать?

Ну, сейчас не могу, я только первый день работаю, – она робко улыбнулась. – У нас в среду должно быть занятие, давайте после той пары я вам сообщу все ваши долги, – она снова улыбнулась. Кошкину понравилась её улыбка, что-то было в ней очаровательное. Она поправила рукой прядь волос, которая падала ей на лицо.

Договорились, – произнёс Кошкин, а потом робко добавил – Ну как вам первый день в нашей группе?

Ничего необычного. Дети, как дети, – посмеялась она. – Скоро к вам привыкну!

Конечно, привыкните, – он улыбнулся в ответ.

Наступило неловкое молчание. Было слышно, как секундная стрелка бежит по циферблату кабинетных часов. Мария продолжила собирать свои вещи в сумку. Кошкин стоял, как идиот, и беглым взглядом окинул свою преподавательницу

во второй раз. Она посмотрела ему в глаза и неловко улыбнулась. И вот тут Кошкин точно почувствовал себя дураком. Он ещё больше засмутился от того, что не мог придумать, что сказать. На помощь Кошкину пришёл звонок мобильного телефона Марии.

Она взяла телефон и посмотрела на номер звонящего.

Ой, извините, – сказала она. – Мне уже нужно домой собираться, а то муж потеряет.

Ах, муж, – отчего-то растерянно произнёс Кошкин. – Ну, тогда до среды?

Да, конечно! В среду я вам сообщу все ваши грехи, – она улыбнулась ему ещё раз, после чего ответила на звонок телефона. Кошкин не слышал, о чём она разговаривала. К тому времени он уже вышел из аудитории и спустился по лестнице вниз, к выходу.

«Муж», – пронеслось у него в голове.

Глава 3

Меня бросили в это проклятое место, накачали каким-то дерьмом и оставили там на год. Будто я преступник какой-то, – Дёмин тряс над собой рукой, в которой между двух пальцев была зажата сигарета, докуренная до самого фильтра.

Это было на следующий день после знакомства Дмитрия Кошкина с Марией Антоновной. В этот день Кошкин, как и обещал сам себе, снова посетил все положенные занятия. После пар он мучился от безделья. Протирая уставшие глаза, он пялился в монитор ноутбука и раз в сорок минут выходил курить на балкон. К пяти часам вечера он поджёг последнюю сигарету и даже обрадовался поводу отправиться в магазин. Он вышел на улицу и пошёл вдоль дороги к продуктовому магазину, над которым яркими цветами светилась надпись «24/7». Было прохладно, однако чувствовалось, что это последнее дыхание зимы, на смену которой прорывалась долгожданная всеми весна. Он зашёл в магазин и открыл прилавок с сигаретами, недолго думая взял одну из самых дешёвых пачек. На кассе ему улыбнулась женщина, которая, скорее всего, в его возрасте сражала парней наповал, но в глаза всё же бросались её неровные зубы, дряблая кожа и потухший взгляд. Кошкин вышел на улицу, и лицо его вновь обжёг морозный воздух, который казался особенно холодным

после тёплого магазина. Дмитрий незамедлительно вскрыл пачку сигарет и закурил прямо возле входа. Он с наслаждением почувствовал, как горький дым проникает в его лёгкие. Кошкин хотел было двигаться в сторону своего дома, но почувствовал, что сойдёт с ума, если ещё хотя бы пять минут проведёт в компании своей мрачной квартиры, поэтому он и набрал номер своего друга и отправился на родные улицы травиться алкоголем и тем, чем угостит Витя Дёмин.

Часы показывали восемь, Кошкин и не заметил, как к портовому городу подкралась зловещая и холодная тьма. Лампочка, висящая на тонком проводе из потолка, несколько раз мигала так, что друзья на мгновения оказывались в кромешной темноте. Дёмин докурил сигарету и одним движением выкинул её на тихую улицу спального района. Искра света промчалась вниз и, упав с восьмого этажа на холодный асфальт, осталась лежать там и тихонько затухать. Дёмин закрыл окно.

Оставил бы на пару минут, – сказал Кошкин. Вся комната была в дыму так, что некоторые предметы интерьера опять стали теряться из виду пьяного сознания Кошкина. – Дышать и так нечем, – но Дёмин как будто и не слышал его.

Эти таблетки, – говорил он. – Они что-то делают с твоим сознанием. Ты как будто перестаёшь принадлежать самому себе. Всё, что тебе остаётся это лежать, пускать слюни и ходить под себя. Когда я попал в это пристанище для психов, я не мог поверить, что дошёл до того, что люди считают ме-

ня сумасшедшим. Я смотрел вокруг и видел только ходячих мертвецов, которые вечно что-то бубнили себе поднос, изредка поднимая глаза, как будто искали что-то, но, не найдя, снова всматривались в пол на лужу слюней, которые стекали с их губ. Я не спал целыми сутками, понимаешь, Дима? Сутками! Днём спать было запрещено, а ночью, – он помолчал, как будто пытался что-то вспомнить. Потом посмотрел на Кошкина. В этом взгляде было что-то пугающее. – Ночью спать было невозможно из-за оглушающего крика, который доносился из каждой палаты. Психи кричали так, как будто самый страшный ночной кошмар неожиданно ожил и затаился где-то в углу палаты. Ты заперт, связан, скован по рукам и ногами. Ты обречён до первого луча солнца слышать эти крики, которые изредка прерываются на всхлипывание и кашель. И вот тогда, именно в этот момент, ты впервые, по-настоящему чувствуешь себя сумасшедшим.

Дёмин замолчал. Он устался на свои ноги и какое-то время не делал ни малейшего движения. Кошкину даже пришла на ум глупейшая мысль, будто Дёмин заснул, как несчастный старик на последних годах жизни, как вдруг он поднял голову.

Вить, ты как? – забеспокоился Кошкин.

Я живой, – улыбнулся Дёмин, после чего расхохотался дьявольским смехом. Он был пьян и совершенно безумен. – Вот смотри, я сделал это сегодня, – он расстегнул пуговицу на манжете своей клетчатой рубашки и засучил рукав по

локоть. Среди множества старых шрамов легко можно было разглядеть один совершенно свежий порез.

Ты опять начал? – спросил Кошкин.

А я и не переставал, – ответил Дёмин. Он открыл окно и закурил ещё одну сигарету. Кошкин закурил вместе с ним.

Дёмин выглянул с окна и посмотрел куда-то в низ. Затем вдруг отвернулся и глянул на Дмитрия:

Вот боюсь высоты, но если за что-нибудь держаться, то могу на какое-то время задерживать свой взгляд.

Ты высоты боишься?

А ты не знал?

Нет.

Всегда её боялся, с самого детства.

Они оба замолчали на какое-то время.

А я темноты боюсь, – нарушил тишину Кошкин.

Да?

Ага... недавно это понял.

И как это проявляется?

Ну, как тебе сказать? Бывает такое, что выключаю свет и всё спокойно, сразу засыпаю. Особенно если хорошо устал за день, – он помолчал с секунду и продолжил. – А вот бывает, лягу спать и по полночи не могу уснуть. Всё думаю, что кто-то смотрит на меня из темноты. Бывает, не выдерживаю и поднимаюсь с кровати, осматриваю комнату, но никого не нахожу. Ложусь спать и снова чувствую на себе чей-то взгляд.

Дёмин слушал его внимательно, не перебивая. Когда Дмитрий замолчал, он сделал затяжку и, выдохнув сигаретный дым, сказал:

Я бы не решился осматривать комнату.

Почему?

А вдруг я действительно что-нибудь там найду.

В каком смысле? – Дмитрий посмотрел на него и выкинул наполовину целую сигарету в открытое окно.

Ну, ты боишься не темноты, а того, что в темноте. А что, если оно там действительно есть? Ну, знаешь, что-то такое, что не поддаётся логическому объяснению! И увидев это, ты просто, типа, сойдёшь с ума.

В следующий раз подумаю, прежде чем рассказывать тебе о своих фобиях, – рассмеялся Кошкин.

Тебя никто за язык не тянул.

Знаешь, в одной комнате с тобой я и без всяких призраков чувствую себя сумасшедшим.

Я тебя умоляю, – улыбнулся Дёмин. – В нашем мире все люди сумасшедшие. Они ничем не лучше, чем я. Просто у кого-то не хватает нервов притворяться, вот их и называют психами.

Я слышал, что если человек не отрицает того факта, что он, возможно, сумасшедший – значит он точно не сумасшедший.

Ну, каждый будет не отрицать этого факта, но в глубине души он всё равно уверен, что он-то нормальный.

Значит, ты считаешь, что все психи?

Конечно, психи! Ты только посмотри, как они живут! Чем они интересуются! Во что они верят! Эти войны, скандалы, эта зависть и их понятие Бога! Они же не в себе! Послушай, Дим, я хочу сбежать. Весь этот мир, – он на секунду задумался. – Он не слишком отличается от того мира в пределах больницы. Здесь те же психи, те же крики по ночам. Только они этого не видят.

Кто?

Пациенты! Они рождаются и живут по правилам, которые придумали задолго до них. И не в силах что-либо изменить, они принимают их. Они принимают, что должны всю жизнь работать на ненавистной работе, чтобы как-то оплачивать своё право на жизнь в бетонной коробке, в огромном муравейнике. Они не выбирают, в какой стране родиться, но родившись должны быть готовы умирать и убивать за место, в котором оказались совершенно случайно. Одни психи считают, что были созданы добрым и справедливым Всевышним, который любит их, как себя. И только их Всевышний прав, а остальные мародёры. И опять, они оказались на земле, где верят в этого Бога, совершенно случайно. А родись на другом континенте, они бы верили в того Бога, в которого верят там. Другие пациенты думают они венец природы. Сами себе боги, смеются над идеей Создателя, при этом имея наглость предъявлять ему же о том, что он несправедлив или кровожаден. Они не осознают, что являются лишь мелкими

жуками-паразитами, которые не имеют права даже заикаться о собственной значимости. И в уме всевышнего разума, создавшего вселенную, могут быть иные понятия справедливости и добра.

Что ты имеешь в виду?

То, что Бог, если таковой имеется, не должен обязательно отвечать нашим нормам доброты и справедливости. За всю историю человечества было множество богов. Были добрые боги и были боги злые. Человек никогда не сможет ответить на вопрос: он создал бога или бог создал его? Но в одном я уверен на все сто процентов, – Дёмин выкинул сигарету, которая почти полностью истлела в его руках. – Всё добро, что было сделано за историю существования человека, было сделано исключительно людьми, и всё зло тоже сотворено только людьми. А то, что эти добрые и злые заслуги скидывают на какого-то Бога, лишь попытка человека сбросить с себя всю ответственность. И тут неважно атеист ты или ты веришь.

На какое-то время в комнате наступила тишина. Дмитрий думал, что ответить Дёмину, но тут его взору снова пристал свежий ножевой порез на руке Вити.

Зачем ты снова себе руки режешь? Хочешь умереть? Или хочешь, чтобы опять в психушке закрыли? – спросил Кошкин.

Вовсе нет! – вскрикнул Дёмин. – Я вовсе не хочу умирать. О суициде я уже давно не думал.

Тогда зачем тебе всё это?

Понимаешь, Дима, – он помолчал, пытаясь в голове сформулировать мысль. – Это свобода. Я чувствую себя живым и свободным.

Ты чувствуешь жизнь в смерти? – мрачно улыбнулся Кошкин.

А почему нет? Пойми, на пороге смерти перед тобой самый живой и свободный человек.

Ну, это что-то уже из Сартра. Что ты имеешь в виду под такой свободой?

Ты это и сам прекрасно понимаешь. Смотри, человек от рождения имеет право на жизнь и свободу.

Так.

Без права на жизнь нет права на свободу. Но без права на свободу в праве на жизнь нет совершенно никакого смысла. Но вот именно право на свободу рождает из себя ещё одно право.

Право на смерть, – сказал Кошкин.

Правильно, Дима, право на смерть. Это же прекрасно. Только я решаю, когда и как мне умереть. А люди в нашем сумасшедшем доме ни черта не решают. Они отдали свою свободу. Она им не нужна. Им нужен суровый диктатор, который будет им говорить, как делать нужно, а как нет. И не важно, кто это будет: Бог, царь, президент, владельцы корпораций, рекламщики, репортёры, писатели, музыканты. Им не нужно контролировать каждого, достаточно контролиро-

вать большинство. Большинство, стадо, делает за них всю остальную работу. У людей есть две потребности: лишить себя свободы и постараться лишить свободы остальных. Стадо не выдержит, если они увидят, что кто-то обладает свободой. Таких людей они вычисляют сразу. У них в голове не рождается потребность тоже обрести свободу, но есть потребность лишить свободы. Вот смотри, у тебя есть полное право жить так, как нравится только тебе, если ты при этом не будешь мешать жизням других людей, так?

Так.

Но, если ты скажешь об этом в определённых кругах, тебя уничтожат. Ты этими своими, казалось бы, совсем нормальными желаниями отрицаешь навязанные жизненные ориентиры того самого большинства людей. И они, если надо, посвятят жизнь, чтобы доказать тебе, что ты не прав и должен жить так же, как они. Только не пытайся убедить себя в мысли: «Я же им ничего не сделал, зачем они пытаются лезть в мою жизнь?». О нет! Ты не просто «что-то сделал», ты разрушил всю их жизнь, показав им, что их крепость – это всего лишь картонный домик. Им никогда не освоить единственное, с одной стороны элементарное, с другой необычайно сложное правило: «Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого, – повторил Кошкин. Эти слова запали ему в душу. Это же так логично. Самое главное – это действитель-

но правильно. Он посмотрел на своего друга Витю Дёмина. И как же показательно общество сочло его сумасшедшим.

Уехать бы, – сказал Дёмин после затянувшейся паузы. – Но не так, что в другую страну или в город, типа Москвы. Москва – это просто более красивый и престижный сумасшедший дом, чем наш. А куда-нибудь глубоко в лес, в тайгу, где один единственный домик с одним единственным «психом». Там, где до тебя не дотянутся самовлюблённые пальцы сумасшедшей цивилизации.

Когда Кошкин посмотрел на часы, маленькая стрелка замерла между девятью и десятью вечера.

Витя, мне пора домой, – сказал Кошкин. – Если у тебя задержусь, то уже не успею на автобус, а на такси у меня денег не наберётся.

Подожди. Ты со мной не прогуляешься до человека одного? Это как раз по пути до остановки.

Хорошо, а что тебе от него нужно?

То, что поможет мне немного убить вечер, – улыбнулся Дёмин.

Витя Дёмин убивал вечера только одним способом. Принимая то, что принимать было запрещено.

Они вышли на улицу. Холодало. Друзья шли молча, где-то вдалеке, в стороне дороги лаяли собаки. Они прошли продуктовый магазин и двинулись по дорожке к детскому саду, в котором, будучи детьми, и познакомились. Забор ограждал всю территорию детского сада, а ворота закрывались на за-

мок. Друзья перелезли через забор и вступили на территорию. Кошкин смотрел на пустые беседки и турники. Ветер поднимал с холодного асфальта листья, заставляя их плясать под ногами. Качели скрипели, ветер и их заставлял шевелиться, и было в этом ветре что-то по-настоящему зловещее.

Минув детский сад, Кошкин и Дёмин вышли на дорогу, которая проходила через школу. Около школы тоже не было ни души, и даже ветер не гулял в этом месте. Они свернули направо и подошли к грязно-розовому пятиэтажному дому, каждое окно которого горело ярким жёлтым светом.

Нам сюда, – сказал Дёмин.

Пройдя мимо нескольких подъездов, Дёмин указал на тот, который был нужен. Они открыли сломанную кодовую дверь и зашли в тёмный подъезд. На лестнице кто-то разлил банку уксуса, поэтому весь подъезд пропах мерзким кислым запахом. На втором этаже спал бомж, перегородив собой весь проход выше. Дёмин и Кошкин аккуратно перешагнули через него и поднялись выше. На третьем этаже уже не так сильно воняло уксусом, но запах мочи, исходящий от бомжа, был гораздо хуже. Вся стенка третьего этажа была чёрной от копоти. Видимо, кто-то умудрился здесь взорвать газовый баллончик.

Постой здесь, – сказал Дёмин. – Я быстро, – пообещал он и поднялся на этаж выше.

Раздался стук в дверь.

Кто? – донёсся до Кошкина приглушённый стальной дзве-

рю голос.

Витя Дёмин.

Послышался звук поворота ключа, дверь отворилась. Кошкин увидел луч света, который бил из квартиры, куда стучался Дёмин. Затем голос:

Витёк! Ты где был так долго? Проходи, – тот парень явно был рад видеть Дёмина. Дверь закрылась, и Кошкин снова очутился в полной темноте.

Стало тихо. Очень тихо. Кошкин не слышал даже сопение бомжа, который спал на этаж ниже него. Дима подошёл к окну, которое находилась на лестничном пролёте между третьим и четвёртым этажом, и открыл его. Он больше не мог терпеть невыносимую вонь, которая поглотила весь подъезд этого воистину жуткого дома. «Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого», – вновь вспомнил он слова Дёмина. Интересно, можно ли считать этого беднягу, что лежит на этаж ниже свободным? Ему не нужно ходить на работу и платить за квартиру, ему не нужно выглядеть престижно или модно перед другими людьми. Он полностью свободен и не перед кем не отвечает. Кроме того, скорее всего, такой образ жизни он в той или иной мере тоже выбрал сам. Но ему нужна еда и кров. Не будь других людей, за кем бы он доедал объедки? В чьих подъездах бы спал? Выходит, он тоже зависим? Выходит, даже если ты вольный бродяга, ты, так или иначе, на поводке у более состоятельных людей. Получается парадокс: человек свободен от природы, но од-

новременно с этим всегда зависим от социума. Богач зависит от бедняков, которые на него работают, и бедняки зависят от богача, который даёт им работу. Тогда где же прячется свобода? Есть ли такое место на земле, где ты будешь полностью независим? «Уехать бы», – промелькнули в голове у Кошкина слова его друга. Можешь ли ты считать себя свободным, если сам добровольно отдал свою свободу? Ведь этот выбор был сделан непосредственно тобой.

Мысли Кошкина прервались, когда дверь на четвёртом этаже отворилась, и слышались голоса:

Где-то во вторник, на следующей неделе, – голос явно принадлежал Вити Дёмину. – Увидимся.

Дверь захлопнулась, Дёмин спустился по лестнице и увидел Кошкина.

Пошли, – сказал Дёмин. – Провожу тебя до остановки.

Они вышли из подъезда и отправились по тротуару к остановке. Стало ещё прохладней, а окна в домах стали светиться гораздо реже. Улицы оставались всё такими же пустыми. До остановки было десять минут пешком прямо по дороге.

Откуда ты берёшь деньги на дурь, Витя?

Ему от меня деньги не нужны. У него травы в доме достаточно для того, чтобы жить богаче нас с тобой обоих вместе взятых. А то, что он даёт мне, для него равносильно копейкам, которые ты даёшь попрошайкам на улице.

Кошкин открыл было рот, чтобы задать ещё вопрос, как вдруг Дёмин резко поднёс указательный палец к своим губам

и прошипел:

Тихо! – он мотнул головой вперёд, указывая на два человеческих силуэта, которые виднелись в шагах двадцати от Кошкина и Дёмина. – Вот и санитары нашего сумасшедшего дома.

Это были полицейские, которые патрулировали ночные улицы.

Дима, дурь у меня в правом носке, – сказал Дёмин.

Кошкин выругался. Потом, оглядевшись по сторонам, сказал:

Давай направо и дворами от них.

Тебе ночью охота от ментов бегать? Просто проходим мимо и не обращаем на них внимания. Если идём мимо них, значит мы не боимся, что нас задержат.

А если остановят?

Не остановят.

Друзья почти поравнялись с полицией так, что Кошкин уже мог различать каждую деталь на их серой форме. Он слышал, как позвякивали наручники на их поясах и как стучали тяжёлые ботинки об асфальт. Они разминулись с полицейскими в полной тишине. Патруль даже не обернулся в их сторону.

Я же говорил, – прошептал Дёмин. – Это главные борцы со свободой. Свою свободу они давно уже продали, теперь охотятся за чужой.

Эй, парни, на пару слов подойдите, – вдруг окрикнул их

голос сзади.

Валим! – только и крикнул Дёмин, но Кошкин всё бы понял и без слов.

Вот сучьё! – закричал полицейский.

Друзья рванули от полиции и сразу свернули с тротуара во дворы, которые знали, как свои пять пальцев. Кошкин бежал по родным улицам, не разбирая дорогу. Холодный ветер бил ему в лицо, проникая ледяным дыханием прямо в горло, скользкий снег неприятно чавкал под ногами. Они не видели и не слышали, гонятся ли за ними или нет, но оборачиваться, а тем более тормозить вовсе не собирались. Адреналин ударил в голову Кошкина, и тот нёсся со скоростью олимпийского бегуна, надеясь в темноте не налететь на что-нибудь и не упасть. Пробежав ещё несколько метров, Кошкин увидел остановку, к которой подъезжал одинокий автобус.

Прыгай туда, я домой побежал, – крикнул ему Дёмин и свернул в сторону своего дома.

Кошкин и не заметил, как нырнул в автобус. Сердце бешено колотилось, грозясь вот-вот выпрыгнуть из груди. Во рту чувствовался солёно-горький привкус крови. Автобус двинулся и поехал в сторону следующей остановки. Кошкин закашлялся, потом сел на свободное место, пытаясь не вызывать подозрения у редких пассажиров. Дима посмотрел в окно, на тёмных улицах не было видно полиции.

«Оторвались, – ликовал Кошкин. – Хватит на сегодня приключений».

Глава 4

Он открыл глаза, когда осеннее солнце уже правило над серым городом. «Проспал», – только и подумал Кошкин. Он взглянул на часы, они показывали половину двенадцатого, Кошкин не успевал даже на последнюю пару. «Твою мать», – злился он на себя. Дима собирался было лечь снова в постель, однако, внезапная мысль о том, что сегодня после пар он должен встретиться с Марией Антоновной, быстро привела его в чувства. Он снова посмотрел на часы. «Ещё успеваю», – подумал Кошкин. В ту секунду он и сам не понимал, зачем ему непременно надо с ней встретиться. Дело точно было не в ответственном подходе к своему образованию, так как он бы с удовольствием проигнорировал бы любую другую встречу с любым другим преподавателем. Но неведомая ему сила гнала его в университет. Что-то, что он пока не понимал. А, может, понимал, но не хотел себе признаваться.

Спустя полчаса он уже закрывал за собой входную дверь и со всех ног нёсся в сторону университета. Кошкин влетел в учебный корпус и направился на кафедру английского языка, где и застал Марию Антоновну. Она сидела на кафедре совершенно одна и была прекрасна, как и в тот день, когда Дмитрий увидел её в первый раз. Сегодня на ней была красная в клеточку рубашка и чёрные джинсы, волосы, как и в тот раз, были снова собраны в аккуратный хвостик, завязанный красной резинкой. Мария совсем не заметила Кошкина, она сидела безучастная ко всему и читала какую-то книгу.

Глаза её в этот раз не были такими выразительными, они были полны печали. Кошкин невольно поймал себя на мысли, что любит её и, скорее всего, со стороны похож на ненормального. Он посмотрел на часы и удивился, почему она до сих пор здесь, когда пара закончилась ровно двадцать минут назад. Дмитрий хотел было поздороваться, но нерешительность сдавила ему горло. Он вышел обратно в коридор и несколько секунд ходил из стороны в сторону. В какой-то момент он даже захотел развернуться и пойти прочь, боясь своим присутствием ещё больше испортить её настроение. Но потом всё же собрал свою смелость в кулак и решительно вернулся на кафедру. Мария Антоновна всё так же одиноко и печально сидела, уткнувшись в книгу.

Здравствуйте, Мария Антоновна! – громко и радостно поздоровался Кошкин.

Мария раздражительно подняла глаза, но, увидев лицо Дмитрия, как будто даже немного улыбнулась.

Дима, – сказала она.

Я думал, что вы уже давно домой ушли, – сказал Кошкин. – Почему вы тут сидите совсем одна?

А почему это вы пары опять прогуливаете? – вдруг строго вопросом на вопрос ответила она. – Я даже не думала, что вы сегодня придёте!

Простите, Мария Антоновна, я проспал. Вчера немного загулял, – виновато ответил Кошкин. – Так, а почему вы домой не идёте. Муж вас не потеряет?

«Ты, блин, ещё спроси у неё, как у них дела в постели, придурок ты конченный», – тут же злобно накричал на него внутренний голос.

Ничего с ним не случится, – как-то невесело ответила Мария, как будто не замечая интимности вопроса.

Внезапно на кафедру зашли две пожилые женщины. Это были преподавательницы с кафедры. Они бурно обсуждали какие-то задания, с которыми никак не могут справиться их студенты. На кафедре моментально стало шумно.

Здравствуй, Машенька, – поздоровалась одна из преподавательниц.

Здравствуйте, – ответила Мария.

Они переглянулись с Кошкиным.

Давайте пройдем в соседнюю аудиторию, – предложил Дмитрий. – Я видел, она была свободна.

Давайте, – улыбнулась ему Мария и стала собирать вещи. Кошкин увидел название книги, которую читала Мария Антоновна. Это был «Солярис» Станислава Лема.

Они вышли в коридор. Мария шла чуть впереди Дмитрия, и в нос ему ударил приятный аромат её духов. На их счастье, та аудитория оставалась по-прежнему свободной. Мария села за преподавательский стол, положив на него свои тетрадки и книгу, а Дмитрий расположился за первой партой, будто они были на занятии.

Ой! Чуть не забыла, – воскликнула Мария. – Вот, держите, – она дала ему вырванный тетрадный листочек, на кото-

ром красными чернилами были написаны номера упражнений для Кошкина. – Листок можете себе оставить. Консультация у меня по вторникам и пятницам. Приходите и сдавайте свои долги.

Господи, как же их много!

А вы чего хотели, Дима? Будете прогуливать, как сегодня – наберёте себе ещё больше долгов!

Да, я это понимаю, Мария Антоновна! Вы меня извините, всё будет в лучшем виде!

Передо мной можете не извиняться, Дима, – она очень тепло посмотрела ему в глаза. – Это же в ваших интересах ходить на занятия.

Затем она помолчала несколько секунд и снова обратилась к нему:

Но всё равно не смейте мне больше прогуливать пары! – она попыталась сказать это как можно строже, что, впрочем, ей не особо удалось.

Кошкин стал рассматривать бесконечный список его долгов. По количеству заданий на дом ему показалось, что он пропускал английский язык годами. А Мария тем временем не сводила с него глаз. Он показался ей милым и даже немного симпатичным, хотя при их первой встрече он вообще не произвёл на неё особого впечатления. Дмитрий поднял на неё глаза, их взгляды встретились:

Что вы смотрите?

Ничего, – немного смутилась она. – Всё понятно с зада-

ниями?

Понятно, что я не доживу до сессии, – грустно улыбнулся Кошкин.

Мария промолчала.

Нравится книга? – спросил Кошкин, указывая на «Солярис».

Очень даже неплохая, – ответила Мария. – Вы читали?

Не читал, – ответил Кошкин. – Советуете?

Даже не знаю, – смутилась она. – Смотря, какое у вас настроение. А вообще читать любите?

Вообще? Люблю! Вот только теперь решил за учёбу взяться, так что, боюсь, времени теперь совсем не будет.

Хорошо вы за учёбу взялись, – рассмеялась она. – Почти вовремя сегодня на пару прибежали!

Кошкин обрадовался, увидев её улыбку. Он был рад, что она с ним разговорилась. По какой-то неведомой ему самому причине, Дмитрию очень хотелось наладить с ней подобие дружеских отношений.

Я просто проспал сегодня, – начал оправдываться он. – Будильник три раза звонил, а я его не слышал. Точнее слышал, но каждый раз выключал его и ложился обратно спать.

Эх вы, – улыбнулась Мария. – Как вы только до третьего курса доучились?

Для меня это такая же загадка, как и для вас.

Она посмотрела на него, как на непослушного ребёнка. Печаль, которую заметил Кошкин при встрече, совсем ис-

чезла из её прекрасных глаз, теперь она совсем развеселилась.

Ну, так какие книги вы читаете, Дима?

Ну, разные... Классическую литературу, в основном.

А какую последнюю книгу вы читали?

«Анна Каренина», – ответил Дмитрий.

Серьёзно? – оживилась она. – И как вам Толстой?

Ну, как вам сказать? – задумался Кошкин. – Мне, вроде нравится, но как-то... скучно.

Скучно?

Местами, даже очень! Я так и не смог сопереживать героям. Может это со мной что-то не так?

Возможно, она попалась вам не в то время не в том месте. У меня так было с «Доктором Живаго». Я чуть не померла, пока его читала.

Кошкин отвёл взгляд и подумал, что теперь она сочтёт его идиотом, который совсем не разбирается в литературе. «Неужели так трудно было просто сказать, что «Анна Каренина» – лучшее, что ты читал в своей жизни?», – думал он.

Да нет... на самом деле «Анна Каренина» хороший роман, – начал было оправдываться Дмитрий.

Признавайтесь, чем он вам не нравится, – настаивала Мария.

Просто, он же удавится, если в мельчайших подробностях не расскажет нам о каждой детали интерьера в комнате, которая в продвижении сюжета вовсе не сыграет роли, – выда-

вил из себя Кошкин, – Или обязательно гигантская предыстория персонажа, который за всё время скажет два слова, но описывать его он будет три страницы.

А я на это особо и внимания не обращала, – ответила Мария.

Я вот только на это и обращал, – смущённо сказал Кошкин. – Показалось всё слишком медленным и размеренным.

Поверьте, эта книга точно попала к вам в руки не в тот период вашей жизни? Так бывает. Попробуйте перечитать её в другой раз.

Знать бы ещё, когда этот момент настанет, – усмехнулся Дмитрий.

Всё хорошо, Дима, – она заглянула в его глаза и подарила ему свою мягкую улыбку. – Вам не обязательно должна нравиться та или иная книга. Я же у вас не школьная учительница литературы, которая не допускает критического мышления.

Дмитрий обрадовался этой улыбке. Больше всего на свете в этот момент он боялся показаться ей слишком маленьким или глупым и необразованным.

Дима, если вам не понравился Толстой, то попробуйте прочитать его последний роман «Воскресенье».

А что там?

Там Толстой переосмысливает свою жизнь и свои взгляды. Может быть темы, поднимаемые в «Анне Карениной» вам просто сейчас не особо близки? А «Воскресенье» как

поиски новых смыслов жизни. Очень хорошая книга. Попробуйте прочесть, мне будет интересно ваше мнение о ней.

А у вас её нет? Я бы почитал.

Пару минут назад вы собирались плотно взяться за учёбу, а тут уже сразу две книги читать решили, – рассмеялась Мария.

Вы меня уже заинтересовали, Мария Антоновна! – оправдывался Кошкин. – Я попробую для всего найти время.

Вот вы какой плохой ученик! Больше не буду с вами разговаривать!

Тогда и я с вами не буду разговаривать, – улыбнулся Кошкин. Их беседа всё больше напоминала скорее разговор двух хороших друзей, чем разговор студента и преподавателя.

Как вы интересно выкрутились, – сказала Мария. В этот момент Дмитрий заметил, что она не только перестала грустить, но и вовсе сияет от радости.

Так у вас есть эта книга?

Есть! Я купила её в журнальном киоске.

Что там забыла классическая литература?

Я не знаю, – смеялась она. – Там была целая куча каких-то бульварных детективов и женских романов с названиями в стиле: «Страсть под дулом пистолета». И вот среди них как-то затерялся Толстой. Не знаю, возможно, они держали его в заложниках.

Так, когда вы мне книгу дадите?

Вот если придёте на мою консультацию и сдадите мне хотя

бы несколько долгов, то книга ваша!

У вас слишком суровые условия, Мария Антоновна!

Ну и не приходите, раз вы такой ленивый, – она сделала обиженный вид.

Я приду, не обижайтесь на меня.

Я не обижаюсь, Дима, – на её лице вновь засияла улыбка. – Если вы считаете, что у Толстого слишком много лишней информации, то вы ещё не читали Виктора Гюго.

Ошибаетесь, я читал!

И как вам?

Это жестокая тема, – рассмеялся Кошкин. – Пишет он, конечно, красиво... Но вот несколько глав подряд посвятить описанию архитектуры Парижа – это мощно!

Да-да, – поддержала Мария. – Или глава посвящённая книгопечатанью! Почему бы и нет?

Вы, наверное, во мне разочаруетесь, но в какой-то момент чтения, я не выдержал и стал подобную информацию просто перелистывать не читая.

Я в вас не разочаруюсь, Дима, – улыбнулась она. – Мне было стыдно, но я стала делать то же самое!

Правда? – сказал Кошкин. – Отлично! Значит нас уже двое!

Вы так любите читать. Так почему вы так не любите учиться? Неужели не интересно?

Вы даже не представляете, как не интересно. Я и в школе ничего не читал и получал тройки по литературе, потому что

не мог выносить эти занятия.

Да почему же? Мне всегда нравилось учиться! – сказала Мария.

Я так и понял, – улыбнулся в ответ Кошкин. – Но меня ужасно раздражало, что на уроках литературы дела всегда обстоят так, что ты, ученик, очень туп и не можешь иметь ни малейшего понятия о том, что хотел сказать автор, а вот учитель знает. Так что слушай его. Такое ощущение, будто у школьников вообще своего мнения не может быть. Поэтому тебе и ставят двойки за сочинения, где нужно высказать своё мнение о романе, если твои мысли не совпадает с общепринятым мнением.

Да, школа этим грешит, – ответила Мария. – Вообще, школьные учителя меня тоже раздражают. Просто они преподают такую вещь как литература в стиле точных наук. Я думаю, что ведь писатели тоже были обычными людьми, как и мы с вами. И сомневаюсь, что они в каждую свою строчку пытались обязательно впихнуть кучу смыслов и отсылок. Ну и естественно, святая обязанность школьного учителя, как вы и сказали, подавлять любое личное мнение детей, – она замолчала на несколько секунд, будто пытаюсь что-то вспомнить. – У меня в школе учительница литературы была ярая фанатка Маяковского, при этом она просто ненавидела Есенина. И вот однажды нам дали задание написать сочинение либо о Маяковском, либо о Есенине. Ну, вы же понимаете, что в данном случае писать на вторую тему равняется само-

убийству.

Такое ощущение, что она решила простым методом узнать, кого ей стоит ненавидеть, – рассмеялся Кошкин.

К сожалению, один мой одноклассник не понял, что это был тест на выживание, – улыбнулась Мария. – Он написал, что ему больше нравится Есенин.

Пацан пошёл против системы!

Короче, на следующем уроке он познал её гнев. Она высмеивала его всё занятие! И прочитала его сочинение всему классу, как позор на весь мир.

Любимый метод учителей убивать в учениках личности, – поддакивал Кошкин.

И на выходе мы получаем то, что люди вообще после таких уроков не хотят ничего читать. Меня и саму после школы от русской литературы воротило. Сразу нагоняют воспоминания о школе. Я в универе читала только зарубежные книги и только к курсу четвёртому решила на русское. И в каком же я шоке была, когда осознала, насколько русская литература прекрасна. В моей памяти это всегда было нечто отвратительное. Спасибо школьным урокам, – сердце Кошкина замирало, когда он видел горящие от интереса к разговору с ним глаза Марии. Они сидели друг напротив друга, и он чувствовал, как в нём закипает кровь при виде этой очаровательной девушки, с которой он готов был бы сидеть вот так до конца своей жизни, наслаждаясь её голосом и блестящими глазами. – А вообще, я думаю, что автор, когда пишет

книгу, действительно закладывает в неё какой-то смысл, однако может же быть так, что строчки книги сами рожают какие-то другие смыслы, независимо от того, думал об этом сам писатель или нет, – Кошкин вышел из транса, куда его завели алые губы девушки. Он понял, что надо меньше отвлекаться на её красоту и больше слушать, а то можно попасть в идиотскую ситуацию. – Ведь в этом и есть суть любого творчества. А если учитель не может сам найти в книге что-то своё, кроме уже заложенных и найденных другими людьми смыслов, и сам же подавляет наличие своих мыслей и мнения у учеников, то разве этот учитель имеет право вести такие занятия? Такое допустимо только в технических науках, как, например, математика или физика, там двойные смыслы вы вряд ли найдёте.

Знаете, Мария Антоновна, у нас на втором курсе была философия, – сказал Кошкин. – Там мы проходили многих известных философов и их учения от древней Греции до двадцатого века. В конце семестра у нас был тест. Всё было просто, давался философ или философское учение, а в вариантах ответа нужно было выбрать, какому философу принадлежит учение или наоборот, какое учение излагал тот или иной философ. И вот парень с нашей группы... Конайкин! Вы его помните...

Помню.

Он дуб дубом, но память у него отличная. Он набрал там высший бал. Как ему сказали, такие результаты студенты по-

казывают крайне редко. Его преподаватели даже хвалили и говорили, что он «новый Ницше».

Вам было обидно, что вас «Ницше» не называли? – рассмеялась она.

Очень смешно! А то и не понравилось, – ответил Кошкин. – Этот тест лишь показал, что у него неплохая память и что он хорошо подготовился к тесту, но он абсолютно не показывает его склонностей к философии. Все эти университетские философы полные идиоты. Они ему там дифирамбы пели, мол, он гениален. Тоже мне.

Да, – задумчиво сказала Мария. – А у меня как раз муж преподаёт философию, – и рассмеялась после этих слов.

Ой! Извините, если обидел, – забеспокоился Кошкин.

Я совсем не обижаюсь, – ласково сказала ему Мария. – Это же не я философию преподаю.

Ну, я тут их так ругаю, а ваш муж один из них.

Ничего страшного, – она продолжала ему улыбаться. – Я сегодня с ним поругалась очень сильно, так что даю вам полное право его ругать.

У Кошкина сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда они неожиданно перешли на личный разговор.

Поэтому вы такая печальная сегодня?

Вовсе я не печальная.

Я когда вас на кафедре увидел, так мне самому плакать захотелось!

А вы ещё и подглядывали за мной, – сказала она, затем на

секунду задумалась. – Кстати...

Мария достала телефон и посмотрела на время.

Вам нужно идти? – спросил Кошкин.

Нет, мы можем ещё поговорить.

Дмитрий обрадовался. Казалось, что они могут тут и весь день просидеть, глядя друг на друга и разговаривая о литературе, но его мечтам не суждено было сбыться. В аудиторию внезапно вошли несколько студентов и сказали, что у них тут должно быть занятие. Дмитрию и Марии пришлось уйти.

Как жаль, что нас прервали, – расстроился Кошкин. – Мне очень нравится с вами общаться, Мария Антоновна.

И вы очень интересный собеседник, Дима, – она посмотрела ему в глаза. – Идите домой, и учите уроки. Буду ждать вас на консультации.

Они попрощались, Кошкин вышел на улицу. Погода стояла солнечная, тёплое весеннее солнце приятно грело лицо. Дмитрий спустился к магазину и закурил. Сигарета тлела у него в руках, а мысли были полностью посвящены Марии Антоновной. Он и сам себе не мог ответить, почему не может перестать о ней думать. Их недолгий разговор прокручивался у него в голове снова и снова. «Я не казался ей глупым? Я не слишком много говорил? Ей не было скучно?» – пытался он анализировать случившееся. Он докурил, и медленно побрёл в сторону дома. Выйдя на главную дорогу, он опять столкнулся с Марией Антоновной, которая шла домой тем же путём.

Вы меня здесь поджидали? – пошутила она.

А мне кажется, это вы меня преследовали, – ответил Кошкин. – Вам в какую сторону?

Мне к Покровскому парку.

Можно я с вами? Мне как раз по пути, – соврал он.

Выходит, что можно, раз мы уже идём, – ответила Мария.

После недолгого молчания они разговорились. Теперь Кошкин старался больше шутить, чтобы как можно сильнее рассмешить Марию, что, впрочем, у него иногда получалось. Её смех проникал ему в самую душу, принося с собой истинное удовольствие. В этот момент её смех был для него самой большой наградой, самой большой ценностью.

Они шли по пыльным улицам, мимо пронеслись шумные автомобили. В некоторых местах лежали грязные сугробы снега. Дмитрий и Мария так были увлечены разговором, что и не заметили, как минули железнодорожный вокзал и подходили к центральной площади Владивостока. В центре города было много людей. Кто-то спешил по своим чрезвычайно важным делам, кто-то хотел поскорее вернуться в свою уютную квартиру, а кто-то, наслаждаясь первыми тёплыми весенними деньками, беззаботно гулял с друзьями.

Дмитрий осторожно поинтересовался у Марии о муже. Она рассказала, что познакомилась с ним, когда училась в университете. Он закончил философский факультет и работал там же преподавателем. Вообще, она неохотно развивала эту тему разговора и поспешила её сменить. Мария расска-

зывала Дмитрию о том, что никогда не думала, что сама станет преподавателем в университете и после выпуска из университета собиралась уезжать в Калининград, чтобы быть поближе к Европе и работать там переводчиком с немецкого или английского языков.

Почему же вы оказались здесь? – спросил он.

Как-то случайно, – уклончиво отвечала она. – Но мне здесь нравится.

Что здесь может нравиться?

Как что? Нравиться учить студентов, сама много нового узнаю. Это просто вы ленивый и совсем не понимаете, как много упускаете.

Преподаватели совсем мало получают.

А мне не это главное, – отвечала Мария. – Я считаю, что для человека важнее получать удовольствие от своей работы, чем какие-то материальные блага. Что толку от кучи денег, если ты каждое утро просыпаешься с мыслью, что надо идти на ненавистную работу.

Наверное...

А вы так не считаете?

Мне бы лишние деньгигодились. Но это не главное, конечно.

Кроме того, у меня здесь присутствует какая-то идея.

Какая? – посмотрел на неё Кошкин.

Я приношу пользу обществу! Мне не нужна какая-то бесполезная работа.

Я вот пользу обществу как-то совсем не хочу приносить.
Почему?

Не знаю... людей не люблю.

А почему вы их не любите?

Потому что это не общество, а какие-то паразиты. Они только и думают о том, как бы использовать тебя в своих целях. Люди самые отвратительные создания. Живут для того, чтобы мешать жить друг другу и всем остальным. Диктуют какие-то правила, которые сами выдумывают. Поклоняются деньгам и всяким никому ненужным вещам. Вся их жизнь заключается в потреблении.

Сами сказали, что вам нужны деньги, – она посмотрела ему в глаза.

Сказал, – ответил Дмитрий. – Но я не делаю из этого смысл жизни.

А в чём, по-вашему, смысл жизни?

Я не могу так сразу ответить. Может ваш муж-философ знает... – и тут же он прикусил язык. Дмитрий рассердился на себя, что позволяет себе такие громкие фразы. Но на его счастье Мария совсем проигнорировала его слова.

Ну, ради чего-то вы же живёте?

Все как-то живут. И никто не знает зачем, а потому и гадят друг другу в души, мешают жить. Во Владивостоке население с каждым днём уменьшается, а всё равно тесно.

Как вы мизантропичны, – улыбнулась Мария.

А сейчас все мизантропичны. Это мода такая – быть кру-

тым куском дерьма. И чтоб побольше людей узнало, какой же ты загадочный мизантроп, и как же ты всех ненавидишь. Поэтому я свои чувства пытаюсь скрывать.

И поэтому вы мне сейчас всё это рассказали? – она снова засмеялась, а Кошкину вдруг стало очень обидно. Ему показалось, что она просто смеётся над ним и вовсе не воспринимает его серьёзно.

Вы же сами меня спросили, – пытаюсь скрыть обиду, ответил Дмитрий.

Но Кошкину не удалось скрыть перепад своего настроения, и Мария это отлично поняла, а потому сама поспешила перестать смеяться.

Я пошутила, Дима, – сказала она как можно мягче. – Так вам люди, значит, не нравятся, – серьёзно спросила она.

Да, – сухо ответил Кошкин. – Люди и наше общество в целом.

И неужели вам не хочется изменить это общество?

Это вы у людей спросите, хотят ли они меняться. А мне больше всех надо как будто? Спасение утопающих дело рук самих утопающих. Я уж как-нибудь устрою свою жизнь, а на остальных мне всё равно.

Надеюсь, вы когда-нибудь передумаете.

Они перешли через дорогу и оказались у ворот Покровского парка.

Мы пришли, – сказала Мария.

Как жаль, что вы живёте так близко, – Кошкин улыбнулся

ей.

Ещё не передумали прийти на консультацию в пятницу?

Конечно, приду, – сказал Кошкин. – Я же сказал, что взялся за учёбу!

Смотрите, завтра не проспите, Дима, – рассмеялась Мария. – Тогда до встречи.

До встречи, Мария Антоновна.

Она перешла на другую сторону улицы, затем повернулась к Дмитрию и помахала ему рукой. Кошкин смущённо помахал в ответ. «Возьми себя в руки, идиот, – подумал он. – Тебе не хватает ещё проблем с ревнивыми мужьями». Но его чувства были ему неподвластны. Он снова и снова думал о ней, а её смех звучал у него в голове прекрасной музыкой, которую хочется слушать снова и снова.

Глава 5

Прошло несколько минут, но нужный автобус так и не появился на остановке. Кошкин затушил сигарету и выбросил её в урну.

Дмитрий, – вдруг услышал он знакомый голос. – Вы опять взяли прогуливать занятия?

Это был Александр Павлович Назаров, учитель истории.

Здравствуйте, Александр Павлович, – поздоровался Кошкин. – Проспал сегодня.

Вы уж постарайтесь ходить на пары, а то мне придётся вас без зачёта оставить, – Александр Павлович повернулся в сторону церкви и перекрестился.

А вы что здесь делаете? – спросил Кошкин.

Я? – Александр Павлович посмотрел на Дмитрия. – Я сюда каждый день прихожу. Вы автобус ждёте?

Жду.

На паперти Покровского собора, как всегда, собралось множество бродяг, которые укутавшись в свои лохмотья, тянули пластиковые стаканчики с милостынею, проходившим мимо людям. Александр Павлович достал кошелёк и растянул кармашек с мелочью. После чего подошёл к каждому оборванцу и положил по несколько монет в их стаканчики. Звон монет заставил одного из бездомных поднять голову и посмотреть на доброго самаритянина.

Дай вам Бог здоровья, – сказал бездомный сиплым, прокуренным голосом, после чего уткнулся в свой стаканчик, пытаясь посчитать наживу.

Неужели я сегодня пропустил что-то важное, Александр Павлович? Очередную словестную битву добра со злом?

И кто же, по-вашему, зло, а кто добро?

Я просто пошутил неудачно, – отмахнулся Кошкин. – Не обращайтесь внимание.

Нет, мне правда интересно. Я каждый раз думаю, что мы с вашими одноклассниками всё обсудили, но каждый раз находится новая почва для споров. А вы всю пару молчите.

А мне нечего сказать.

Совсем нечего?

Скажем так, – Кошкин на секунду задумался. – Я не вижу особой разницы между вами и ними. Да и все ваши с ними споры, если честно, огромная тупость.

Подъехал автобус, который шёл до дома Кошкина.

Не этот автобус ждёте, Дмитрий?

Этот, но можно подождать и следующий.

Пойдёмте, – сказал Александр Павлович и направился в сторону храма. Кошкин последовал за ним. – Так значит, вы считаете такого рода споры глупостью?

Да, пожалуй.

Почему?

Потому что вы сами не понимаете, о чём спорите. Вы же не можете доказать, что Бог существует. А они не могут до-

казать, что Бога не существует. Ну, и как же вы умудряетесь спорить, если обе стороны не имеют самых главных аргументов? Да и, если посмотреть со стороны, вы друг от друга не особо отличаетесь.

Вот как?

Да. Хотя их атеизм мне кажется гораздо более диким, чем ваша вера.

Хорошо, – сказал Алексей Павлович. – Давайте по порядку: чем вам не нравятся атеисты?

Они слишком самовлюбленные. У меня среди знакомых было достаточно атеистов, и все они были достаточно радикальны в своих взглядах. И если они узнают, что ты веришь в Бога, то, чтоб ты дальше там не говорил, ты бесповоротно записан в их список идиотов. Критерий ума у них очень простой: веришь в Бога – ты идиот; не веришь в Бога – добро пожаловать в ряды «критических мыслителей» с «научным мировоззрением». А как же это удобно, правда? Мне не нужно читать книг, мне не нужно саморазвиваться, мне не нужно вникать в научные труды (на которые они, кстати, всё время ссылаются), мне просто достаточно не верить в Бога! Быть умным – это так просто, – Кошкин чуть не рассмеялся от своих собственных слов, но вовремя остановился. Немного помолчал, закурил. – Но ведь они сами верят. Они верят, что Бога не существует. У них же нет доказательств, что Бога нет, значит, всё их мировоззрение строится на вере. Они могут раскритиковать Библию. Но для этого боль-

шого ума не надо. Книге две тысячи лет, о чём речь? Они строят из себя прям борцов за технический прогресс. Но вся их борьба заключается в том, чтобы с важной рожей смеяться над людьми только за то, что они не разделяют их мировоззрение. Рассказывают вам о том, как религия тормозит цивилизацию и о том, как важна наука. О том, что на всё нужно смотреть с научной точки зрения и мыслить критически. Но весь их этот научный фанатизм основывается на простом приобретении современных телефонов. Вот и вся наука. А заканчивается он тогда, когда начинается контрольная по физике. В этот момент они уже не выглядят борцами за научный прогресс. Там уже лишь бы найти, откуда списать.

Про них я понял! – Александр Павлович посмотрел на Кошкина. – А вы, Дима, сами верите в то, что мир рукотворен?

А что толку верить? Вот ваша вера на чём основывается?

А вы посмотрите на мир вокруг себя, Дима! Разве этот мир – это не самое главное доказательства существования Бога?

Так себе аргумент.

Хорошо, – Александр Павлович помолчал с секунду. – Сама идея создателя... Если задуматься, то как с ней можно поспорить? Вы только посмотрите на мир! Ведь на нашей планете всё настолько идеально сбалансированно, что почти невозможно поверить, что всё это было создано случайно. Ведь всё, от растений до человека, выполняет на земле свою

функцию. Каждый червяк, каждая букашка, каждая птичка выполняют на Земле свою функцию для поддержания баланса жизни. И всё это получилось само собой? Повезло? Нам повезло, что мы оказались от Солнца именно на таком расстоянии, что здесь возможна жизнь? Я скорее поверю, что всё это было создано кем-то, чем в то, что это череда случайных событий.

Всё равно, это косвенные улики, – отмахнулся Кошкин.

А вы не успокойтесь, пока не увидите старика с бородой на облаке? Например, у меня не столько веры, сколько убеждений. Я убеждён на сто процентов, что мир создан кем-то или чем-то. Я не знаю, случайно это было сделано или с какой-то целью, но это так.

Конечно, может быть, случайная цепь событий, которая в итоге создала разумную жизнь на планете, действительно звучит абсурдней, чем замысел какой-то высшей силы, но...

Кошкин замолчал, пытаясь сформулировать в голове свою мысль.

Но? – протянул Александр Павлович.

Но ведь, как бы там ни было, случайность никто не отменял. Согласитесь, что всё-таки на секундочку предположить, что это цепь случайных событий, всё-таки возможно? Хотя бы один процент из ста! – Кошкин сам не заметил, как повысил голос и почти сорвался на крик, – И если есть хоть один процент, что всё это создалось само собой, то я уже не могу быть полностью уверен в идее Бога.

Какой же вы, оказывается, демагог! – рассмеялся Александр Павлович.

Они обошли вокруг церкви и сели на лавочку, где тень храма могла защитить их от беспощадного мартовского солнца. Людей в парке стало меньше, лишь какие-то дети носились мимо деревьев, пока их родители с головой погружались в разговоры о детских садах и детской одежде.

Ладно, закончим про атеистов, – сказал Александр Павлович. – Вас раздражают не взгляды атеистов, а то, как они их подают и то, кем они являются в подавляющем большинстве.

Именно так.

Кошкин курил. Белый дым вырывался из его лёгких и налетал на собеседника, но Александр Павлович совсем не ругался на это, он был слишком увлечён разговором.

Так, а чем же вас верующие люди не устраивают? – Александр Павлович посмотрел Кошкину в глаза.

Да тем же самым!

А поконкретней?

Точно такая же попытка найти простые ответы на сложные вопросы, как и у тех горе-атеистов. Точно так же они наделили создателя чисто человеческими качествами, придумали кучу смешных ритуалов, надели смешные шляпы и пляшут с серьёзными минами. Если ваш Бог настолько идиот, чтобы ему такое нравилось, то я очень разочарован в нашей вселенной, – Кошкин, улыбаясь, посмотрел на своего

преподавателя. – Серьёзно, Александр Павлович, ваш Бог настолько жалок, что создал мир, чтоб ему поклонялись и молитвы пели? Ваш Бог настолько неудачник?

Кошкин выкинул окурок и замолчал.

Могу подвести итог того, что вы мне наговорили, – нарушил тишину Александр Павлович. – Вас раздражают не взгляды людей, а сами люди. Конечно, человек такое создание, которое лучше всего умеет осквернить даже самую чистую и хорошую идею. Но вы точно правы в некоторых своих мыслях. На самом деле, нет большой разницы между верующими людьми и атеистами. Они все хотят одного и того же: упростить слишком сложный и оттого такой пугающий мир до уровня самого заурядного человеческого разума. Ибо боятся люди всего непознанного. Они представляют себе Бога, как мудрого старца, который создал их по своему образу и подобию. Верующие считают, что он олицетворение благодетели, атеисты считают, что он зло, скрывающееся под маской добра. Но что если Бог – это и вовсе непознаваемое нами, людьми, существо. Что если этот Бог не имеет таких понятий как добро и зло? И мы, люди, настолько ничтожны, что не имеем право не то, чтобы критиковать Бога, но даже не имеем возможности понять ход его мыслей. Выйти с ним на контакт. Да и о каком добре и зле Бога может идти речь, если эти понятия выдумал сам человек? Как мы можем отличить добро от зла, если сами не понимаем что это? Например, для вас убивать и есть людей – это очевидно удел злых

людей, я прав?

Конечно.

А для диких племён Африки – это обычное дело. Для вас, Дима, воровать – это грех! А для кого-то смысл жизни. Так что не уподобляйтесь остальным. Не стоит вешать на Бога ярлык «добро» или ярлык «зло». Вы никогда не узнаете истинный Божий замысел.

Мне кажется, или вы критикуете христианского Бога?

Я критикую образ, придуманный людьми, – ответил Александр Павлович. – Но думаю, если Бог действительно Высший Разум, то он не сильно обидится на крики какого-то червя, – он лукаво улыбнулся.

Солнце клонилось к западу и готовилось утонуть в холодном Японском море. Людей в парке становилось всё меньше и меньше. От дневной жары не осталось и следа, задул холодный весенний ветер. Кошкин решил, что он и так слишком много пурги наговорил за сегодняшний день, а потому поспешил отделаться от Александра Павловича. Они поднялись с лавочки и пошли в сторону автобусной остановки. Минули бездомных, которые развалились у входа в церковь, как черви после дождя, и вышли за ворота, отделявшие Покровский парк от улицы.

Приятно было с вами пообщаться, Дмитрий, – сказал Александр Павлович вполне искренне.

И я был рад, – ответил Кошкин.

Не пропусайте больше занятия, – дал он напутствие и

побрёл в сторону картинной галереи.

Кошкин остался в одиночестве ждать автобус.

Глава 6

На следующий день Кошкин вернулся из университета в два часа дня и сразу сел выполнять задания, которые дала ему Мария Антоновна. Он сопел и мучился, но дал себе слово, что не ляжет спать, пока все задания не будут выполнены. Он лишь несколько раз вставал из-за своего стола, чтобы выпить кофе и сходить покурить. Когда стрелки на часах показывали половину первого ночи, веки Кошкина стали тяжелеть. Он несколько раз ловил себя на мысли, что вот-вот уснёт, и тогда он выходил на балкон, пытаясь взбодриться на морозном воздухе. Квартира погрузилась во мрак, и Кошкин чувствовал, как что-то прячется за его спиной, стараясь не издавать звуков. Нечто пряталось в тёмном коридоре, а иногда перебиралось на кухню. В борьбе с этой напастью Кошкин включил каждую лампочку в квартире, не давая своему противнику и шанса спрятаться в темноте. В конце концов, в районе двух часов ночи, он всё-таки не выдержал и рухнулся спать прямо лицом на тетрадки.

В семь пятнадцать утра будильник выхватил Кошкина из сна. Он открыл глаза и сразу почувствовал боль затёкших суставов. Тетрадный листок прилип к его щеке. Кошкин отодрал его от лица и увидел огромный след от слюней. Проклиная всех предков, он встал и пошёл умываться. Холодная вода неприятно коснулась его лица, и по всему телу про-

бежали мурашки. Кошкин посмотрел на часы и начал собираться на учёбу.

День тянулся бесконечно долго. Стрелки часов лениво передвигались по циферблату, и казалось, что эти мучения никогда не кончатся. Кошкин думал о Марии Антоновной, ему хотелось её увидеть, и он машинально искал это знакомое ему лицо в коридорах университета в перерывах между занятиями. Он вспоминал, что она ему говорила, её голос звучал у него в голове и заставлял вернуться снова в тот день, когда они провели это короткое и одновременно бесконечно долгое время вместе. Он и сам не отдавал себе отчёта в том, что после той их короткой встречи так и не переставал думать о ней. Наконец маленькая стрелка упала на цифру три, консультация Марии Антоновной должна была начаться через полчаса.

Кошкин вышел на улицу, лицо обдул приятный весенний воздух. Он застегнул замок свой парки болотного цвета. Стояла солнечная погода, на небе не видно было ни единого облачка, лишь слабый ветер лениво гонял опавшие листья, перезимовавшие под сугробами грязного снега, по серому асфальту. Дмитрий минул учебный корпус и направился к продуктовому магазину, чтобы купить чего-нибудь перекусить и выкурить сигарету. Около магазина расположились огромные лужи грязи так, что приходилось делать большой крюк в несколько метров для того, чтобы минуть их и не испачкаться. Кошкин остановился около входа в магазин и достал

сигарету.

Дима, – раздался позади него голос.

Это была она. Мария стояла в нескольких метрах от него. Дмитрий осмотрел её с ног до головы. Она была одета точно так же, как и в тот день, когда он провожал её до дома: зелёное пальто, чёрные колготки и высокие коричневые сапоги. Она улыбалась ему своей нежной и соблазнительной улыбкой, а её голубые глаза были широко раскрыты и всем своим счастливым видом показывали, как она рада его видеть. Сердце его застучало с бешеной скоростью, в груди жгло адское пламя. Дмитрий подошёл ближе, он смотрел на неё. Она влекла его. Влекли её глаза и длинные, чёрные ресницы. Её мягкие и нежные волосы сегодня не были собраны в хвостик, а были распущенны на радость лёгкому весеннему ветерку, что тревожил их покой, заставляя пряди волос падать на её нежное лицо. Ему хотелось обхватить её руками и прижать к своей груди, чтобы больше никогда не отпускать этот нежный цветок. Столь прекрасный и желанный.

Здравствуйте, Мария Антоновна, – только и смог промолвить Кошкин.

Опять уроки прогуливаете? – улыбнулась она.

Я? О нет! Я только вышел на две минутки... – замахал он руками.

Я так и знала, что опять прогуливаете, – рассмеялась она. – Мою консультацию вы тоже решили прогулять?

Нет, – улыбнулся он ей в ответ. – Вашу консультацию я

ни за что в жизни не прогуляю.

Прям уж ни за что в жизни?

Конечно, – весело ответил он.

Ну, тогда пойдёмте, – с фальшивой серьёзностью сказала Мария. – Я лично вас до кабинета доведу.

Дмитрий, незаметно для неё, вернул мятую сигарету обратно в пачку. Они пошли в учебный корпус. Кошкин и вообще забыл, что собирался в магазин. Сейчас его голову занимала только эта милая преподавательница, что шла справа от него. Кошкин рассказывал ей о том, как он весь день делал задания и даже уснул за столом и проспал так всю ночь.

Ну, вам же не обязательно было делать всё и сразу, – смеялась она.

Чем быстрее я всё сделаю, тем быстрее буду свободным, – смеялся в ответ Кошкин.

Какие у вас благородные цели! Борьба за свободу. Но я вам потом всё равно ещё домашнего задания добавлю.

А я и его выполню!

Ну конечно, – ответила она. – Знаю я вас! Вы тот ещё прогульщик!

Эй, – закричал Дмитрий. – Я не прогульщик.

Самый настоящий подлый прогульщик, – улыбалась Мария.

Так они дошли до входа в учебный корпус. Мария зашла на кафедру английского языка, Дмитрий ждал её в коридоре. Мысли не давали ему покоя, сердце выпрыгивало из гру-

ди. Он облокотился о стену коридора и был совершенно потерян. «Ты полный идиот, – думал он. – Ты умудрился втюриться в свою замужнюю училку по английскому. Что же ты теперь будешь делать, гений? Может быть, тебе убить мужа и завладеть её сердцем?»

Она отсутствовала около десяти минут. Мария повесила пальто на вешалку и оказалась в чёрном платье. Она подошла к зеркалу и стала проверять, не испортилась ли причёска, не размазался ли макияж. Мария старалась заглушить навязчивые мысли насчёт Кошкина, но она замечала, как он ведёт себя рядом с ней, и что за улыбкой и шутками прячется такое милое смущение и стеснительность. И она хотела ещё больше нравиться ему, хотя сама себе не признавалась зачем.

Когда Мария появилась в коридоре, в её руке красовалась маленькая, бежевая корзинка, в которой было несколько цветков. Она застала Кошкина на том же месте, где и оставила несколько минут назад. Он улыбнулся и не смог придумать ничего более умного, кроме как ещё раз полушёпотом произнести: «Здрасти».

Не сбежали ещё? – улыбнулась ему она.

Не дождётесь, Мария Антоновна, – ответил Кошкин. – Любите цветы?

Ненавижу, – ответила Мария.

А это что? – спросил он, указывая на корзинку.

Один студент подарил. Я ему зачёт поставила, чтобы его

не отчислили.

А говорите, что я плохо учусь, – рассмеялся Кошкин.

Не зарекайтесь, а то и вам мне придётся цветы дарить, – улыбнулась Мария.

А я, может быть, и не против этого, – сказал Кошкин. – Но вы-то их не любите.

А вы попробуйте, Дима, – ответила Мария, – может быть, именно ваши цветы будут первыми, что я полюблю? А эти, – она указала на корзинку, – можете забрать себе.

Мне-то они зачем?

Не знаю, – сказала она. – Можете подарить их своей девушке.

У меня нет девушки, – смущённо ответил Кошкин. Ему показалась, что она сказала это будто нарочно, словно хотела выпытать у него информацию.

Ну, тогда маме, – улыбнулась Мария

Маме, – Кошкин запнулся. – Такие цветы я тоже не подарю.

Ну и ладно, – съязвила она. – Себе заберу.

Они направились к кабинету, в котором должна была проходить консультация. Кабинет находился на этаж ниже кафедры английского языка. Кошкин молился про себя, чтобы кроме него на консультацию больше никто не пришёл. Тогда они смогут ещё провести время наедине и поговорить о чём-нибудь. Но мечтам Кошкина было суждено разбиться о скалы, когда они спустились на этаж ниже и их встретил

высокий, рыжеволосый парень. Всё его лицо было покрыто веснушками, а два передних верхних зуба сильно выступали вперёд, из-за чего парень немного походил на рыжего бобра.

Мария Антоновна, ну где вы ходите? Мы вас все заждались, – улыбаясь во весь рот, шепеляво проговорил парень. – Я уж вас разыскивать пошёл! Хе-хе!

Семён, – ответила Мария. – Можете не волноваться, я уже иду.

Этот парень был с другого факультета, на котором также вела Мария Антоновна. Теперь уже втроём, они минули полкоридора, пока не остановились у нужной двери под номером «ноль двадцать два». Дверь была заляпана какими-то чёрными пятнами, а из приоткрытой щели доносились разговоры студентов. Кошкин заходил в аудиторию последним. Кабинет был довольно большой и просторный, на стене висел английский алфавит и прочие плакаты на английском языке, пахло древесиной. В кабинете, помимо Семёна, было ещё около пяти человек, двое были из группы Кошкина.

Народ, смотрите, кого я вам привёл, – прошепелявил Семён, смеясь, как идиот.

Здравствуйте, Мария Антоновна, – хором поздоровались студенты.

Good afternoon, – поздоровалась Мария.

Первой отвечать вызвалась девушка, одногруппница Кошкина, сам Дмитрий был предпоследним в очереди, перед рыжим Семёном. Кошкин был разбит. Шесть человек при-

шло на консультацию, кроме него. Шесть человек будут сдавать свои долги часа два, это при том, что сама консультация длиться не более полутора часов. А это значит, что у них совсем не будет времени, чтобы поговорить друг с другом. Кошкин сдал все свои долги довольно быстро. Он показал предложения, которые нужно было составить, показал ответы на вопросы. Кроме того, ответил устно слова на английском языке и рассказал небольшой текст. Кошкин сел на своё место и посмотрел на часы, консультация должна продлиться ещё не более чем сорок минут. Трое студентов сдали долги и ушли, попрощавшись с Марией Антоновной. Ещё двое студентов попросились остаться, чтобы ещё немного подготовиться и досдать несколько заданий. Кошкин решил подождать всех и в это время сделать упражнение, которое Мария Антоновна задавала на понедельник. Сначала Кошкин ликовал, потому что те два студента, которые попросились ещё задержаться, распрощались со своими долгами на пару за двадцать минут. Но рано он радовался – после них шла очередь того рыжего Семёна. Этот парень и двух слов не мог связать по-английски, а потому только свой первый долг сдавал около двадцати минут. А долгов, как видно, было вдвое больше, чем у всех остальных студентов вместе взятых. Спустя какое-то время, Дмитрий всё-таки сдался. «Этот чёртов человек-бобёр, наверное, и на русском языке эти же задания не выполнит. Но вот и где ваш чёртов Бог, Александр Павлович?» – мысленно выругался Кошкин. Он собрал свои ве-

щи, надел свою парку и направился к выходу.

Уходите, Дима? – растерянно спросила Мария.

Да, – ответил Кошкин. – Я же вам, вроде, все свои долги сдал?

Уверена, что нет, – сказала она. – Уж я вас знаю.

Да как же, Мария Антоновна? Сами посмотрите.

А я посмотрю, – сказала Мария и начала рыться в своём преподавательском журнале. Она несколько раз просмотрела фамилию Кошкин на предмет долгов. – Тут у вас тут ещё пересказ четвёртого текста и вы должны сдать вторую группу слов.

Так, я к этому не готовился, – сказал Кошкин. Он даже немного злился на неё за то, что она принимает долги у этого Семёна, вместо того чтобы мило беседовать с ним, Кошкиным. – Так что в другой раз, на следующей консультации.

Ну ладно, идите, – сказала она, и Кошкин готов был поклясться, что в этих словах звучала нотка грусти.

До свидания, – сказал Кошкин.

До свидания, – безучастно ответила она и продолжила пытаться долги у бедного, глупого Семёна.

Кошкин был расстроен и зол. Он в несколько секунд спустился с лестницы и подошёл к выходу из учебного корпуса. Не замечая вахтёршу, которую он чуть не сбил с ног, он толкнул дверь, ведущую на улицу, и направился к автобусной остановке.

«Твою мать, – выругался он, закуривая сигарету. – Про-

клятый бобёр»

Глава 7

Наступили долгожданные выходные дни. В субботу всё утро лил холодный дождь, но к обеду погода улучшилась. Кошкин был в дурном настроении. Он думал о том, как же теперь встретиться с Марией. Ближайшая пара была в понедельник, но там он сможет перекинуться с ней разве что парой фраз, а приходить на консультацию не имело смысла, если там он всё равно не может с ней говорить из-за того, что куча идиотов отнимают у них время. Кошкин подумал пригласить её куда-нибудь, но как же он это сделает? Ведь она замужем и, само собой, откажет ему. Ко всему прочему она и вовсе может не захотеть больше с ним общаться, если он начнёт предлагать ей что-то подобное. Скорее всего, она любит мужа и вовсе не собирается заводить себе такие опасные знакомства. Да и кто сказал, что она вообще к нему что-то питает? Пару раз поговорили и всё тут. Наверное, она действительно считает его просто чудаковатым и смешным. «Полный набор идиота, – думал Кошкин. – Она же, наверное, и не хотела тогда со мной до самого дома идти. Просто догнал её на улице, а ей от меня отмазываться неудобно было». Он решил забить на это дело и больше не приставать к ней со своими разговорами. Но перестать думать о ней было выше его сил. Закрывая глаза, он видел, как она поправляет прядь волос, что упала на её лицо из-за ветра. Видел, как

она улыбается ему и, смеясь, называет «прогульщиком». Он снова и снова слышал в голове её голос, каждое слово, которое она проронила за эту неделю, и каждое слово, что он сказал ей. Вся тесная квартирка его тонула в мыслях о Марии, метаться от стены к стене больше не было сил. Нужно было бежать на воздух.

В середине дня он вышел на улицу, стараясь как-нибудь отвлечься от мыслей о Марии. Вечером он должен был встретиться с Шеей и Дёминым. Кроме того, иногда по выходным Кошкин навещал своего отца, который жил на Днепровском переулке. Он ненавидел туда ездить, однако лучше старый отец, чем снова сидеть в капкане собственных страданий. Отец Дмитрия, Кошкин Алексей Алексеевич, был офицером в отставке и уже шесть лет находился на пенсии. Военной пенсии ему хватало за глаза, кроме того, он работал на дому в компании, что обслуживала военные базы интернетом. В итоге, Алесей Алексеевич был очень обеспеченным человеком и помогал деньгами своему сыну, что и позволяло Дмитрию учиться. Мать Дмитрия, Екатерина Анатольевна, умерла от лейкемии, когда ему едва исполнилось восемь лет. С тех самых пор стакан и бутылка стали неотъемлемой частью образа Алексея Алексеевича. Пил он много, а после выхода на пенсию, как и большинство офицеров, и вовсе ушёл в вечный запой. Но он никогда не забывал о сыне и всегда помогал ему материально. Дмитрий Кошкин был не единственным ребёнком в семье. У него была старшая сестра Ла-

риса, но он не видел её уже около трёх лет. С тех пор, как она вышла замуж и уехала в Москву. А потому Дмитрий был единственным человеком, кто хоть изредка навещал старика Алексея Кошкина.

Порой Кошкину было невероятно жалко своего отца. Алексей Кошкин был единственным сыном у своих родителей, а потому и получал всю любовь своей мамы полностью и без остатка. Растили его дружелюбным и добрым парнем, учили всегда помогать друзьям и быть со всеми добрым и отзывчивым. Его отправили в военное училище, когда ему было всего шестнадцать лет. Мать хотела, чтобы он стал офицером, ведь в советское время это была уважаемая и хорошо оплачиваемая работа. И вот именно в армии Алексей понял, что доброта и отзывчивость здесь абсолютно ничего не стоят. Армия учит быть жёстким, хладнокровным и несгибаемым. Он окончил училище в тот же год, когда Советский Союз прекратил своё существование. Профессию военного перестали уважать, зарплаты не выплачивали по несколько месяцев. Алексей Кошкин тащил на себе жену и двоих детей, после службы подрабатывая таксистом, иногда ночи напролёт. К моменту выхода на пенсию он полностью испортил себе нервы и здоровье, потерял жену, пристрастился к алкоголю и выглядел больше чем на пятнадцать лет старше своего возраста. Он всегда старался быть душой компании. Старался помочь всем своим друзьям, оттого те самые друзья им часто пользовались. На попойках уговаривали его купить

им ещё одну бутылку водки, а он не мог найти в себе силы пойти против коллектива. Со временем друзья покинули его. Кото-то уехал, кто-то просто оборвал связи, а кто-то покрывался от него, чтобы не отдавать занятые деньги. Таким образом, Алексей Кошкин и остался один на один с водкой и одиночеством. В некоторые, похожие друг на друга, как две капли воды, дни он включал грустные, заунывные песни своей молодости и, неслышно для всего остального мира, одиноко плакал в пустой квартире. Плакал, потому что скучал по жене и детям, плакал от ощущения никому ненужности, от того, что всю свою жизнь прожил не тем человеком, которым был, а тем, который должен был соответствовать профессии военного и военного коллектива.

Тридцать третий автобус остановился у автозаправочной станции. Двери открылись и на серый треснувший асфальт ступили ноги Дмитрия Кошкина. Он прошёл мимо нескольких пятиэтажек пока, наконец, не остановился возле нужного здания. Это был довольно страшный девятиэтажный дом из красного кирпича. Кошкин закурил возле синей вывески «Днепровский переулок № 55». На улице было шумно. Школьники бегали по детской площадке, радуясь выходным. То были школьники младших классов. Те, что постарше, сидели на лавочках, курили дешёвые сигареты и пили пиво, всё время оглядываясь по сторонам. Боялись, как бы их не заметили родители или полиция.

Кошкин выбросил сигарету и нырнул в тёмный подъезд.

Лифт не работал, и Кошкин побрёл по тёмному подъезду вверх. На ступеньках валялся мелкий мусор, а на перилах были закреплены старые банки из-под кофе, доверху забытые бычками. Все стены были разрисованы разноцветными маркерами и баллончиками с краской.

Кошкин поднялся на нужный этаж и подошёл к большой, железной двери голубого цвета. Он не стал нажимать на кнопку звонка, так как у него были ключи от квартиры, хоть он и не жил здесь уже более двух лет. Дверь отворилась, и Кошкин вошёл в тёплый коридор квартиры. Пахло потом и перегаром, из кухни доносился звук телевизора. Алексей Алексеевич, как всегда, смотрел новости.

Пап! – позвал Дмитрий.

Дима, это ты? – раздался хрипящий голос. – Конечно, ты! Кто ещё тут может быть?

Кошкин разделся, не включая свет, и прошёл на кухню, откуда доносился голос его отца.

Проходи, садись.

На стуле возле телевизора сидел Алексей Кошкин. Лицо его покрывала трёхдневная щетина, глаза были впалые, сонные, но довольно весёлые. Серые волосы падали на потный лоб неряшливыми сальными кусками. Отец попытался улыбнуться сыну, но у него это плохо получалось, в итоге рот изобразил пьяную гримасу. Алексей Кошкин был одет в серую футболку, на которой некогда был изображён какой-то рисунок, но по прошествии долгого времени от рисунка не

осталось и следа. Его заменили многочисленные пятна от еды, которые несчастный бывший офицер оставлял на себе каждый раз, как садился есть. На ногах его было надето чёрное, дырявое трико, которое он не снимал, пожалуй, с самой смерти своей жены. Отец Дмитрия сильно исхудал, и всё тело его покрывали отёки, из-за чего больше был похож на попрошайку из Покровского парка, нежели на морского офицера.

Рядом с пожелтевшей от никотина ладонью Алексея Алексеевича стоял стакан, наполненный до середины водкой. Кроме него, на столе стояла лишь тарелка с салатом и пачка крепких сигарет. Под столом Дмитрий разглядел почти пустую бутылку. Отцовский дом представлял собой жалкое зрелище. После смерти матери за домом следила сестра Лариса. Затем сам Дмитрий пытался придать квартире более-менее приличный вид, иногда и Алексей Алексеевич помогал сыну. Но после того как глава семейства остался тут в полном одиночестве, квартира увядала до тех пор, пока не превратилась в полный свинарник. На полу валялись кофты и штаны, некоторые вещи Димы, его отца и даже Ларисы. Сам пол не мыли уже очень давно, так что на нём можно было разглядеть остатки еды, раздавленных тараканов и неизвестно откуда взявшийся песок. Пыль окрасила в грязно-серый цвет всю мебель и все книги, кровать в спальне была расстелена в независимости от дня и ночи. Бельё пожелтело из-за редкой стирки, а одеяло рьяно рвалось выбрать-

ся наружу из пододеяльника. Ванна и туалет также приобрели грязно-жёлтый оттенок, помимо этого, в ванне можно было обнаружить неизвестно откуда взявшееся огромное коричневое пятно. Из пыльного бочка унитаза бежала небольшая струйка воды, пролетая небольшое расстояние, она ударялась каплями об пол с характерным звуком, из-за чего на полу, под бочком, образовалось большое пятно ржавчины. Дмитрий вдохнул спёртый воздух кухни. Он минул табуретку, на которую отец предлагал ему сесть, и подошёл к окну. Спустя мгновение на кухню незваным гостем ворвался свежий воздух. Ещё секунда и вместо пота и перегара запахло дождливым весенним днём. Кошкин заварил кофе и сел на табуретку.

Надеюсь, свежий воздух тебя не убьёт, – грустно улыбнулся Дима.

Я там рыбу пожарил, – виновато сказа отец. – И салат сделал. Ешь, если хочешь. Я не знал, что сегодня придёшь...

Забыл тебе позвонить. Как-то дома не сиделось.

Они замолчали, не зная о чём дальше завести разговор.

Как учёба? – наконец спросил отец.

Хорошо, пап, – ответил Дима.

В кухне снова повисла гнетущая тишина. Кошкин никогда не задерживался у отца более чем на тридцать минут. Разговаривать им было особо не о чем. Их отношения трудно назвать дружескими с тех пор, как Алесей Алексеевич прирастал к бутылке. Часто он приходил домой уже в стель-

ку и устраивал скандалы из-за всего, что видел. Отец всегда хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, но он отказался поступать в военное училище, чем вызвал гнев и негодование Алексея Алексеевича. Дмитрий всегда находил военных ограниченными людьми, а службу в армии пустой тратой времени. Отец и сын не уставали кричать друг на друга по поводу решения Дмитрия не идти в армию. Но со временем их пыл поостыл. А после того, как Дмитрий и вовсе остался единственным человеком, кто хоть как-то интересовался жизнью Алексея Алексеевича, отец и вовсе перестал досаждать сыну, а наоборот старался помочь получить ему образование. Спустя какое-то время он во время разговора с Дмитрием даже сказал:

Армия нужна для чего? – говорил он, закуривая крепкую дешёвую сигарету. – Армия нужна для войны! А раз войны нет, то и армии заняться нечем. Вот они и придумывают себе работу. Красят заборы, да снег убирают, а потом срочники оттуда возвращаются и ходят с поднятым носом, мол, «настоящие мужики». Тыфу, блин. Это всё равно, что госпиталь построить, загнать туда докторов, а больных раз, и нет совсем. И стоит этот госпиталь без больных, но с докторами. А те ходить будут колбочки протирать да полы мыть. Но за каким чёртом они там нужны будут, эти доктора?

Дмитрий с жалостью посмотрел на отца. Человеком он был отнюдь невоенным. Слишком он добрый, слишком слаб характером, чтобы справляться со всеми трудностями, кото-

рые подстерегали его на службе. Дмитрий выпил горький кофе и хотел поставить кружку в раковину, но там и без того оказалось слишком много посуды.

Ты какой-то печальный, сын, – сказал Алексей Алексеевич, наливая водку.

Вовсе нет, – фальшиво улыбнулся Дмитрий. – Или может из-за погоды, или устал за неделю.

Ничего у тебя не случилось?

Не случилось.

И снова разговор иссох. Алексей Алексеевич взял пульт от телевизора и сделал звук громче. На экране слащавый телеведущий с зализанными волосами в который раз рассказывал про какую-то войну в какой-то стране.

Вот чё творят, суки, – прошипел сквозь зубы Алексей Алексеевич. – А ты, Димка, новостей не смотришь?

Нет, пап, не смотрю.

А зря! Надо знать, что в мире творится.

Да ну, – отмахнулся Кошкин. – Наши новости смотреть...

А что с ними не так? – перебил его отец.

Да всё не так. Одна пропаганда. Вести России, а сами только и делают, что рассказывают, как в западных странах всё плохо и как они бедненькие там все скоро загнутся. А про проблемы России молчат! Про какую-то чушь скажут два слова, а так в целом у них всегда всё хорошо.

Ну, всё и надо так делать! – воскликнул Алексей Алексеевич. – Ты думаешь, американцы так не делают? Ещё как де-

лают! Нас там тоже грязью поливают, и мы должны им отвечать также!

А мне плевать, что там у американцев! Я в России живу и хочу, чтобы у меня в стране по телевизору не вращались. Они там только и делают, что боготворят президента, будто он богом поцелованный. Это уже каким-то «Большим Братом» пахнет, – Дмитрий встал закрыть окно, в кухне становилось невыносимо холодно.

Ну да, тогда нас американцы быстро задавят, если все будут знать, как у нас плохо в стране! Ты пойми, Дима, это ты умный парень можешь логически думать, но большинство населения дураки дураками. И им и нужно объяснять, что хорошо, а что плохо. И как думать надо, а как не надо.

И кто же будет определять кому и как думать? Нет! – Дима повысил голос. – Люди сами должны для себя решать, как и что думать, а новости должны лишь давать информацию о том, что случилось в мире. Без каких-либо своих оценок. А так они только отупляют общество, используя самые банальные приёмы пропаганды. Давят на какой-то ура-патриотизм и ненависть ко всем людям, которые живут не в России. Да и чё тут правду скрывать, пап? Отвлекись от телевизора и глянь в окно. Вот она – правда! Прямо у тебя под носом. Они могут сколько угодно нам врать, но прийти в квартиры и заколотить окна у них не получится.

Ну, тогда нам точно американцы скоро будут свои правила диктовать. Ты пойми, что они там у себя такой же голо-

вомойкой людей занимаются. Так что, на мой взгляд, пропаганда необходима. Иначе ещё и у нас «майдан» начнётся.

Наша власть боится «майдана» не потому что они за целостность страны переживают, а потому что переживают за свои собственные шкуры. Посмотри, какие герои! Защищают нас от кровожадного запада, только у нас забыли спросить, нужна ли нам такая защита. Да и я против любой пропаганды. Чтобы и в Америке и где угодно людям мозги не промывали. Люди должны быть свободными в своих мыслях и иметь свою точку зрения, а не навязанную извне.

Это в тебе говорит либерал...

А у русских на слово «либерал» реакция, как у быка на красную тряпку. Хотя никто из этих, так называемых, патриотов даже не знает, что означает слово «либерал». Неужели это так трудно?

Что трудно?

Думать своей головой!

А кто тебе сказал, что ты сам-то думаешь своей головой? Если дать людям полную свободу, они же будут вести себя, как дикие звери!

Если кто-то навязал мне мысль о том, что нужно думать своей головой, то это очень плохой пропагандист.

Алексей Алексеевич молчал, пытаясь придумать, что ответить своему сыну. Тишина длилась несколько секунд, но первым не выдержал сам Дмитрий.

Люди отвратительны! Только и делают, что друг с другом

болтами меряются. Как дети, ей-богу. Что в детстве во дворе все выпендривались перед друг другом, кто сильнее, быстрее, ловчее. Позже пошли в школу, там уже научили, что надо выпендриваться, кто кого богаче, у кого игрушки дороже, рюкзак красивее. Так и ни черта не изменилось теперь, только большие дети ходят и выпендриваются всё тем же, как и в первом классе. И так же, как и детей, нас легко обмануть. Нас легко заставить ненавидеть человека, группу людей или целую нацию! Мы даже лично никого из них не видели, но какой-то мужик из телека сказал, что они все должны умереть!

Ну, вот ты ругаешь пропаганду, а сам подумай, – насупился Алексей Алексеевич. – Если бы не советская пропаганда, то мы бы и войну не выиграли. Представь, если бы тогда по радио только и говорили бы, как всё плохо и что мы, мол, проигрываем. И действительно проиграли бы войну.

Пап, – ответил Дмитрий. – Но если бы не пропаганда в Германии, то и война бы вовсе не началась. Если бы в Германии людям мозги не промывали, то может у них их хватило на то, чтобы не идти умирать за чужие амбиции. Вот и я сейчас не хочу быть пешкой в игре каких-то политиков. Люди слишком мало задумываются о ценности своей жизни, а потому так просто отдают её за разногласия совсем посторонних им людей.

Алексей Алексеевич стал придумывать контраргументы на слова своего сына.

– Эх, Димка, ты пока молод и в тебе говорит это подростковое буйство. Повзрослеешь и всё поймёшь, станешь умнее.

– Если это так, то я, пожалуй, останусь подростком.

На этом спор закончился. Алексей Алексеевич отшутил-ся, чтобы сменить тему. Разговор перекинулся на обсуждение погоды, учёбы Димы и прочее, прочее, чтобы не сидеть в гнетущей тишине. За то время, пока Дмитрий был в квартире, Алексей Алексеевич выпил ещё стакан водки и уже с трудом мог понимать, что говорит ему сын. Взгляд Дмитрия то и дело падал на часы, отчитывая время, которое он должен был провести с отцом. Алексей Алексеевич подвинул к себе пепельницу, в которой едва бы хватило место для ещё одной сигареты, и закурил. Несколько уродливых бычков вывалилось на некогда белую скатерть, а серый, густой дым заполнил собой всю кухню и уже начинал просачиваться в спальню и коридор. Дмитрий запустил руку в карман и, пошарив немного, достал свою пачку сигарет. Алексей Алексеевич курил и рассказывал какую-то историю, которая случилась с ним в 90-х годах, когда он служил на военном корабле. Историй у Алексея Алексеевича было не более десяти, и каждую из них Дмитрий знал буквально наизусть. Отец рассказывал их периодически всем от жены и детей до друзей и дальних родственников, что имели удовольствие побывать в уютном доме Кошкиных. Историю, которую отец рассказывал сейчас, Дмитрий знал наизусть ещё с 7-го класса. Она про то, как сослуживец Алексея Алексеевича однажды на-

пился и, взяв на хвост милицейскую машину, открыл по ним огонь из служебного оружия. На моменте, где этот сослуживец достаёт пистолет, отец должен закатиться бешеным смехом, так было в первый раз и во все последующие в течение последних десяти лет.

... и вот тогда что он делает? – Алексей Алексеевич посмотрел на сына так, как будто и вправду ждал от него ответа. – Он достаёт свой пистолет и, высовываясь из окна, начинает полить прямо по гаерам, – на этом моменте он канонично закатился неудержимым смехом так, что всё лицо покрыл небольшой багрянец. Дмитрию только и оставалось, что слабо улыбнуться, как знак того, что он оценил остроумный момент истории.

Пап, ты встречался с девушками, которые были старше тебя? – Дима перебил отца, когда тот, отсмеявшись, было начал вести историю к логическому завершению.

А? Что ты сказал, Дим?

Ну, в молодости, до мамы. У тебя когда-нибудь бывали отношения с девушками, которые старше тебя?

Димка, – выдохнул Алексей Алексеевич и улыбнулся, окунаясь в воспоминания молодости. – У меня на этот счёт был свой пунктик. Вообще, многие девчонки за мной в молодости бегали. И Светка, одноклассница. И Катька, но не твоя мама, а та, что с 9-го дома. Подруга матери твоего кореша этого... как его...

Вити? Дёмина?

Точно! – обрадовался Алексей Алексеевич.

Ну, так, а были те, что старше тебя-то? – не унимался Дмитрий.

Была одна... – он задумался. – Маринка, точно! Я тогда чуть младше тебя был. Мне девятнадцать должно было исполниться через полгода, а Маринка меня на свой день рождения позвала.

И?

Ну, так Маринке тогда 19 уже и исполнялось, а мне только через полгода!

Подумаешь полгода, – рассмеялся Дмитрий.

Вот ты подумаешь, а я уже через два дня с ней расстался. Мне нужна была та, что младше меня, – заключил он.

Они докурили и потушили сигареты в куче пепла и бычков. Алексей Алексеевич поднял со стола несколько окурков и встал вместе с пепельницей, чтобы выбросить их в мусорное ведро.

А ты зачем вообще спрашиваешь? – спросил он, возвращаясь на своё место.

Не бери в голову, – отмахнулся Дмитрий. – Одногруппник встречается с девушкой, а она его лет на пять старше.

А... – Алексей Алексеевич посмотрел на сына. – Ну, если ему это нормально, то и пусть встречается. Каждому своё, – затем задумался, – Как там говорят? Любви все возрасты покорны.

Дмитрий Кошкин ещё на какое-то время задержался у от-

ца, но ближе к середине дня засобирався прочь.

И всё-таки ты какой-то печальный, Димка, – сказал отец, когда Дмитрий уже обувался в коридоре. – Точно ничего не случилось?

Нет, пап, серьёзно, – он криво улыбнулся. – У меня всё замечательно.

Может, всё-таки на учёбе проблемы?

И на учёбе всё в порядке.

А может тот одноклассник с девушкой – это и есть ты? – заулыбался Алексей Алексеевич.

Пап, чё ты привязался, а? – вдруг закричал Дмитрий. – Сказал же, что всё отлично!

Но тут же Дмитрий почувствовал себя скотиной. Он посмотрел на бедного, одинокого старика, у которого ничего не осталось в жизни, кроме стакана и сына, которого он видит несколько раз в месяц.

Прости, пап, – тихо проговорил Дмитрий. – Сорвалось...

И тут же распахнул входную дверь и пошёл прочь из родительского дома.

Глава 8

Дёмин держал в одной руке свой серебристый складной нож, а в другой мятый кусок фольги. Сделав несколько дырочек в фольге, он отложил нож в сторону и полез за пыльное, старое кресло и вытащил оттуда красное пластмассовое ведро, на три четверти заполненное водой. На поверхности воды плавала верхняя половина обрезанной пятилитровой бутылки. Дёмин взялся за горлышко и надел на неё кусочек дырявой фольги. Затем он достал из кармана белый бумажный свёрток и положил его рядом с ведром. Кошкин сидел на диване рядом с Шеиным и поправлял воротник своей красной клетчатой рубашки.

Витя, и куда мы потом пойдём? – спросил Шеин. Он уже был полупьян, и язык его начал было заплетаться.

К Толику.

К какому Толику?

Ты, смотрю, много Толиков знаешь? Чё за идиотские вопросы, а? – раздражённо закричал Дёмин.

Ты заткнись! Чё спросить уже нельзя?

Господи, Шея, – Дёмин приложил свою ладонь к глазам. – Просто закрой свою жидовскую пасть.

Как ты достал, – огрызнулся Шеин.

Да заткнитесь вы оба, – вмешался Кошкин. – Витя, делай эти свои дела, и пойдём к твоему корешу.

О, я с радостью сделаю всё быстро и красиво, если всякие жиды не будут меня отвлекать, – злобно ответил Дёмин.

Он развернул бумажный свёрток и высыпал содержимое на фольгу.

Шея, дай зажигалку, – сказал он без малейшего намёка на недавнюю ссору.

Дёмин поднёс огонь к зелёным комочкам, ютившиеся на фольге, и беспощадно поджжёг их.

Вот! Это называется «водный»! – гордо заявил он. – Шея, хватай за горлышко, и опускай потихоньку вниз.

Шейн выполнил приказ друга и стал опускать обрезанную бутылку в тазик с водой, получая в ответ порцию густого дыма, который полностью охватил его лицо и, поднимаясь выше, отправился гулять под потолком комнаты.

Чёрт! – закричал Дёмин. – Сколько же ты дыма зря тра-тишь! – он выхватил у него бутылку и, матерясь, начал хватать губами витающие в воздухе клубы дыма.

Кхе-кхе.., – Шея упал на диван и разошёлся кашлем. – Как будто... кхе-кхе...! Как будто наждачной бумагой по горлу!

Ну как? Торкает? – спросил Дёмин.

Жесть! – только и ответил Шея. Он продолжал задыхаться и кашлять. – Блин! Я ща сдохну, пацаны!

Дима, ты «водный» будешь? – Дёмин, не обращая внимания на мучения Шеина, посмотрел на Кошкина.

Не, Витя, я пас!

А я буду, – сказал сам себе Дёмин и полез за ещё одним

свёртком.

Боже, у меня перед глазами всё плывёт, пацаны! – хрепел Эдик. И внезапно разразился неудержимым хохотом. Он смеялся истерически, иногда прерываясь на кашель.

Знаешь, что? – пробубнил Кошкин. – Давай мне тоже.

И вся комната потонула в густом, сладком и дурманящем дыме.

Они вышли из дома, когда улица полностью погрузилось во тьму. Шёл мелкий, мерзкий весенний дождь, Кошкин слышал, как он слабо отбивал по железным крышам балконов многоэтажек. Они направлялись к Кольцу Багратиона, шли вдоль дороги, в лицо дул холодный косой ветер. На улице почти не было людей, лишь редкие прохожие встречались на пути.

Кошкин немного протрезвел под холодным дождём и ветром. Его вдруг охватило чувство уюта, которое ощущаешь, когда ты свой в своей компании. Он вспоминал, как ещё пять-шесть лет назад их компания насчитывала не три человека, а все пятнадцать или даже больше. Глупыми подростками они собирались на улице, тёплыми летними вечерами пили дешёвое пиво и разговаривали о глупостях. Беззаботное время – самое лучшее время. Но беспощадные года, словно ураган, пронеслись через их компанию, разбросав

её на мелкие группы. И с теми, с кем ещё недавно, обнявшись, рассуждал о дружбе и любви, раскуривая одну на двоих сигарету, ныне при встрече опускаешь глаза, делая вид, что никогда не был знаком с этим далёким тебе человеком. А ведь ничего не произошло, и мы остались такие же, как были, и в то же время стали совершенно другими и чужими друг другу. Со временем у Кошкина осталось только два верных друга, но и этого было мало. Болезнь Вити Дёмина развивалась, и вот он пропал на целый год. А ведь друзья даже не знали, что с ним произошло. Год без малейших вестей. Но когда Витя вернулся – это был уже другой человек: что-то жуткое появилось в его поведении, голосе и особенно во взгляде. С тех пор Витя Дёмин не расставался со своим складным ножом. Он носил его в кармане даже тогда, когда был наедине с Кошкиным или Шеиным, а Дмитрия не оставляло чувство, что ничем хорошим это не закончиться. Но шло время, и чувство тревоги притупилось. Друзья привыкли к новому Вите Дёмину.

Мы почти пришли, – сказал Дёмин, доставая из кармана смартфон.

Прикрывая его ладонью, чтобы на экран не попадали капли дождя, он набрал номер, который Кошкину был неизвестен.

Так, Толик, мы уже подошли, вы где? – пробубнил он заплетающимся языком в микрофон телефона, – Я тебя понял, ща всё будет, – сказал он, помолчав несколько секунд.

Он положил телефон в карман и направился к торговому центру, что стоял около автобусной остановки, в нескольких метрах от них.

Ребята, нам сюда, – обратился он к Кошкину и Шеину.

Они обошли вокруг торгового центра и в темноте разглядели силуэты каких-то людей. Люди курили и явно что-то выпивали. Кошкин слышал их пьяные голоса, они плевались и матерились через каждые два слова, настроение у них было хорошее.

Витёк! Как сам, братуха?! – послышалось из толпы, когда друзья подошли ближе.

Нормально, Толян, – улыбаясь, ответил Дёмин. – Чёт вас тут много.

Людей и вправду было очень много, человек десять, не меньше, среди них Кошкин разглядел нескольких девушек. Затем из толпы вышел широкий, коренастый парень, это и был тот самый Толян. Волосы у него были светлые, коротко подстриженные. Глаза пьяные и дурные, непонятного из-за темноты цвета. Он не переставал улыбаться ни на секунду, а периодически срывался на нервный хохот так, что Кошкин не смог не заметить отсутствия у него нескольких передних зубов.

Димасик, ты что ли? – Вдруг обратился он к Кошкину. Дима посмотрел на него и только теперь вспомнил, что он и раньше где-то видел этого Толика.

Я, – только и ответил Кошкин. – Как сам?

Мне просто зашибись! Ха-ха! – гоготнул Толян.

И вот тут Кошкин вспомнил его. Толяна он видел пару раз где-то года три назад. Тогда они с Дёминым иногда приходили к нему пить. Толян в то время курил гашиш и очень часто напивался до потери рассудка. Несмотря на то, что родители его были очень обеспеченные люди, сам Толян общался с отбросами района. Он воровал деньги, «отжимал мобилы у лохов», поговаривали, что он торговал наркотиками, причём не всякой шмалью, а вплоть до героина. Так и протекала жизнь Толяна до одной ошибки, которая чуть было не стоила ему свободы. Так он и несколько его корешей скитались ночью по улице, пока не набрели на пьяного прохожего. Их дело было обычное, и проворачивали они такое кучу раз. Один из компании точным удалом палкой по голове уложил беднягу на холодный асфальт. Затем, как по команде, вся шайка набросилась и стала обчищать карманы. Забрали всё: деньги, мобильный, часы, кольцо. Вот только не заглянули в карман, где лежало удостоверение сотрудника полиции. Через двое суток вся шайка стояла в кабинете следователя. И лишь деньги и хорошие связи отца Толика в прокуратуре помогли ему избежать заключения.

Откуда с ним был знаком Дёмин, Кошкин не знал. Но он и не спрашивал, ведь всем известно, что Витя Дёмин в отличных отношениях даже с кончеными отморозками и гораздо реже с порядочными людьми.

Ты всё ещё дуешь, Толян? – спросил Кошкин, окончатель-

но его вспомнив.

Не, Димасик, я завязал с этим дерьмом, – улыбаясь во весь рот, сказал Толян. – Теперь я только жёстко бухаю! – сказал он и выдавил из себя несколько фирменных смешков.

Теперь Кошкин мог разглядеть всю, встретившую их, компанию: около стены стоял Валера Косой – Косой, потому что в детстве с ребятами бил бутылки и имел неосторожность получить стекло в левый глаз. С Шеей заговорил Олег Шмыга – его бывший одноклассник. Кроме этих двух, Кошкин также знал трёх девушек – Наташу, Полину и Веронику, а вот четвёртую он видел первый раз в жизни. Остальных парней Кошкин также не знал, но Шеин и Дёмин явно были с ними в добрых отношениях. Компания пила водку из пластиковых стаканчиков, запивая апельсиновым соком.

Шаршеев? Тот, который в тюрьме сидит? – донёсся до Кошкина голос, незнакомого ему, парня.

Не! – ответил Шмыга. – Я про того, который с крыши спрыгнул.

А! – воскликнул парень. – Этот брат его, а тот Шаршеев сука! Он ту девочку молотком забил. Падла, и семье жизнь искалечил за просто так, вот сучара!

Маты, плевки, хохот и девчачьи возгласы доносились до ушей Кошкина. Толян подошёл к нему и начал что-то рассказывать, но Кошкин не мог его понять, Толян был смертельно пьян. Кто-то подsunул Диме стаканчик, с налитой водкой. После каждый опрокидывал свой стакан, запивал со-

ком из горла и передавал его дальше по очереди.

Народ! – вдруг раздался пьяный возглас Толяна. Тот залез на перила и светил своей беззубой улыбкой. – Туса перемещается ко мне на хату!

Ну, наконец-то! – услышал Кошкин женский голос.

Давно пора! – поддержал её Шмыга.

Шумной компанией они двинулись в сторону квартиры Толяна, Кошкин глазами отыскал Шеина и решил идти ближе к другу. Дёмин о чём-то шумно беседовал с Косым, но ни одного слова невозможно было разобрать из-за гула шумной компании. Они минули Кольцо Багратиона и направились в сторону одиноких девятиэтажных домов, которые находились рядом с лесом. Кошкин и не заметил, как закончился дождь. Холодный ветер продолжал дуть в лицо, но Дмитрий был уже достаточно пьян, чтобы не обращать на него никакого внимания. Компания с криками и смехом шла по ночному портовому городу, тревожа спокойный сон его жителей. Супермаркеты и торговые центры остались позади, и они шли по пустой дороге, по обеим сторонам которой были лишь кусты и деревья, одиноко покачивающиеся под холодным, дальневосточным ветром. Где-то вдалеке Кошкин услышал рёв мотора японских машин, что наперегонки гнали по ночному городу, и в этот момент Дмитрий забыл обо всём на свете. Друзья, дым и алкоголь хоть на один вечер притупили тоску в его груди по этой желанной девушке. Её образ не терзал его сердца, пряди волос не падали ей на лицо

так, что их приходилось поправлять, и она больше не называла его «прогульщиком», лукаво улыбаясь своей пленительной улыбкой. Теперь был только ночной и холодный Владивосток, было пошло и дурь, была шумная и пьяная компания, был матерящийся Толян, были глупо улыбающиеся и пьяные девушки, был Витя Дёмин и Эдик Шеин, был Дмитрий Кошкин.

Так! – прозвучал крик Толяна, когда они подошли к кирпичной девятиэтажки. – А теперь всем, нахер, заткнуться, пока не дойдём до квартиры. – Не дай бог, соседи потом будут на меня базарить.

Да заткни хавло уже, мужик, – прокричал то ли Косой, то ли Шмыга.

Спустя несколько минут вся компания уже разувалась и скидывала тёплые куртки в коридоре квартиры Толяна. Кошкин повесил свою парку на вешалку и поправил рукава на рубашке. Гости разместились в самой большой комнате, рядом с кухней. Дёмин, словно хозяин, сразу занял большое кожаное кресло белого цвета. Остальные, по большей части, разместились на диване, который стоял напротив этого кресла, их разделял лишь небольшой, стеклянный, журнальный столик. Те, кому не хватило места на диване, сели прямо на белый, мягкий ковёр и облокотились на книжный шкаф. Квартира была весьма небедная. Кроме комнаты, где расположилась шумная компания, в квартире так же была небольшая комната самого Толяна и спальня его родителей.

Кошкин обратил внимание на новую и, по всей видимости, дорогую мебель, на натяжные потолки и на целую коллекцию дорогих алкогольных напитков, которые заполняли собой целый шкаф. Последний в комнату вошёл Толян, и сразу стрельнул глазами на Дёмина, который по-королевски расположился на столь удобном кресле.

Э-э! – притворно грозно закричал Толян. – Слыш, борзый! Чё расселся на моём кресле?

То, что тут место для элиты, – насмехаясь, ответил Дёмин.

Сиди, братуха, для тебя ничего не жалко, – гогоча, сказал хозяин квартиры.

Толян вместе с каким-то парнем на несколько минут ушёл на кухню и принес три бутылки дорогого виски (наверное, из запасов его родителей) и несколько бутылок «кока-колы». Компания продолжала гулять. Дёмин достал ещё один бумажный свёрток и отправился с Толяном на кухню забивать «косяки». Несколько раз парни выходили на балкон травиться сладким дымом, который нёс за собой смех и радость для пустых, пьяных голов. Люди разбежались по всей квартире. Кошкин познакомился со всеми, кого не знал при встрече у торгового центра. Сначала он распивал виски и разговаривал о чём-то с Эдиком в комнате Толяна, но потом Шея отвлёкся на заигрывания с одной из девушек, и Кошкин решил пойти в общий зал, чтобы найти Дёмина. Однако он был занят – о чем-то спорил с Толяном, поэтому Кошкин сел на диван и решил налить себе ещё виски.

А мне не нальёшь? – прозвучал мягкий, женский голос. Кошкин поднял голову и увидел девушку в чёрно-белой кофточке, с большими чёрными буквами «NY» посередине. Это была Настя, её Кошкин узнал только сегодня и до этого момента не перекинулся с ней и парой фраз.

Налью, – улыбнулся ей Кошкин. – Давай стакан.

Настя была хороша собой, красивое лицо сочеталось со стройной фигурой. Её щёки покрывал лёгкий румянец то ли от алкоголя, то ли от смущения. Улыбаясь уголками розовых губ, она поднесла свою руку к лицу, чтобы убрать прядь прямых, чёрных, как сама ночь, волос. Карие глаза Насти смотрели в глаза Кошкину из-под чёрных, длинных ресниц.

Чего скучаешь? – она села рядом с Кошкиным и взяла стакан с виски.

С чего ты решила, что я скучаю? – спросил он

Дима, верно?

Верно.

Чего скучаешь, Дима? – повторила она, смеясь.

Они разговорились, и остальное время в гостях у Толяна провели вместе. Вдвоём они выпили ещё по три стакана виски с колёй, Кошкин чувствовал, что становится совершенно пьян. Язык развязался, и он делился с Настей всеми своими сокровенными чувствами и мыслями, на это она отвечала своими искренностями. Через пару часов он узнал, что она студентка медицинского университета. Она, так же, как и Кошкин, многих в этой квартире видит в первый раз.

Не очень ты себе компанию подобрала, – говорил Кошкин, заплетающимся языком.

Нормальная, – ответила Настя. – Ты же сам в этой компании.

Я тут проездом...

Так и я тоже, – она улыbnулась ему. – За сестрой присматриваю. Полиной.

А... – протянул Дмитрий.

Родители боятся её одну здесь оставлять.

Правильно делают.

Жила она недалеко от торгового центра, где они начинали этот вечер. Вскоре они вовсе перестали замечать остальных. Они не замечали Шеина, который в пьяном угаре начал петь какую-то старую еврейскую песню, с присущим ему отсутствием голоса и слуха. Опрометчиво не замечали пьяного Дёмина, который на повышенных тонах начал что-то объяснять Толяну. А ведь кому, как не Кошкину должно быть известно, что страшнее Вити Дёмина, может быть только пьяный Витя Дёмин. Дмитрий совершенно и думать забыл о своих страданиях по Марии. Перед ним сидела симпатичная девушка, с которой он хорошо проводил время здесь и сейчас. В этот момент он снова был свободен. Однако ненадолго. Кошкин потянулся за стаканом виски, и взгляд его невольно упал на книжную полку, которая стояла у Насти за спиной. На красном корешке книги отчётливо виднелись золотистые буквы: «Солярис» Станислава Лема. Одно слово вытащило

его из собственного панциря и вернуло в ту уютную аудиторию, где он провёл лучшие минуты за всё свою жизнь, общаясь с Марией.

Чего завис, глупый? – улыбнулась Настя, заметив изменение в лице Кошкина.

Прости, – сказал он почти шёпотом. – Вспомнил о... вспомнил об одном деле.

Что за дело? – не унималась Настя.

Я соврал, – криво улыбнулся Кошкин. – Вспомнил не о деле, а об одной девушке.

Настя поставила полупустой стакан на журнальный столик, поправила прядь чёрных волос и села совсем близко к Кошкину так, что их колени соприкоснулись.

Скорее рассказывай! – улыбнулась она. – Я буду твоим психологом!

Знаешь, – сказал он, отводя взгляд в сторону. – Есть одна девушка...

И в чём проблема? – нетерпеливо перебила его Настя.

Она меня лет на пять старше, – идиотски улыбнулся Кошкин.

Ха, – вздохнула она. – Подумаешь великая проблема. Ты с ней разговаривал?

Она моя преподавательница по английскому языку, – сказал он.

Ага, – Настя скорчила гримасу, будто только что сильно провинилась. – Тогда сложнее.

Это ещё не всё.

Что там ещё с ней не так? – она потянулась за своим стаканом, и сделала несколько глотков.

Она замужем.

Ты... – она с трудом проглотила последний глоток виски. – Умеешь выбирать себе подружек.

Сзади них раздался громкий смех, а справа Дёмин с шумом что-то доказывал Толяну. Кошкин молча смотрел в карие глаза Насти.

Извини, – виновато проговорила она.

Ничего, – улыбнулся Кошкин. – Я уж испугался, что не смогу тебя удивить.

Это весьма... – она задумалась. – Весьма необычная ситуация.

Как думаешь, что мне делать?

А на свободных девушек смотреть не пробовал? – она кокетливо улыбнулась уголками губ.

Сейчас смотри, – ответил он на её флирт. – Но та поразила меня в самое сердце.

Эх, – вздохнула она. – Я бы тоже хотела замутить с преподам, – она задумалась, поднеся пустой стакан к губам. – Знаешь, у нас в универе есть такой симпатичный препод. Вот с ним бы я замутила, но он тоже женат.

Как думаешь, я безнадежен?

Не жалея себя, – ответила она. – Если она замужем, то быть может у тебя гораздо больше шансов, чем будь она сво-

бодна.

Это ещё почему?

А ты женщин не знаешь? Попробуй её взять. Ты ничего не потеряешь. Тебе только надо бы побольше веры в себя.

Кошкин потянулся за почти пустой бутылкой виски.

Подожди, – Настя взяла его за руку. – Иди за мной.

Они встали и вышли из комнаты в тёмный коридор. Настя шла впереди, держа Кошкина за руку. Тепло её ладони передалось Дмитрию, и кровь забурлила в его жилах так, что Кошкин стал ловить воздух ртом. Настя на секунду повернулась к нему и подмигнула длинными, чёрными ресницами, словно птица взмахнула своими крыльями. Они дошли до конца коридора и повернули налево, в спальню родителей Толяна. Настя пустила вперёд Кошкина и закрыла за собой дверь.

Настя... – шепнул Кошкин.

Тихо, глупый, – мякнула она и повалила его на большую деревянную кровать. Их губы соприкоснулись, и Дмитрий почувствовал, как её обжигающие пальцы расстёгивают по очереди каждую пуговицу на его рубашке.

Стеклянные глаза Толяна иронично смотрели на Витю Дёмина. Он был так пьян, что едва ли смог встать со стула, если бы его об этом попросили. Бритую голову Дёмина по-

крывали испарины. Дрожащими руками он тянулся за полупустым стаканом виски. Дёмин не видел и не слышал ничего вокруг. Он едва мог разглядеть Толяна, сидящего напротив, который, в отличие от него, был в относительном здравом уме.

Понимаешь? – хрипел пьяным голосом Дёмин. – Сейчас я абсолютно свободен от всего. Ничего в этом мире не может на меня повлиять. Моя цель попытаться теперь полностью абстрагироваться от общества. Найти укромный уголок. Где-нибудь, где нет этого городского шума, где нет человеческого зловония и их бесконечного нытья о проблемах, которые они сами себе придумывали.

И где же ты найдёшь такое место? – улыбался во весь рот Толян.

Явно не здесь, не в этом уродливом улье! Мне нужно подальше от людей. Я бы хотел стать отшельником, и не видеть никого вокруг, даже своё отражение.

И куда ты собираешься бежать? Будешь жить в лесу? – смеялся Толян над пьяным собеседником. – Ты там от скуки не помрёшь?

Я и сам себе отличная компания! Это я здесь быстрее от скуки помру! – брызжа слюной, закричал Дёмин. – Ты посмотри на людей! На их самодовольные рожи. Я ненавижу каждого из них. Они живут в коконах своих собственных страхов и переживаний. Вечно торгуют перед друг другом мордами, чтобы все видели, какие они якобы особенные.

Ты просто набухался, Витя, – подмигнул ему Толик.

Нет! Это ты набухался! Весь мир пьян, а я один трезвый, так что мне даже поговорить тут не с кем! Ты посмотри на людей! Да сейчас даже самое незначительное событие в жизни они спешат скорее заснять на свои херовы телефоны и выложить в соцсети! Всё скатилось к тому, что если тебя нет в интернете – то ты не существуешь! Да они из дома выходят только за тем, чтоб светануть лишний раз хлебальником. Весть мир засрали своим селфи! Но я знаю этих тварей. Онидохнут от собственного одиночества и от собственной убогости! Все их попытки показать другим людям, какие они необычные, интересные и какая у них увлекательная жизнь – это лишь жалкие потуги скрыть своё собственное несчастье. И сдохни они завтра, то послезавтра о них никто уже не вспомнит! Ведь если они признаются сами себе, что на самом деле ничего не значат, то осознав это будут блевать собственным эго так долго, пока кровь не польётся из их собачьих глоток. Вот и красуются друг перед другом, пытаюсь обмануть и обмануться, что они важны в этом мире! Но дело в том, что неважно, беден ты или богат, популярен ли ты или не популярен, неважно кто ты и чем занимаешься! Все люди – это тупые животные. Они живут по инстинктам, которые сформировались в тринадцать лет и дальше не продвинулись. А если ты, сука, не хочешь жить, как тупое стадо, то тебя заклюют, как предателя этого устава для идиотов!

Ну а ты чем от нас, убогих, отличаешься? – Толян сидел с

самодовольной гримасой, он не воспринимал всерьёз слова Дёмина, а лишь давал выпустить пар пьяному другу.

Они живут лишь удовлетворением своих низких потребностей, – продолжал Дёмин, не обращая внимание на слова Толика. – Думают только о том, как вкусно пожрать и хорошо поспать. Им бы только побольше шлюх, чтобы бесконечно совокупляться. Эти кроличьи жизни ненавижу! Вот так и со всем миром. Люди рождаются, им объясняют эти идиотские правила жизни, и они, не задавая лишних вопросов, живут по этим правилам. Ты должен получить образование, чтобы потом работать всю жизнь и платить налоги государству, ты должен служить в армии, ты должен жениться, ты должен завести детей, должен взять кредит! Больше кредитов! Каждый год выходит новый телефон – нужно купить этот телефон! Нужны новые шмотки, чтобы не быть неудачником. Нужно постоянно себя фотографировать, как идиот, и выкладывать в социальные сети, как будто, мать твою, кому-то есть до тебя дело! Всем людям плевать на всех, кроме себя. И они только и делают, что чешут своё самолюбие, пытаясь казаться круче среди людей, которые их даже не замечают. Я хочу быть подальше от этого мира, – Дёмин замолк на несколько секунд, затем посмотрел в глаза своему собеседнику.

Ты слишком много думаешь, – отмахнулся Толян. – В жизни нет ничего плохого. И в новых телефонах тоже.

Дело же не в телефонах! Дело в том, что люди тупые уро-

ды, разменявшие жизнь на дерьмо. Да и что ты мне говоришь? Ты же сам часть этого общества.

А в моей жизни что тебя не устраивает?

Дёмин злобно посмотрел ему в глаза.

Вот мы жируем тут сегодня. Баб привёл к себе домой! А о пацанах своих ты вспоминаешь?

Каких пацанах? – серьёзно спросил Толян, понимая к чему идёт разговор.

Тех, кто на зоне за тебя сидит!

Толян напрягся, но снова довольно улыбнулся, пытаясь скрыть раздражение. Такое поведение было обычным для Вити Дёмина. Никогда нельзя было предугадать, когда он в порыве страсти превратит тебя из собеседника во врага. После этого начнёт воевать именно с тобой.

Пацаны сидят не за меня, а за то, что крутиться не умеют, – улыбаясь, проговорил он.

Ах, крутиться они не умеют. А тебе повезло! Ты-то умел крутиться! Толик, кто твои родители?

На этом моменте довольную гримасу Толяна, как ветром сдуло.

А какая разница? – ответил он настороженно.

Какая разница? Ты же такой же ущерб, как и все те, о ком я говорил, – глаза Дёмина налились кровью.

Ты за базаром своим следи, дружище! – уже совсем недружелюбно закрипел зубами Толян. – Ну и что? А как ты хотел? Все так живут.

Все так живут? Отлично! Неплохая отговорка – ссылаться на «всех»! – плевался Дёмин. – Но если «все так живут», то значит ли это, что и я так жить должен? Это ты, Толян, живи, как опарыш, копошась в своём мусоре. Ты же с детства имел всё, что тебе нужно! Дорогие шмотки, телефоны. Тебе отец дважды машину дарил! Даже после того, как ты первую разбил! Но тебе нужно больше. Ты людей запросто так калечил, воровал у тех, кто беднее тебя просто «чтоб поржать»! И даже сейчас, пока твои друзья за разбой сидят, ты спокойно отдыхаешь у себя в квартире!

И Дёмин, запрокинув голову, рассмеялся безумным смехом. Он смеялся несколько минут, на глазах появились слёзы. Толян заглянул в глаза Дёмину. Эти безумные, страшные, налитые кровью глаза. Дёмин улыбнулся ему, оголяя свои пожелтевшие от никотина зубы. В этот момент Толян сидел напротив абсолютного безумия.

Ну да, – выругался Толян. Он был взбешён словами Дёмина. – Куда мне до психов, вроде тебя?

Что? – Дёмин смотрел на Толяна. Он перестал смеяться также неожиданно, как и начал минуту назад. Лишь капли слёз у уголков глаз напоминали об истерическом хохоте безумца. – Что ты сказал?

Ну, психи, вроде тебя. Те, которые сидят в сумасшедших домах. Куда нам, опарышам, до вас? Кстати, Витя, тебя как давно оттуда выпустили? Или ты просто на публику играл? Вены себе резал, но до сих пор как-то жив остался. Уж боль-

но ты живучий для суицидного, – Толян сказал это так громко, что все сидящие в комнате, хотели они того или нет, услышали эти слова.

Так это я псих? – завопил Дёмин. – Да ты только посмотри как ты живёшь, что считаешь важным, что волнует твою пустую башку. Да я бы таких крыс, как ты резал, как свиней!

Пошёл вон, придурок полунормальный, пока тебе по хारे твоей не прописал!

В квартире вдруг наступила гробовая тишина. Все глаза устремились на Толяна и Витю Дёмина. Они сидели друг напротив друга, взгляды их были суровы и, казалось, что это лишь вопрос времени, когда и кто набросится первым на своего оппонента. И первым был Дёмин. Он неожиданным рывком бросился на Толяна, повалил его на пол и, схватив его за футболку, начал бить его кулаком по лицу. Витя Дёмин, примерно, в полтора раза уступал в весе и силе своему противнику, но то ли алкоголь, то ли безумие придало его ударам такую мощь, что Толян несколько бесконечных секунд ничего не мог сделать, а лишь лежал и получал один за другим сокрушительные удары по лицу. Ненависть закрыла пеленой разум Дёмина и притупила слух. Он не слышал девчачий визг и крики парней позади себя. Он не слышал стонов Толяна и не видел, как тонкая струйка алой крови потекла по его подбородку из разбитого носа. Дёмин разбил ему губу и бровь, но совершенно не собирался останавливаться на достигнутом результате и продолжал наносить слепые удары

по лицу. Толян чувствовал солёный вкус крови, которая за-текала ему в рот по разбитым губам. И когда казалось, что Толян уже подняться не сможет, у него открылось второе ды-хание. Зарычав, как медведь, он скинул худощавое тело Дё-мина со своей мощной груди, тот упал на холодный пол, и вот инициатива перешла в руки озлобленного, испачканного в собственной крови Толяна. Он несколько раз пнул лежа-чего соперника в область солнечного сплетения так, что Дё-мин начал задыхаться. Лицо Толяна пылало злобой и нена-вистью, он нагнулся к несчастному Вите Дёмину и, схватив его одной рукой за лицо, другой за затылок, несколько раз ударил его головой об пол.

Хватит идиоты! Что вы делаете? – визжали девичьи голо-са.

Парни боялись вмешиваться и так и не решились раз-нять двух безумцев. Толян поднял с пола Дёмина и с силой швырнул его на стеклянный журнальный столик. Послышал-ся звук битого стекла. Дёмин лежал среди блестящих оскол-ков, в ушах звенело, он всё ещё был оглушён от сильных уда-ров головой об пол. На лице и руках выступили капли крови, стекло сильно порезало его несчастное тело. Всё произошло за считанные секунды, и Дёмин не мог понять, как долго он уже лежит на полу. Он едва приоткрыл глаза и увидел огром-ное тело Толяна, стоящее над его беспомощностью. Но Дё-мин был не из тех, кто сдаётся просто так. Его рука нырнула в карман джинсов и нащупала там холодную сталь складного

ножа. Неожиданным рывком Дёмин поднялся с пола, в руках блеснуло лезвие. Лицо его покрывал грязный пот, смешавшийся с каплями крови. Он посмотрел на противника. Это был не просто злобный взгляд – это было безумие. Абсолютное и безграничное безумие в тот момент смотрело в глаза несчастного Толика.

Тише, тише, мужик! Успокойся! – закричал Толян. Ненависть быстро исчезла с его лица. На смену ей пришёл дикий, первобытный страх за свою жизнь.

Ну чё, сука?! – вопил Дёмин. – Назови меня психом ещё раз!

Господи, пожалуйста, отберите у него нож! – кричала одна из девушек.

Спокойно, Витя! – говорил дрожащим голосом Шеин. – Положи нож.

Положи нож, – кричал Толян. – Положи нож, чёртов психопат!

На этих словах ненависть снова ударила в мозг Вити Дёмина. И он со всей злобой бросился на Толяна, но не достиг цели. Внезапно что-то схватило его сзади. Дёмин оглянулся и увидел Кошкина, тот схватил его обеими руками и что-то пытался говорить ему. Но Дёмин был гораздо сильнее своего друга. Он быстро вырвался из хватки Кошкина и, развернувшись, с силой врезал ему по лицу той рукой, в которой находился нож. Кошкин почувствовал холодную сталь лезвия, оно прошло ему по щеке, оставляя тонкий кровавый след.

Кошкин упал, держась за щёку. Сзади на Дёмина набросился Эдик Шеин и ещё несколько ребят. Они повалили его на пол и выбили нож из руки. Кошкин подобрал нож с пола и сунул его себе в карман. Дёмин больше не сопротивлялся, сказывались усталость, ранения и алкоголь. Его вынесли в коридор и, не без труда, смогли надеть на него куртку и ботинки. В подъезд его вынесли, взяв под руки, Кошкин и Шеин. Дмитрий оглянулся на луч света, который исходил из полуоткрытой квартиры Толяна. В дверном проёме на него смотрело застывшее в ужасе лицо Насти.

Сволочи! Твари! Ненавижу вас, суки! – гулял отчаянный крик Дёмина по тёмным этажам подъезда.

Дима, братан! – говорил он заплетающимся языком. – Отведи меня обратно к Толяну! Надо ему сказать кое-что.

Ты уже всё сказал, Витя, – только и ответил Кошкин.

Шея, брат! – он повернулся к Шеину. – Ты тоже против меня, да?

Три одинокие тени, словно призраки, шли по холодному и пустому городу.

Глава 9

Солнце показалось из-за моря, гоня прочь все ночные страхи. Холодный месяц, будто потерявшийся ребёнок, застыл по другую сторону неба и, боясь сдвинуться с места, наблюдал за восходом весенних лучей вместе с равнодушным городом. Это утро было особенным. Сотни машин не заполняли дороги города, нарушая идиллию тишины рёвом моторов, сотни выхлопных труб не коптели небо чёрным, едким дымом, в это утро люди не бежали, сломя голову и, не замечая друг друга, по своим, таким важным и в тоже время таким смешным, делам. Это было утро всеми любимого воскресенья.

Солнце осветило ржавые корабли, ютившиеся друг к другу, в попытке согреть их метал после холодной ночи, и отправилось гулять по ещё только продирающему глаза портовому городу. Солнце гуляло по мостам и улицам, заглядывало в парки и скверы, ложась на холодные разноцветные лавочки, всё ещё мокрые после вчерашнего дождя. Оно прошлось по центру города мимо мраморных памятников, освещая их серьёзные лица, и отправилось дальше по серому асфальту городских дорог до торговых центров, продуктовых магазинов, выключенных фонтанов и спальных районов.

Мария вышла на балкон и, поставив кружку с чёрным кофе на подоконник, закурила мятую сигарету. Горький дым,

минув горло, коснулся лёгких и отправился обратно на улицу, растворяясь в холодном воздухе. Этим утром Мария была, как обычно, печальна. Она на секунду стрельнула взглядом в комнату, где тихо похрапывал её муж Юрий. Они поженились, когда были ещё совсем молодыми студентами. За время в браке неизвестно кто от кого больше устал, но счастливыми мужем и женой их назвать язык не поворачивался. Трудно сказать, была ли тут любовь или вообще хотя бы какие-нибудь хорошие чувства. Мария сейчас и не смогла бы с уверенностью ответить, любила ли она своего жениха ещё тогда, пять лет назад, но отказываться от предложения руки и сердца не решилась. Первые годы супружеской жизни нельзя было назвать плохими, но и особо счастливыми тоже. Но вот последний год брака был просто ужасным. Ссоры стали рутиной их отношений, они ругались буквально из-за всего. И, как это ни печально, но только во время ссор Юрий по-настоящему обращал внимание на свою жену. В остальное время они почти не контактировали. Мария даже стала вести подсчёт каждого поцелуя в их маленькой семье. Но вскоре бросила эту затею, так как в какой-то момент поняла, что даже не помнит, когда в последний раз её целовал муж.

Она смотрела с балкона на пустые, ещё не проснувшиеся улицы, лишь редкие машины и одинокие прохожие нарушали гармонию спокойно спавшего города на окраине земного шара. Мария подняла глаза от тротуара на верхушки деревьев, которые прятали за собой купола Покровского со-

бора. Этот пейзаж напомнил ей о студенте Диме Кошкине. Его причудливой скромности и застенчивости, с которой он провожал её до дома. Она вспомнила, как он забавно пытался ей понравиться и рассказать о тех книгах, которые успел прочесть за жизнь. Мария затушила до середины сигарету в пепельнице и поспешила вернуться в тёплую комнату, так как на улице было довольно прохладно. Она вернулась в комнату и увидела, что постель, в которой спал муж, пуста. Мария появилась на кухне, когда Юрий наливал в кружку кипяток. Комната наполнилась ароматным запахом кофе. Юрий сделал глоток, однако сразу после этого поставил кружку на стол, кофе был обжигающе горячим.

Привет, – сказала ему Мария.

Доброе утро, – безучастно ответил Юрий.

Казалось, на кухне стало холодней, чем на улице. Они прятали друг от друга взгляды. И так продолжалось уже давно. Это были не муж и жена, а скорее вынужденные соседи, которые, ко всему прочему, и не особо нравились друг другу. Но Мария, по какой-то причине, даже у себя в голове не решалась признать, что этот брак неудачный. И даже переживала, не рождаются ли такие мысли у супруга. Их ссоры никогда не были тихими. Они ругались, крича и бранясь друг на друга так, будто были не мужем и женой, а заклятыми врагами. Вчерашний день также закончился ссорой.

Юрий помолчал и ушёл в комнату. Холод в квартире нагонял на Марию грусть. Отношения между супругами сей-

час напоминали натянутую тетиву, которая вот-вот лопнет, и начнётся очередная ссора. Сейчас ей нужно было бежать из квартиры. Придумав отмазку, что она якобы забыла какие-то свои вещи у коллеги с кафедры, Мария собралась и покинула свою тихую квартиру.

Она вышла на улицу и пошла прочь от дома. Мария не знала, куда идти, а потому просто брела вперёд, не разбирая дороги. Тёплые лучи мартовского солнца приятно падали ей на лицо. Улицы города заметно оживились, машины и люди носились во все стороны, погружённые в свои, только им известные дела, и лишь Мария беззаботно проходила мимо людей, не имея никакой цели и никаких важных и неотложных дел. Она спустилась к центральной площади, где грелся памятник «Борцам революции», и повернула в сторону набережной. Подул лёгкий ветер со стороны моря. Она вдыхала солёный воздух, в голове крутились нерадостные мысли. Мария думала о своём браке, о том, что с каждым днём она всё больше и больше ассоциировала его с тяжёлым бременем. Набережную одолевал более сильный ветер, чем в центре города. Морские волны набирали силы и со всей мощи накатывались на равнодушный берег. С тяжёлыми мыслями проходила она мимо счастливых семей и одиноких прохожих, мимо шумных подростков и медленных тихих стариков, пока, наконец, не минула всю набережную вдоль моря. И когда она уже собиралось повернуть обратно, взгляд её остановился на парне, одиноко сидевший на бледно-розовой ла-

вочке. Она не видела его лица, но не могла не обратить внимания на эту знакомую ей парку зелёного цвета. Сердце забилось чаще, из головы мгновенно пропали тяжёлые мысли о проблемном браке. На этой одинокой лавочке сидел тот, кого в эту секунду она тайно хотела увидеть больше всего. Дмитрий Кошкин курил и смотрел куда-то за горизонт, из-под чёрной шапки вниз спускались тонкие провода наушников. Она подошла ближе. Его глаза были полузакрыты, можно было подумать, что он и вовсе заснул, глядя на то, как пенится море. Её тень упала ему на лицо, и только в этот момент он заметил Марию.

Вы меня преследуете, – улыбнулся он, вытаскивая из ушей наушники.

Кто бы говорил, Дима, – ответила она на его улыбку. – Стоит мне ненакрашенной на улицу выйти, как я на вас натываюсь.

Можете не волноваться, – ответил он. – Вы мне и ненакрашенная нравитесь.

В этот момент он повернулся к ней так, что она отчётливо заметила огромный порез на его щеке.

Что вы тут делаете?

Гуляю.

Один?

Вы тоже, смотрю, без компании, – он выкинул сигарету в урну.

Вы наблюдательны.

Можете погулять со мной, – сказал Кошкин. – И тогда мы оба не будем такими одинокими.

Мария села рядом с ним и заглянула ему в глаза.

Кто вас так покромсал? – спросила она, обращая внимание на порез.

Да так, – отмахнулся он. – Вчера погулял от души.

А почему сегодня вы один?

Хотел побыть в тишине. Знаете, у меня вышли весьма богатые на события выходные, – ответил он. – А вы почему одна? С мужем гулять не ходите?

Стало быть, не хожу, – сказала она почти шёпотом. – А вы зря тогда ушли с консультации. Я думала, вы останетесь поговорить со мной о чём-нибудь.

Я хотел, – признался Кошкин. – Но вы же видели, что там дело и так затягивалось, а консультация всего полтора часа идёт.

Ну, я была бы не против немного задержаться там, чтобы с вами посидеть.

Правда? – удивился Кошкин. – Вот чёрт. И правда, надо было задержаться.

Не расстраивайтесь, – улыбнулась она. – Будут ещё консультации.

А, может быть, нам... – начал он, но запнулся.

Что?

Может быть, нам... просто находить время, чтобы разговаривать? Ну, может, у вас будет находиться лишний часик?

Кошкин особо не надеялся, что она ответит ему «да». Он сказал это просто так и попытался придать своему голосу шуточный тон. Но Мария неожиданно сказала:

Давайте, я не против, – как будто только и ждала этого предложения.

Как хорошо, – обрадовался он, сердце в груди забилось так, будто она только что согласилось пойти с ним на свидание. – А когда у вас бывает свободное время?

Можно в любой день, кроме тех, когда есть консультации.

Отлично! Тогда может быть, завтра после нашей пары?

Давайте, – ответила она, улыбаясь обветренными губами. – Мне с вами интересно общаться.

А мне с вами, – Кошкин ликовал.

И в очередной раз их прервал звонок мобильного телефона. Мария вытащила его из кармана и какое-то время не решалась ответить.

Да, – наконец ответила она на звонок. – Скоро приду... да... приду... пока, – холодно проговорила она.

Муж потерял? – с натянутой улыбкой спросил Кошкин.

Да, – ответила она. – Мне домой нужно идти.

Можно, я с вами пройду? Я всё равно домой собирался.

Разве что чуть-чуть, – сказала она. – Меня муж должен встретить. Или вы хотите совсем меня скомпрометировать?

Я буду рад и «чуть – чуть», – продолжая улыбаться, сказал он.

Вместе они пошли обратно по набережной. Людей стало

значительно больше, несмотря на то, что солнце, дарившее надежду на то, что все холода остались позади, предательски спряталось за серые тучи.

Кошкин посмотрел в глаза Марии, в эти прекрасные голубые глаза. В тот момент ему казалось, что он готов выдержать любые испытания, лишь бы иметь возможность каждый день видеть этот взгляд и эту улыбку. И тогда он почувствовал непреодолимое желание обнять её, прижать как можно сильнее к своей груди и больше никогда в жизни не отпустить.

А о чём мы будем разговаривать на наших встречах? – спросила она.

Не знаю. О книгах. Вы мне так «Солярис» и не принесли. И «Воскресенье» обещали!

Ой! Я совсем об этом забыла! – возбуждённо закричала она. – Я вам обязательно принесу! Вы только скажите с чего именно хотите начать?

Тащите всё, а там разберусь! – улыбнулся Кошкин.

Но если вы посмеете не готовиться к моим занятиям, то я закрою наш литературный клуб и больше не буду с вами разговаривать, – игриво ответила она.

Кошкин был на седьмом небе от счастья. Он чувствовал, что ему вообще больше никто во всём мире не нужен, кроме этого очаровательного цветка, который согласился с ним разговаривать о книжках.

А что вы ещё читали, расскажите? – спросила Мария.

Что? – не расслышал Кошкин. – А вы читали Голдинга? «Повелитель мух».

Я читала, – обрадовалась она. – И как вам?

Знаете, весьма жутко, но мне очень нравится. Думаю, что всё именно так, как там показано.

Что именно?

Люди, – ответил он. – Не будь у нас сдерживающего фактора – типа закона, то мы бы друг друга сожрали. И тут не помогла бы ни религия, ни какая-нибудь философия.

Опять вы за свою мизантропию, Дима!

Это не я, а Голдинг.

Они не спеша пошли в сторону дома Марии. Набережная осталась позади. Какое-то время они ещё были вместе, пока Мария не сказала, что им пора проститься. И как бы ей самой не хотелось побыть с ним ещё какое-то время, но Юрий должен был встретить её уже через несколько минут. Они попрощались, напомнив друг другу ещё раз о том, что завтра у них намечена встреча после занятий.

Глава 10

Мария сидела напротив него за учительским столом. Её ножки, накинутые одна на другую, выглядывали из-за стола, всё время отвлекая внимание Кошкина. На ней была наде-та белая блузка и чёрная, короткая юбка. Она смотрела на него счастливыми глазами, моргая длинными, чёрными рес-ницами. Кошкин робел, как школьник на первом свидании, запинаясь и пытаясь произвести впечатление умного и начи-танного собеседника. Кроме того, каждую секунду он боял-ся показаться ей маленьким и наивным подростком. Он ста-рался быть серьёзным и одновременно необычайно весёлым. Старался больше шутить, зачастую весьма глупо, но Марии это нравилось. Она смеялась над его шутками и периоди-чески сама отпускала весьма удачные и смешные комментарии. Несколько раз Кошкин замечал в её лице смущение и пони-мал, что она робеет не меньше его самого. Дмитрий ловил каждое её слово, каждый взгляд и каждую улыбку.

За понедельник последовали другие рабочие сутки, Мария и Дмитрий стали видеться практически каждый день, кроме выходных. Кошкин узнал её номер телефона и зво-нил ей каждый раз, когда у него не было какой-нибудь пары, чтобы узнать есть ли у неё время увидеться с ним. Он неиз-менно провожал её до дома после занятий, а как только они расставались, писал ей сообщения на телефон, и начиналась

их продолжительная переписка, где, не видя глаз друг друга, они могли позволить себе быть гораздо смелее в своих отношениях. Они узнали друг о друге много нового, с каждой минутой понимая, что у них гораздо больше общих интересов, чем они могли подумать раньше. Мария была умна, она читала те же книги, какие читал Кошкин, они обсуждали фильмы и людей. В основном, глупых людей. Смеялись над чрезмерно брутальными парнями, и пафосными девушками. Иногда даже сплетничали на счёт Диминых одноклассников или коллег по кафедре Марии. Смеялись над человеческим себялюбием.

Вы дочитали «Солярис»? – спросила она, когда в очередной весенний день, они сидели в кабинете после занятий.

Кошкин всё свободное время бросал на выполнения заданий по английскому, дабы не расстраивать Марию. А также старался как можно быстрее прочитать те книги, что она ему давала, и посмотреть те фильмы, что она ему советовала. Всё это ради того, чтобы у них не иссякали темы для разговоров.

Почти, Мария Антоновна, – ответил Кошкин. – Думаю, вам завтра уже верну книгу.

И как вам книга? Нравится?

Знаете, как оно бывает, когда книга попадает к вам в руки именно в тот момент жизни, когда она вам так необходима?

Так я угадала с настроением? – засияла она.

Да! – засиял он. – Я недавно общался с нашим преподавателем по истории. Мы говорили о Боге и всё такое. А ко-

гда читал «Солярис», я понял, что представляю Бога чем-то вроде этой планеты, полностью покрытой водой. Ну, может быть не именно планетой, но чем-то необычным и странным. Какой-то силой или энергией... Я никогда не понимал, почему люди наделяют Бога человеческими свойствами. Почему Бог гневается или почему его нельзя упоминать всуе? Почему ему так надо, чтобы его любили и верили в него? Он что, пятнадцатилетний подросток?

Вот вы смеётесь над ним, Дима, – улыбнулась Мария, – а вдруг он такой и есть?

Тогда пусть к психологу ходит, – засмеялся Кошкин. – Просто, если всё так, то я не могу повесить на него ярлык «всевышний». Ведь в таком случае он ничем не отличается от меня.

А вы думаете, отчего всё это?

Я не знаю, а вы как считаете?

Возможно, это из-за одиночества? – она подняла бровки высоко над глазами. – Я имею в виду общечеловеческое одиночество как вида. Вы никогда не задумывались об этом?

Это как?

Человек всегда боится одиночества. И часто ради того, чтобы не остаться одному, люди готовы пожертвовать чем угодно, даже собственной личностью. Ведь мысль о том, что ты рождаешься и умираешь один, для нас просто пугающая и невыносимая. Но ведь точно такой же страх одиночества распространяется и на всё человечество в целом.

Вы имеете в виду эту мысль о том, что мы не ищем жизнь на других планетах, а ищем там своё отражение?

Возможно, поэтому человеку интересней рваться в космос, чем изучать самих себя. И нам хочется верить, что Бог, если он существует, мыслит так же, как и мы. Значит, мы уже не одиноки. Значит, так он сможет объяснить нам в чём смысл жизни, – она помолчала несколько секунд. – Или вспомните любой из этих фильмов про пришельцев из космоса. Ведь как все эти инопланетяне похоже на нас с вами? Руки, ноги, оружие, города, правители. У них почти всегда всё очень похоже на людей. А почему это так?

Почему же?

Да потому что эти инопланетяне и есть люди. Мы придумали сотни собственных отражений, чтобы хоть чуточку не чувствовать себя такими одинокими на крохотной лодочке «Земля», в огромном холодном океане космоса. Да вы сами вспомните, как все эти пришельцы поступают с нами в фильмах. Они вторгаются, грабят, захватывают, убивают. Всё одинаково, как мы поступаем с более слабыми.

И найди мы на других планетах цивилизацию слабее нашей, мы бы поступили именно так, – заключил Кошкин.

Летели дни. Холодный март сменился солнечным апрелем, город просыпался после долгой зимы, на улицах больше не валялись унылые сугробы грязного снега, их заменили зелёная трава, лужи и мусор. Деревья покрывались зеленью, люди сбрасывали тяжёлые, толстые куртки и с ещё боль-

шим нетерпением начинали ждать лето. Дмитрий и Мария стали друг для друга самыми близкими людьми всего лишь за несколько недель. Весь их быт заключался в том, чтобы встретиться ещё раз и провести как можно больше времени вместе. Мария расцветала при виде молодого студента, и ещё больше расстраивалась, когда приходило время идти домой. Она незаметно от мужа таскала с книжных полок новые и новые романы для своего нового друга. А также каждый раз волновалась, когда Дмитрий провожал её до дома, боясь быть застигнутой мужем. А сам Кошкин совершенно не боялся никаких мужей, ведь все его мысли заполняла Мария. Он чувствовал запах её духов, даже когда её не было рядом, видел её лицо каждый раз, когда закрывал глаза. И даже нечто в тёмных углах его квартиры потеряло былую мощь. Кошкин больше не боялся засыпать в темноте, ведь с ним всегда была его Мария – в мыслях и во снах.

Знаете, Дима, – говорила она, улыбаясь своей прекрасной улыбкой. – По поводу того, что вы сказали. Якобы люди в наше время стали слишком самовлюблёнными...

Вот именно! – перебивал её Кошкин. – Вы вообще видели, что твориться в соцсетях? Господи, меня блевать тянет, когда я вижу, как они постят свои чёртовы рожи по десть раз на дню. Да им вообще в этом мире ничего неинтересно, кроме самих себя.

Ну, так я всё же скажу, – настойчивей проговорила она. – Я думаю, что вовсе люди не изменились в наше время. И во-

все соцсети не порождает себялюбие. Просто они дают площадку, где его можно выпячивать на всеобщее обозрение. Мне кажется, соцсети стали новым божеством для людей. Они позволяют людям не думать о том, какие же все они одинокие. Создают иллюзию, что их жизнь кому-то интересна. Что кому-то интересно просматривать их одинаковые селфи каждый день. Что кому-то интересно, что они там пишут в новом посте. Но на самом деле в глубине души все люди осознают, что на их жизнь по большей части всем наплевать. Никто не интересуется их жизнью, никто не читает их посты, и все они знают, что им лайки ставят просто так, по дружбе. Поэтому, они не заливают свои видео и фотографии для кого-то конкретно. Они заливают их для какого-то «Бога», которому обязательно нужно скидывать фотоотчёт за каждый прожитый день.

Про фотоотчёт Богу мне понравилось, – рассмеялся Кошкин.

Да про их день рождения вспоминают только потому, что они сами сообщают об этом всему миру. И поздравляют их только потому, что так положено по правилам.

За разговорами в старых, пыльных кабинетах пролетала весна.

«До свидания, Дима. Мне пора провести какое-то время с мужем», – писала Мария Кошкину поздно вечером, после долгой переписки. В те моменты неосозанная, но необычайно острая игла вонзалась в его сердце так, что подолгу Кош-

кин ворочался в тёплой постели, не находя ни покоя, ни сна. Жизнь Кошкина замкнулась на Марии. Он засыпал и просыпался с мыслями о ней. Улыбался про себя, отмечая, что она всегда ходит с распущенными волосами после того, как он сказал, что ей так больше идёт. Каждый день он считал часы до встречи с ней, а после свидания скорей набирал сообщение, каждый раз боясь показаться ей слишком навязчивым.

В один из дней у группы Кошкина должно было быть занятие по английскому языку. Но вся группа, кроме Кошкина сбежала домой, а Дмитрий был рад лишней возможности встретиться с Марией наедине.

Кошкин перестал видаться с друзьями. Дёмина он не видел с того самого инцидента у Толяна. За месяц лишь пару раз встречался с Эдиком Шеином и от него узнал, что Дёмин с тех пор из дому выходит лишь изредка в магазин. Шеин виделся с ним раз в неделю, но и то всего на пару минут, выкурить сигарету на лестничной клетке. По его словам, Дёмин вёл себя странно. Разговаривал с ним, будто тот с другой планеты. Нёс какую-то чушь про сновидения и, вроде как, про космос.

Дмитрий Кошкин, как и раньше, старался посещать дом отца. Он видел, как тот чахнет день ото дня. Его грязные, серые от седины волосы всё время были взъерошены и неопрятно падали на блестящий от пота лоб. Из под бровей на сына глядели усталые и всегда пьяные глаза. Алексей Алексеевич стал пить ещё больше, чем раньше. Порой

Дмитрий заставал его уже спящим на своём диване. Тогда Дмитрий шупал потёртые джинсы отца, доставал необходимую ему сумму денег и уходил прочь из этой страшной квартиры, тишину в которой нарушал лишь частый, пьяный храп Алексея Алексеевича. Но сам Кошкин был далёк от всей этой жизни. Все мысли заняла прекрасная Мария. Дмитрий больше не пропускал занятия, ведь каждый день в университете можно было встретить её, а она каждый раз была рада видеть его. Их общение становилось всё более свободным. Он делился с ней всем, что проходило в его жизни, всеми новостями и всеми мыслями, кроме самых сокровенных, касающихся её самой. Кошкин не стеснялся подшучивать над ней. В такие моменты она пыталась сдерживать улыбку, что не очень у неё получалось. Он знал, что нравится ей. Он чувствовал это, но не знал, как ему поступить дальше. Целыми днями он рассуждал о том, любит ли она мужа или нет, и неизменно приходил к мысли, что не любит. Муж точно не знал об их отношениях, но, скорее всего, она и сама не понимала, что делает. Кошкин хотел увидеться с ней вне стен университета, но был уверен, что она ни за что не согласится с ним куда-нибудь пойти. Ведь это пересечение черты, и пока они общаются в университете, легко всё списать на обычные отношения студента и преподавателя. Он думал, как ему поступить дальше, и решил для начала предложить ей перейти на «ты».

Нет, Дима! Так нельзя. Ещё чего?! Это ещё зачем? – ма-

хала она головой на его предложение.

Ну, мы же с вами тут почти по-дружески общаемся, – улыбался Кошкин. – Так почему бы нам не перейти на «ты»?

Потому! – сопротивлялась она. – Я ваша преподавательница! Ещё чего, начну вас на занятиях случайно на «ты» называть. Или вы меня.

Не начнём! – не отступал Кошкин. – Нам просто нужно будет немножко к этому привыкнуть. Ничего же не измениться, если мы поменяем «вы» на «ты»! – лгал он. Он знал, что это, казалось бы небольшое изменение в их речи, сделает их гораздо ближе друг к другу, а она больше всего боялась этой близости. Ко всему прочему он понимал, что корень её отказа кроется не в их отношениях преподавателя и студента, а по причине её замужества. И это для него было сигналом, что он на правильном пути.

Зачем вам это нужно?

Просто так! – отвечал он. – Так нам будет удобней общаться.

Нет, не просто так! И вовсе не удобней! – протестовала Мария. – Это нам сейчас привыкать друг друга на «ты» ещё называть!

Мария так и не согласилась на его предложение. Кошкин перестал её упрашивать после её угрозы обидеться на него. В тот день его одолевали спорные чувства: стыд с одной, и гнев с другой стороны. Вечером он не писал ей сообщения, и день его не заканчивался на ненавистной фразе «мне нуж-

но быть с мужем». Кошкин смотрел на белый потолок своей квартиры. «Что она думает? Зачем я ей нужен? – грызли его мысли. – Она же видит к чему всё это идёт! И если она любит мужа, то давно бы уже отшила меня! Нет, она даже не дала бы мне малейшего шанса с ней так разговаривать». Он не мог уснуть несколько часов. Сигареты одна за другой тлели в его пальцах, оседали на его лёгких и мялись в переполненной пепельнице. Ко всему прочему, опять вернулись ночные страхи. Несколько раз он открывал глаза, чувствуя на себе чей-то взгляд, боясь обнаружить посреди комнаты нечто ужасное. «А что, если оно там действительно есть? И увидев это, ты просто сойдёшь с ума», – вспоминал он слова Дёмина. «Да я и так, видимо, сумасшедший», – мысленно отвечал он воображаемому другу. Дмитрий посмотрел вдаль комнаты, его глаза совсем привыкли к темноте. Он устремил свой взор в коридор, в котором творилась кромешная тьма, и представил, как нечто ужасное смотрит на него из этого тёмного угла. «Если ты не убил меня раньше, то почему же должен сделать это именно сегодня?», – мысленно обратился Кошкин к этому «существу». Успокоив себя этим, в четвёртом часу утра он всё-таки смог увидеть сон.

Что-то изменилось в их отношениях. Кошкин видел этот иной взгляд Марии. Она всё понимала. Она знала, что происходит и к чему это может привести, но, кажется, вовсе не собиралась останавливаться. Она не могла остановиться. Казалось, перед ней образовалась пропасть, через которую

проложен старый и очень ветхий мостик. И нужно выбрать: остаться на этой безопасной стороне или же всё-таки попробовать вступить на мостик, рискуя провалиться под шатким дощечками. И, вроде, всё её нутро кричит: «Ты должна остаться тут!», но как же интересно, что ждёт её по ту сторону. И вот Мария закрыла глаза и наощупь идёт по шаткому мостику, каждый шаг даётся ей с таким трудом, а потому она каждый раз останавливается и думает: а не лучше ли мне вернуться обратно. Но вопреки своим мыслям продолжает делать робкие шаги вперёд.

Я вижу с вами чаще, чем с мужем, – шутила она.

А шутила ли? Дома она стала замкнутой. Скандалы с мужем сошли на нет, ведь они почти не разговаривали. Она не выпускала телефона из рук и стала стирать все сообщения Кошкина. Но Мария ничего не могла с собой поделать, ей хотелось быть рядом с ним. Каждый день она думала о Кошкине. И каково было её удивление, когда она почувствовала непреодолимое желание поцеловать его. Это началось в мае, на улице было очень жарко. Дмитрий сидел рядом с ней, так близко, что если чуть-чуть протянет руки, сможет взять её в свои объятия. И целовать! Он сможет её целовать! Она хочет этого, но он, глупый, продолжает шутить и что-то ей рассказывать.

Ночь. Мария проснулась, но сон сопротивлялся и всё ещё не хотел отпускать её. Она почувствовала, что кто-то обнял её за талию сзади. Тёплое, спокойное дыхание. «Дима», –

подумала она. Он прижал её к себе. «Дима, поцелуй меня», – продолжала думать Мария. Она повернулась и увидела мужа. Юрий спокойно спал, прижав её к себе. Мария закрыла глаза и тихо заплакала, стараясь не разбудить его.

Кошкин ждал Марию в аудитории. Она должна была подойти с минуты на минуту. Было душно, пахло какой-то сыростью. Дмитрий открыл окно, чтобы проветрить кабинет. На улице стояла прекрасная погода. Владивосток готовился встречать лето. Весь город накрыло зелёным покрывалом, и даже люди на улице казались как будто счастливыми. Этот день был необычайно важен для Кошкина. Сегодня многое должно было проясниться, а вернее говоря всё. Марии не было уже около десяти минут, и он невольно стал прислушиваться к редким шагам за дверью, пытаясь понять идёт она или кто-то играет с ним злую шутку, тревожа его и так натянутые до предела нервы. Он держался обеими руками за капюшон своей чёрной кофты. Секундная стрелка медленно совершала свой бесконечный бег по кругу. А Кошкин ждал, и каждая секунда ожидания всё больше и больше убавляла его уверенность. Вдруг опять шаги за дверью. Он слышал их. Это каблуки! Определённо каблуки. Шаги становились всё громче и громче, пока внезапно не оборвались прямо возле аудитории. Дверь дёрнули на себя, раздался непри-

ятный скрип. Мария вошла в кабинет, одной рукой держась за дверь, а в другой Кошкин разглядел кружку с чёрным кофе. На Марии была надета красная блузка и короткая чёрная юбка, на её милых ножках красовались прекрасные туфли под цвет блузки. Волосы были, как всегда, распущены, и красиво лежали, прикрывая её лицо. Она моргала своими длинными ресницами, спрятанными за тенью и тушью, на губах блестела алая помада. Мария всегда старалась выглядеть как можно прекрасней в глазах Дмитрия, и у неё это очень даже получалось. Сердце Кошкина бешено забилося, во рту пересохло. Он не мог решиться сказать ей.

Мария Антоновна, – проговорил он, наконец, пытаюсь взять себя в руки.

Да, Дима, – улыбнулась она.

Мария Антоновна, – повторил он, – может быть, мы сегодня не будем сидеть в этом грязном и душном кабинете?

А где же нам тогда сидеть?

Вы не хотите сходить со мной... – он запнулся, – сходить в кафе?

И в этот момент он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Конечно, нет, – только и сказала она, продолжая улыбаться как ни в чём ни бывало.

В один момент весь внутренний мир Кошкина сгорел дотла. Она сказала «нет». Нет! Она даже ни на секунду не задумалась над его словами! Как же так?

Почему? – сказал он, пытаясь изобразить на лице невозмутимый вид.

Нечего нам в кафе делать! – она поставила горячую кружку на учительский стол.

Ну, мы... – растерялся он. – Какая разница, общаться нам здесь или, в каком-нибудь более уютном заведении?

Действительно, разницы нет, – сказала она. – Поэтому мы и останемся здесь.

Кошкин молчал, пытаясь собрать мысли.

А что вы думали я отвечу? – спросила она. – Да, Дима, конечно, пойдёмте в кафе! Это же самое обычное дело! Все замужние преподавательницы ходят со своими студентами по кафешкам!

Ясно, – сказал он почти шёпотом.

Что? – добивала она его. – Садитесь, будем разговаривать. Или вы больше не хотите со мной разговаривать?

Он пытался собрать свои мысли.

Вы правы, Мария Антоновна, – сказал он наконец. – Не хочу. Увидимся в другой раз.

Отлично, – сказала она раздражённо.

Кошкин мешкал. Затем обошёл парту и направился в сторону выхода. Мария изменилась в лице. Маска раздражения спала, и на место неё явилось отчаяние. Он уходит! Она опустила стеклянные глаза, теперь за пышными ресницами их и вовсе невозможно было разглядеть.

И вдруг он остановился.

Мария Антоновна, – Кошкин повернулся к ней, на лице не было и следа оскорбления. Он улыбался, как будто они уже несколько часов весело проводят время. – Гляньте на улицу! Какая хорошая погода! Почти лето! Пойдёмте гулять!

Гулять? – удивилась она.

Конечно! Зачем нам тут сидеть? – продолжал он. – Ну, так пойдём?

Мария не знала, как ей быть. Она не может с ним пойти, ведь это неправильно, но не может же она ему отказать, ведь тогда он точно уйдёт. И быть может, больше никогда не захочет с ней видеться. Отчаяние сдавило ей горло. Сама не понимая этого, она сделала ещё один робкий шаг на другую сторону по шаткому мосту.

Давайте... – тихо прошептала она. – А куда мы пойдём гулять?

А какая разница? Пойдёмте, кофе выпьем! Я знаю, тут недалеко делают хороший кофе!

Мне только на кафедру зайти нужно, – она посмотрела ему в глаза. – Хорошо, Дима?

А что там?

Зонтик нужно забрать.

Зонтик? Вы погоду видели? Там же пекло настоящее! – смеялся Кошкин.

На вечер обещали дождь, – не отступала она. – Вы же знаете нашу погоду.

Всё, что вы пожелаете, Мария Антоновна.

Они вышли из учебного корпуса. Погода действительно была странная. Яркое солнце сочеталось с предательски холодным ветром. Небо было чистое, однако его синеву вот-вот грозились испортить серо-чёрные тучи, шедшие с востока. Дмитрий и Мария шли по тротуару вдоль дороги. Цоканье её каблуков эхом раздавалось по полупустой улице. Кошкин запустил обе руки в карманы кофты и пытался всеми силами скрыть смущение. Но он был необычайно рад. Значит, ничего ещё не закончилось!

Стесняясь друг друга, они минули железнодорожный вокзал и направились к центру города.

Вы очень маленькая, Мария Антоновна, – сказал он.

Что? – засмущалась она.

Вы очень маленькая, – улыбнулся он. – Серьёзно! Вы сейчас на каблуках, а всё равно на полголовы меня ниже.

Ну, теперь вы всё время будете хвастаться, что выше меня, – она робко улыбнулась.

Не волнуйтесь, – сказал он почти серьёзно. – Я и раньше видел, какая вы маленькая. Ещё тогда, когда на вашу пару опоздал. Но ведь я не хвастался.

Мария улыбнулась, глядя ему в глаза:

Ну, слава богу! – сказала она, – Вам, наверное, не нравится, что я такая маленькая?

Это ещё почему? – удивился он. – Мне нравятся маленькие девушки! Вот такие маленькие, как вы, Мария Антоновна.

Это хорошо, – улыбнулась она.

Они вышли к центру города и шли мимо низких старинных домов. Кошкин любил эту часть города. Это место не было похоже на те трущобы, где он с самого детства обитал со своими друзьями. В глубине души Кошкин радовался, что теперь живёт далеко от той улицы, где вырос. Ведь такие места затягивают, и если не выберешься оттуда как можно раньше, то, возможно, останешься там навсегда. Большинство его старых знакомых либо снаркотанилось, либо сидят в тюрьме, либо сошли с ума. А он в какой-то момент просто прыгнул в автобус и умчался оттуда в другую жизнь. И лишь изредка возвращался в родимые края, чтобы снова взглянуть на своё прошлое.

Молодые люди! Прошу меня великодушно извинить, но не найдётся ли у вас сигаретки для ветерана чеченской войны? – хриплый и пропитый голос принадлежал высокому и смуглому человеку. На нём был потёртый старый пиджак и нелепые широкие брюки, цвет обуви было невозможно разоб- рать из-за грязи, комками свисающей с носков туфель. Лицо было испачкано в чём-то чёрном, а на щеке зиял огромный, мерзкий шрам.

Да... конечно, – растеряно сказал Кошкин и полез в карман за пачкой сигарет.

Спасибо, молодые люди. Я вам премного благодарен! А зажигалки у вас не найдётся? – его язык заплетался, а изо рта сильно несло перегаром.

Да, держите, – Кошкин раздражённо протянул сигарету и прозрачно-зелёную зажигалку.

Вот спасибо! – протянул человек, с наслаждением затягиваясь горьким дымом. – Я извиняюсь, что отвлёл вас...

Ничего страшного, – перебила его Мария.

Я обычно так к людям не подхожу, просто сами понимаете! Вышел на улицу, хлоп-хлоп по карманам, а ни огня, ни папироски...

Рады были помочь, – ответил Кошкин, и хотел было идти, но высокий человек продолжал говорить

А вы сами понимаете, такая жизнь, как тут не закуришь? Верно, говорю, парень?

Верно.

В армии служил?

Нет! Всего доброго.

Они почти бегом минули надоедливого человека и направились к невысокому кирпичному зданию в метрах пятнадцати от них. Мария неуклюже бежала на каблуках. Внезапно ей стало так хорошо рядом с ним. Её больше не смущала его компания, и хотелось, чтобы эта небольшая прогулка продолжалась как можно дольше. Спроси он её сейчас, и она бы, ни секунды не мешкая, согласилась идти и в кафе, и куда он только захочет.

Дима, вы умеете развлекать девушку, – смеялась она.

Я не виноват, Мария Антоновна! – оправдывался он. – Самы понимаете, он вышел на улицу и хлоп-хлоп по карманам,

а ни огня, ни папироски.

Ну да! – продолжала смеяться она. – А вы сами понимаете, такая жизнь, как тут не закуришь?

Верно говорите, – Кошкин посмотрел в её голубые глаза.

В армии служили хоть? – сказала она и до ушей Дмитрия донеслись звонкие нотки её волшебного смеха.

Они зашли в кирпичное здание. Справа от входа находился кофейный бар. Мария и Дмитрий взяли себе по стаканчику капучино и какое-то время стояли у бара, шумно обсуждая встречу с этим нелепым человеком. Затем решили выйти на улицу.

Главное, если видим человека в пиджаке, собирающегося рассказать нам о тяжёлой жизни, сразу бежим! – сказала Мария.

Вам на каблуках будет ужасно неудобно, но мы попробуем!

Они вышли на улицу, и внезапный порыв ветра выбил кофейный стаканчик из рук Кошкина, всё оставшееся кофе выплеснулось на его чёрную кофту. Мария снова рассмеялась.

Дима, нам всё-таки следовало оставаться в кабинете!

Просто надо было соглашаться идти со мной в кафе, – смеясь, ответил Кошкин.

Солнечная погода сошла на нет. Сначала небо полностью затянули серые тучи, а после и вовсе полил настоящий ливень. Люди ускорили шаг, стараясь быстрее спрятаться от дождя. Мария дала Кошкину зонтик, и они пошли дальше,

прижавшись друг к другу. Дмитрий чувствовал её нежную руку, совсем рядом со своей. Их лица, их глаза, их губы были так близко друг к другу.

Они оставили центр города позади и шли по почти пустым улицам в сторону Покровского парка. Несмотря на все старания Кошкина, Мария почти вся промокла под дождём. Он посмотрел на неё. Тушь потекла, и от того её глаза казались больше и темнее.

Боже, я, наверное, похожа сейчас на панду! – сказала она.

Вы самая красивая панда, которую мне довелось встретить! – засмеялся Кошкин.

Они остановились.

Туда нам нельзя! – сказала она робко.

Почему?

Там мой дом... – продолжала она тихо. – А значит, где-то может быть и муж...

Ах, муж... – прошептал Кошкин. – Давайте обойдём и расстанемся у парка.

Хорошо, – ответила Мария.

Они пошли в обход. Мария обеспокоенно вертела головой взад и вперёд, выискивая угрозы отовсюду. Кошкин старался изображать внешнее спокойствие.

Зря вы в кафе не согласились идти, – сказал он.

Вы меня очень сильно удивили, Дима, – ответила она. – Заранее предупредили бы, и я бы подумала.

Так подумайте сейчас! – воскликнул Кошкин. – Я вас зову

в кафе. Давайте через неделю!

Ну, неделю я думать буду! – сказала Мария. – А почему вы хотите со мной пойти в кафе? – задавала она глупые вопросы, ответы на которые и так давно уже знала.

Просто так. Нам весело вместе! И почему бы не провести хорошо время?

Вы же знаете, что у меня есть муж, Дима? – посмотрела она на него.

Конечно, знаю, – улыбнулся он. – Мы сейчас от него прячемся.

И чего же вы добиваетесь?

Того, чего вы мне позволяете добиваться!

Что?

Вы и сами знаете. И вообще, будь я, например, женат, то я... – он замолчал, понимая, что может сболтнуть лишнего.

Что бы вы? – спросила она. – Что было бы, если бы вы были женаты?

Ничего, – отмахнулся Кошкин. – Вылетело из головы! – он засмутился. «Будь я женат, то я бы никогда не стал с вами так общаться», – вертелось у него в голове.

Скажите мне! Или я обижусь на вас!

Вот пойдёте со мной в кафе, и я вам всё расскажу!

Ну конечно! Решили меня любопытством взять!

Так вы пойдёте?

У меня есть неделя, чтобы подумать! – ответила Мария.

Они дошли до Покровского парка, где обычно прощались,

когда Кошкин провожал её до дома. Мария стояла напротив него, прячась под зонтом от холодных капель весеннего дождя. Кошкин чувствовал холод её промокшей одежды и смотрел ей прямо в глаза. И снова их губы так близки друг к другу.

Мария Антоновна, у вас такие длинные ресницы! – сказал Кошкин. – А я раньше и не замечал, пока вас вблизи не рассмотрел!

«Целуй её», – вертелось у него в голове...

До свидания, Дима, – сказала она полушёпотом и опустила глаза.

До свидания, Мария Антоновна.

Она ушла. Кошкин остался один, на пустой улице, весь промокший под дождём. Мимо проезжали редкие машины, поливая тротуары водопадом из луж. Кошкин хотел закурить, но все сигареты промокли в кармане его старых джинс. Дмитрий одиноко побрёл к автобусной остановке.

Глава 11

Дни недели медленно сменяли друг друга. Дмитрий и Мария стали видеться реже: не считая занятий, они смогли лишь пару часов провести вместе в среду, а так же Кошкин дважды провожал её до дома. В их отношениях наступило продолжительное затишье. Они не уставали играть свои приевшиеся роли, хоть и понимали, что уже давно раскусили друг друга. Забавно было Дмитрию ловить взгляд Марии. Эти глаза говорили гораздо больше, чем слова, которые она произносила. Они существовали отдельно от своих робких хозяев, в их отношениях уже давно исчезли все пределы. Их взгляды не просто пересекли черту, но уже обожали, уже любили и сжимали в объятиях друг друга. Пока их губы говорили кучу лишних, ненужных и смешных слов, их глаза упали в страстном поцелуе.

Закончились рабочие дни. С тех пор как Кошкин встретил Марию в тот день на набережной, он возненавидел выходные. Серые и безынтересные, они казались ему необычайно тоскливыми без её голоса и смеха. Бывало, что он сутками не выходил из дома, оставаясь в четырёх стенах один на один со своим одиночеством. Его больше не привлекали шумные компании, и не было дело до друзей с их бесконечным пойлом и отравой.

Серые тучи прятали солнце, пуская слёзы на мокрый ас-

фальт. Сегодня он поехал к отцу. Автобус был почти пустой, Кошкин сел за последнее сидение и лбом уткнулся в холодное, запотевшее окно. Через три сидения от него спал бомж, пуская слюни на свою седую, а у губ жёлтую от никотина бороду. Пахло водкой и потом. Впереди, рядом с сидением водителя стояли две школьницы младших классов, их волосы, заплетённые в косички, насквозь промокли и тряпкой падали на разноцветные портфели. Мимо, по дороге, проплывали промокшие иномарки, счастливые люди улыбались грустному городу с ярких рекламных баннеров, радуясь покупке нового телевизора или компьютера. На поверхность выбирались дождевые черви, их мерзкие розово-коричневые тельца заполонили собой все тротуары и дороги – сегодня был их по-настоящему счастливый день. Кошкин заснул. Он видел Марию, стоящей так же рядом, как и в тот дождливый день, когда они прятались под маленьким зонтиком в тщетной надежде остаться сухими. Она была так близко, он чувствовал её холодные руки на своём теле и испытывал то волнение, какое испытывают перед первым поцелуем любимой девушки. Но поцелуя не было, он испугался этой близости.

Дмитрий вышел из автобуса на нужной остановке. Промокшие лавочки, звонок домофона, затем грязный подъезд и ключ, вставленный в железную дверь. В квартире отца не было света. Кошкин аккуратно прошёл на кухню. Алексей Алексеевич мирно спал, облокотившись на стол и уткнувшись носом в грязную скатерть. На столе стояла тарелка с

недоеденным салатом из огурцов и помидоров. По помидорам важно расхаживала здоровенная грязная муха. Она хитро потирала передние лапки, периодически перелетая с помидоров на огурцы. Рядом с салатом стояла недопитая бутылка водки, на наклейке которой величаво красовалась царская корона, и расписные буквы гласили: «Русский выбор». Алексей Алексеевич храпел, вдыхая воздух и выдыхая перегар в пожелтевшую скатерть. Его грязная футболка была мокрая от пота. Дмитрий подошёл к нему и попытался взять под руки, чтобы донести до спальни.

А? Кто? Дима? – Алексей Алексеевич испуганно поднял взгляд на сына.

Пойдём, пап, в комнату...

Алексей Алексеевич облокотился на плечо сына и неуклюже побрёл в спальню. Они подошли к дивану, Кошкин отпустил отца, тот рухнул навзничь и больше не шевелился.

Там... на кухне... можешь, если хочешь, конечно... салатик поесть, если хочешь, – бормотал он.

Кошкин вернулся на кухню и сел на холодную табуретку. Так он сидел неподвижно несколько минут в пустой и тёмной кухне. В раковине капли с шумом падали из сломанного крана на грязные тарелки, было слышно, как на часах бежит секундная стрелка, слышно жужжание жирной чёрной мухи над столом, слышен храп Алексея Алексеевича в спальне. Кошкин разглядел на полу прозрачную стопку своего отца, краешек был разбит. Дмитрий поднял её и вымыл в ракови-

не, затем налил до середины прозрачной водки и выпил залпом, не закусывая. Водка обожгла горло, а затем тепло разошлось по всему телу. Лицо его скривилось от горечи. Кошкин вышел в коридор и отыскал отцовские брюки. Он порылся в карманах и достал пятитысячную купюру, затем положил её в свой карман, оделся, обулся и покинул несчастную квартиру.

На другой стороне бордовой двери он услышал какие-то движения. Затем раздался звон ключей и звук отпирающегося дверного замка. Дверь открылась, и показалось уставшее лицо Дёмина.

Ща выйду, – произнёс он будничным хриплым голосом.

Минуту спустя они сидели на холодной лестнице подъезда. Дёмин выглядел скверно; на нём была надета старая кофта с капюшоном, синие шорты и резиновые сланцы на голые ноги. Глаза всё время были наполовину закрыты так, что Кошкин с трудом мог понять, куда направлен его взгляд; он подстриг голову почти под ноль; щёки его немного распухли. Весь этаж поглотил табачный дым. Дёмин курил медленно, периодически сплёвывая горькие слюни себе под ноги так, что под ним образовалась небольшая, густая лужица.

Давно тебя не видел, – говорил он.

Учёба, дела, – отмахнулся Кошкин. – А ты чем всё время занимаешься?

Познаю себя, – коротко ответил он.

И как успехи?

Пытаюсь освоить осознанные сновидения. Так, я смогу держать свой разум под контролем круглые сутки.

А может, твоему разуму необходим отдых?

Ты не понимаешь, Дима. Я открываю для себя новый мир. Мир внутри самого себя! Ведь что ты знаешь о себе самом?

То же самое, что и все остальные...

А ты уверен? Ты уверен, что смотришь на мир такими же глазами, как я? Или все остальные люди в твоей жизни? Существует ли вообще твоя жизнь?

Кошкин удивился порыву Дёмина. Разговоры с ним и раньше были необычные, но сегодня он был странным даже для Вити Дёмина.

Значит, ты ударился в философию.

Мне просто стало интересно, что такое сон! Может быть, это вовсе не время для отдыха твоего разума? Может это переходное состояние?

Переходное состояние?

Кошкин заглянул в глаза друга. Он смотрел вперёд, будто Кошкина и вовсе не было рядом. Дёмин замолчал на несколько секунд, но затем, наконец, ответил Дмитрию:

Да, переходное состояние! А что, если ты каждый день проживаешь разные жизни? Ну, вот сегодня ты Дима Кошкин, а завтра какой-нибудь китайский рабочий, а послезавтра ты – это я!

Ага, похоже на бред.

Может и бред, но ты всё равно об этом не узнаешь. Ты будешь жить и приобретать воспоминания людей, в которых переселяешься. Ты будешь даже помнить этот разговор! Но каждый раз, когда тебе захочется спать – это сигнал к тому, что ты задержался в этой жизни!

Дёмин взглянул на Дмитрия. Кошкин был предельно серьёзен, но Дёмин неожиданно улыбнулся и произнёс:

Да ладно тебе, не грузись. Это я так шучу!

В последнее время я явно не хочу расставаться с жизнью Димы Кошкина.

Почему? – Дёмин изобразил удивление.

Как-то не спиться в последнее время.

Опять пытаешься разглядеть силуэты в темноте?

Пытаюсь. Их какое-то время не было, а последние две ночи опять вернулись.

– И как успехи? Не нашёл призраков? – Дёмин криво улыбнулся.

Нет, – коротко ответил Кошкин.

Может потому что их силуэты слишком яркие?

Тогда бы я их точно заметил.

Ты бы не заметил. Они должны быть тёмными, чтобы их можно было распознать. Ведь приглядишься к темноте сегодня. Она же не тёмная!

Как же не тёмная? А какая она, по-твоему? – недоумевал Кошкин.

Темнота – она светлая, почти белая! Ты приглядишься к тем-

ноте, сегодня в своей квартире. И ты сам поймёшь, что она вовсе не чёрная, а вся покрыта белыми точками. Поэтому ты и не видишь силуэтов, может они слишком белые? Или они действительно чёрные, но тогда им ничего не остаётся, кроме как прятаться в самом тёмном углу твоей квартиры. Так что если хочешь на них посмотреть, загляни в самый тёмный угол!

Кошкину стало не по себе от всех этих разговоров. Он уже понимал, что сегодня так просто уснуть не получится. Дмитрий решил как можно скорее, сменить тему.

Эдик говорит, ты из дома не выходишь.

Не выхожу, – его веки чуть открылись, и Кошкин смог заглянуть ему в глаза.

Почему? Нравится сидеть в четырёх стенах?

Ты даже не представляешь насколько, – он произнёс это так тихо и обречённо. – Я больше не хочу иметь ничего общего с этим миром.

А как же твоя свобода? Неужели, заперев себя в клетке, ты сможешь её обрести?

Свобода? – прошептал он. – Я знаю, где её найти, Дима.

Что? – Кошкин посмотрел на друга.

Да, – ответил он. – Она внутри меня. Сидит, притаившись, всё это время. Я понял, где её искать, после того как понял что она такое.

И что же такое свобода?

Дёмин оживился, будто всё это время только и ждал этого

вопроса. Он сладко затянулся сигаретным дымом и заговорил:

Мы имеем право выбирать то, чего хотим. Всё настолько просто, что люди отказываются в это верить. Понимаешь, из-за того, что люди не верят в свою свободу, боятся её и не знают, что им с ней делать, они просто теряют её. Меняют на какую-нибудь внешнюю атрибутику. Утопают в саморекламе в социальных сетях. Отдают себя в рабство вещам. Получают образование, работают круглыми сутками, не видя покоя и сна. «Всё это мне необходимо», – говорят они. Мне нужна работа, чтобы купить машину, чтобы ездить на работу и зарабатывать больше денег, ведь бензин дорогой, и машину нужно всё время ремонтировать. И так везде, и каждый день. А свобода, она внутри нас, тихо плачет о том, что её забыли и оставили умирать в темноте. Социум оставил её там умирать. Единственное, что мы можем сделать, чтобы реанимировать её – это отказаться от общества. Закрыться в четырёх стенах, а лучше скрыться далеко за пределами городов, где ни одна живая душа не сможет нас найти. И только так! Только спрятавшись за этими решётками, мы обретём свободу.

Но разве так ты всё равно не остаёшься зависимым?

Что ты имеешь в виду? – Дёмин затушил сигарету в лужице из плевков.

Ну, ведь это социум заставил тебя так жить. Может ты и не хотел сбегать из городов. И выходит, ты всё равно остаёшься

свободным, раз сам сделал выбор остаться, но в тоже время остаёшься рабом. Но как же обозвать человека, который из множества вариантов сам выбрал отдать свою свободу? Он счастлив, что сделал такой выбор. Но он раб или свободный человек?

Ты хочешь сказать, что можно оставаться свободным, являясь частью социума?

Ты сам сказал, что свобода внутри каждого из нас. И мы вольны выбирать, как нам жить.

На нижних этажах послышались шаги. Кто-то одиноко шаркал старыми ботинками по грязным ступенькам. Шаги затихли в районе четвёртого этажа, их сменил звон ключей и звук открывающейся двери.

Я думаю, что ты прав, но лишь частично, – сказал Кошкин. – Свобода действительно внутри нас, но это не только дар, но и наше бремя. Нам нужно уметь делать выбор, но и уметь нести ответственность за этот выбор. Если человек научится правильно распоряжаться своим выбором, то он сможет изменять мир, который его окружает так, как он захочет. Он сможет прожить свою жизнь как можно счастливее. Но как раз тут и таится ложка дёгтя. Нужно не только уметь делать выбор, но и уметь примеряться с его последствиями. Ведь каждый раз, когда мы что-то приобретаем, мы отдаём что-то взамен. И нужно это понять и сделать выбор такой, где то, что придётся отдать, будет гораздо незначительней, чем то, что мы в итоге получим. К сожалению, большинство

людей либо слишком эгоистичны и не хотят отдавать ничего взамен, затем жалуются, что потеряли абсолютно всё, либо слишком глупы и не понимают, что платят цену гораздо большую, чем значимость приобретения. Именно так они зачастую и делают выбор в пользу того, чтобы отдать свою бесценную свободу в обмен на ту же красивую машину или важную должность. Вот так, слишком зацкливаясь на деньгах, саморекламе, важных должностях и дорогих вещах, они забывают, что все эти вещи просто придуманы людьми и, при желании, их ценность для тебя и окружающих может испариться по щелчку пальцев, в то время как та свобода, которую пришлось отдать, никогда не потеряет свою ценность, так как свобода – это то небольшое, что не было придумано людьми.

Они замолчали на какое-то время. Дёмин достал пачку сигарет, вытащил оттуда две штуки и протянул одну Кошкину. Они закурили.

У меня завязались отношения с одной замужней девушкой, – сказал Кошкин.

Так вот куда ты пропал, – сказал Дёмин. – Ты с ней спал? Нет, но собираюсь.

И что ты хочешь от меня?

Как думаешь, она должна изменить мужу, которого очевидно не любит?

Ну, с точки зрения правил, которые диктует общество и религия, то нет, – ответил Дёмин. – Но нам-то плевать на

них. Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого, и, если у неё есть желание, то она имеет право изменить ему, но не имеет право скрывать это от мужа, – он сделал глубокую затяжку, затем выпустил табачный дым из лёгких в пыльный подъезд. – Кроме того, как ты сказал, она должна быть готова нести ответственность за тот выбор, который совершит.

Лишь бы она сама это понимала... – сказал Кошкин едва слышно.

А что же ты? – Дёмин посмотрел на друга.

Что я?

Ты готов сам сделать выбор? Ведь и у тебя он есть.

Кошкин задумался. Каждый выбор несёт за собой наживу и расплату. Не будет ли расплата за Марию превалировать над наживой.

Я свой выбор уже сделал, – коротко ответил он.

Улицу поглотила тьма. Кошкин и Дёмин сидели на ступеньках. Электрическая лампочка одиноко висела над ними, держась на толстом чёрном проводе. В подъезде стояла пугающая тишина, изредка нарушаемая шарканьем ног где-то на нижних этажах. На Кошкина налетела сонливость. Он зевал, а глаза начинали слипаться. Дёмин сидел тихо, не двигаясь с места, лишь изредка сплёвывал слюни в свою мерзкую лужицу. Спустя время они решили, что пора прощаться.

Ты давно Эдика видел? – спросил Дёмин, когда они подошли к его квартире. – Может быть, нам встретиться ещё раз?

Посидим втроём, как раньше.

Я с радостью, Витя, – ответил Кошкин. – Позвоните мне, как надумаете.

Они пожали друг другу руки, и Кошкин отправился домой.

«Если хочешь на них посмотреть, загляни в самый тёмный угол!», – говорил голос Дёмина у Кошкина в голове.

Эхо его шагов разрушало тишину мрачного подъезда.

Глава 12

Вторник. Утром весь город утопал в холодном и густом тумане, но уже к обеду от него не осталось и следа. Во Владивосток наконец-то вернулось солнце после серых и дождливых дней. Люди шагали на работу по ещё сырому асфальту, который покрывали омерзительные, засохшие тельца дождевых червей. На зелёной траве блестела роса, солнечные лучи отражались от окон домов и куполов церквей, и казалось, что те холодные и пасмурные дни никогда больше не вернуться в этот солнечный город.

Кошкин сидел на лавочке около входа в учебный корпус. На часах половина пятого, консультация Марии должна была закончиться через десять минут. Он собирался проводить её до дома, а заодно узнать ответ на самый важный на тот момент для него вопрос. Кошкин прекрасно понимал, что Мария хочет идти с ним на свидание, но явно будет всячески отнекиваться до тех пор, пока он не убедит её согласиться.

Дмитрий то и дело посматривал на время. Вдруг он увидел её за стеклянными дверьми входа. Мария вышла на улицу. На ней была чёрная куртка и джинсы такого же цвета, на ногах кеды. Волосы были распущенны и аккуратно причёсаны, на губах ярко-красная помада. Она смущённо посмотрела на Кошкина, предвосхищая этот важный разговор, но затем постаралась изобразить на лице более счастливый вид,

её взгляд стал более расслабленным, а на губах даже блеснула улыбка.

Долго вы сегодня, – сказал Кошкин.

Не все так же быстро сдают свои долги как вы, Дима, – ответила она.

Они пошли по привычному пути, в сторону дома Марии. Разговор их был непринуждённым, она рассказывала о том, как прошёл её день. Рассказывала о глупых студентах и о надоедливых коллегах с кафедры, не забывая интересоваться у Дмитрия о том, как день прошёл у него. Говорили о том, как провели выходные и ещё о всякой лишней ерунде в то время, как главная тема их разговора так и витала в воздухе, боясь слететь с языка. Они минули почти половину пути, и уже стало виднеться здание администрации города. Наконец, Кошкину это надоело, он понял, что Мария просто тянет время.

Мария Антоновна, – прервал он её рассказ о какой-то глупой подруге с кафедры. – Так что там насчёт завтрашнего дня?

А что с ним не так?

Вы знаете что! – это и вправду начинало ему надоедать, голос его стал очень серьёзным. – Мы идём завтра в кафе или нет?

Мария молчала. Взгляд её уставился на серый асфальт. Она шла, боясь взглянуть Кошкину в глаза. Они остановились возле трёхэтажного серого здания, чтобы покурить. У

Марии не было сигарет, и Кошкин угостил её своей. Дмитрий скидывал пепел в клумбу с цветами и смотрел на её строгое и серьёзное лицо, но она продолжала упорно молчать.

Мария Антоновна... – сказал он с натянутой улыбкой.

Ну, вот зачем нам с вами идти в кафе, объясните мне? – перебила она. Её голос звучал серьёзно, на лице не было и следа радости, которая обычно украшала её в присутствии Кошкина.

А почему бы нам не сходить?

Это не ответ!

Ошибаетесь! Это как раз ответ, – он сделал глубокую затяжку и выдохнул серый дым. – Я хочу с вами сходить в кафе, и я уверен на сто процентов, что и вы хотите сходить со мной. Так почему бы нам это не сделать, если мы оба этого хотим?

Какая разница, что я хочу, а что нет? – она впервые за долгое время взглянула ему в глаза. – Вы понимаете, что у меня есть муж, и я не могу ходить со всеми подряд на свидание!

А я не говорю вам идти со всеми подряд, Мария Антоновна, – ответил Кошкин. – Я говорю вам пойти со мной. Ведь вы хотите сходить в кафе не с кем угодно и не с мужем, а именно со мной, так?

С чего вы взяли, что я с вами хочу куда-нибудь пойти?

Если бы не хотели, то этого разговора сейчас не было бы, – он старался говорить спокойно. – Так ответьте мне, вы хотите пойти со мной в кафе или нет?

Ну, а что с того, что я хочу? – сказала Мария.

А то, что имеет вес только ваше желание и ничего больше!

Они докурили, но продолжали стоять на том же месте.

Мария смотрела ему в глаза. В этом взгляде читалось волнение и желание. Это была черта, перешагнув которую, она была уверена, ей уже не вернуться обратно. И дай он ей две недели или два месяца на раздумье, она бы всё равно не смогла так просто решиться на это. Мария смотрела Кошкину в его серые глаза и понимала, что не сможет ему отказать ни сейчас, ни потом. И каков бы не был её страх, но желание было сильнее.

– Я пойду с вами, – тихо сказала она, прикусив нижнюю губу. – Но я не знаю, что сказать мужу.

– Мы что-нибудь придумаем, – Кошкин говорил спокойно, но внутри него пылало торжество. Только что он выиграл ещё одну битву.

Ночью Дмитрий снова не мог заснуть, но теперь виной тому были не негативные мысли, а наоборот, самые волнующие. Он не мог дождаться завтрашнего дня. И даже сообщение «Мне нужно побыть с мужем» совсем не расстроило его. Теперь она принадлежала ему, всё остальное лишь вопрос времени. Одни мысли сменяли другие. Он думал тем, во что завтра оденется Мария. Завтра будет тёплый день, а значит, на ней будет, скорее всего, какое-нибудь лёгкое платье. И, конечно же, её распущенные волосы. Думал о том, что в этот раз не упустит возможность её поцеловать. Мысли о поце-

дуе заставляли его сердце биться ещё сильнее. И снова он вспомнил тот дождливый день и Марию. Её одежда вся промокла, и она стояла так близко к нему. Он укутался в одеяло и во втором часу ночи всё-таки смог заснуть.

Мария же была сама не своя, она боялась даже взглянуть в глаза мужу. «Он обо всём догадывается», – вертелась навязчивая мысль у неё в голове. И точно что-то изменилось в поведении Юрия, тот весь вечер не отходил и на шаг от Марии. Всё время пытался шутить, и вообще был в весьма приподнятом настроении. Впервые за долгое время он интересовался о том, как прошёл день у его жены и сам с жаром рассказывал обо всём, что приключилось с ним за сегодня.

Завтра я встречусь с подругой в кафе, – сказала Мария, пряча глаза, когда они вышли покурить на балкон.

Да? Что за подруга? – спросил Юрий. И снова волнение нахлынуло на Марию. «Он знает! Он что-то знает», – думала она. Но Юрий не мог знать об этом. И, быть может, обращая он внимание на свою жену так же часто, как в тот день, то он заметил бы, что с каждым днём Мария становится всё более и более замкнутой в его компании.

Подруга с работы. Лена, я тебе про неё рассказывала, – ответила она. – Я ненадолго.

Хорошо, – спокойно ответил Юрий, затем подошёл совсем близко к ней и поцеловал её так, как давно уже не целовал.

Слёзы выступили на её глазах, и она поспешила отвер-

нуться. Марии было неуютно находиться дома. Каждый раз она вставляла ключ в дверной замок своей квартиры с навалившейся грустью. Ей хотелось, чтобы вечера проходили как можно быстрее, чтобы поскорей сбежать на работу. И даже во время этого поцелуя, она думала о Дмитрие.

Утро следующего дня протекало ужасно медленно. Дмитрий и Мария должны были встретиться у кафе в три часа дня. Кафе выбирала Мария, оно находилось чуть в стороне от центра города, в действительно неприметном месте. И пусть Юрий в это время должен был находиться на другом конце города, но волнение не отпускало Марию ни на секунду.

Был жаркий июньский день, что редко встречается в этом городе. Ровно в три часа дня Кошкин курил возле входа в красиво обставленное кафе. На улице стояли деревянные беседки белого цвета, а само кафе было в два этажа высотой. Стенки первого этажа были стеклянными, а потому Кошкин мог видеть нескольких официанток в бордово-коричневых фартуках, обслуживающих несколько занятых столиков. В правом углу кафе находился бар. За барной стойкой молодой бармен о чем-то весело общался с симпатичной официанткой. А в левом углу можно было видеть деревянную лакированную лестницу, ведущую на второй этаж.

«Я скоро подойду», – прочитал Кошкин сообщение от Марии. Он зашёл внутрь и поднялся на второй этаж. Кафе было весьма уютным, он минул весь этаж и сел за один из

крайних столиков, которые были отделены от остальных фиолетовой шторой.

Будете что-нибудь заказывать? – спросила у него рыжеволосая официантка примерно его возраста.

Позже, – добродушно ответил он. – Я жду подругу.

Спустя минут десять он услышал цоканье знакомых каблучков по деревянной лестнице. И вот к его столику подошла она. Мария, как он и думал, надела в этот день лёгкое тёмно-синее платье в белый горошек, которое едва доходило ей до колен. И в этот момент он не мог поверить своему счастью. Она пришла. Не смотря ни на что, она всё-таки пришла.

Здравствуйтесь, – сказал Кошкин.

Здравствуйтесь, Дима, – ответила она. Мария села напротив него, на лице у неё застыла смущённая улыбка. Их «здравствуйтесь» теперь звучало странно, слишком уж были сильны устоявшиеся правила студенческо-преподавательских отношений, в то время как их отношения уже давно вышли за эти рамки. Они оба это почувствовали, а потому Кошкин в первую очередь начал настаивать на том, чтобы наконец-то перейти на «ты». И, на его удивление, в этот раз Мария не смогла долго ему сопротивляться.

Я буду называть тебя Маша, – смеялся Кошкин.

Ну, вот ещё чего! – ответила Мария. – А я теперь специально буду стараться местоимения не употреблять.

Несколько раз они путались и называли друг друга на

«вы», но Кошкин старался произвести впечатление, что ему это вовсе не доставляет дискомфорта. И то ли, чтобы позлить Марию, то ли просто так, он старался чаще делать акцент именно на её имя «Маша».

Ты понимаешь, что ради тебя мне пришлось наврать мужу? – сказала она.

Правда? А я думал, он тебя отпустил.

Их свидание проходило отлично. Кошкин заказал себе его любимую пасту карбонара, а Мария уверяла его, что ей хватит и лёгкого салата, но Дмитрий смог уговорить её заказать стаканчик мороженого. Они разговорились, она рассказывала какие-то истории про своих подруг и студентов, а он по большей части отпускал шутки. Марии нравилось это свидание. Волнение в груди почти пропало, и её больше не преследовала навязчивая идея случайно наткнуться на Юрия.

Как ты думаешь, я поступила правильно, что пришла сюда? – спросила Мария.

Ну, ты нашла, у кого спросить, – улыбнулся Кошкин. – Но если хочешь знать моё мнение, то да. Ты поступила правильно.

Почему?

Потому что поступила так, как хотела сама.

Ну, мало ли, чего я хочу, – повторила она эту фразу.

Кошкин посмотрел на неё, и снова подумал, как же она прекрасна. Он не мог поверить своему счастью.

Очень глупая фраза, на мой взгляд, – ответил он. – Имен-

но то и важно, чего хочешь ты. И если бы люди почаще делали то, чего хотят, то быть может и жили гораздо счастливее.

А что если кто-нибудь, например, хочет убивать людей?

Ну, так можно любую идею испортить, – сказал Кошкин. – Но всегда нужно помнить об ответственности, которая ходит рука об руку со свободой.

А обманывать мужа тоже правильно?

Конечно, нет. Но ты же про другое спросила, а мужа обманывать я тебя не заставлял.

Их прервала официантка. Она принесла два стаканчика мороженого и забрала грязные тарелки. Мария съела ложечку своего мороженого и сразу начала просить Кошкина угостить её своим.

Ты любишь мужа? – спросил он.

Конечно, люблю!

А если любишь, то почему сейчас я угощаю тебя мороженым, а не он?

Она не ответила, но Кошкин был рад произведённым эффектом.

Так значит, ты считаешь, что человеку дозволено делать всё, чего он только захочет? – наконец прервала она тишину.

Конечно! Если это не мешает свободе других людей. И всегда нужно помнить об ответственности за свободу.

Мне кажется, или люди не способны жить по таким правилам? – улыбнулась она.

В большинстве своём, да, – ответил Кошкин.

А ты считаешь, что ты можешь?

Он на секунду задумался:

Думаю, да, могу. Это на самом деле только кажется чем-то очень тяжёлым. Главное бесконечно проводить самоанализ. Если будешь тренироваться, то рано или поздно научишься быть свободным.

И сейчас ты смог достичь своей цели? Ты свободен?

Даже не знаю, – Кошкин посмотрел на стаканчик с мороженым. – Наверное, ещё нет. Но я знаю путь, по которому надо следовать, а это уже хорошо!

А ты не боишься, что дойдя до «цели», ты вдруг поймёшь, что не готов к такой жизни?

Я уверен, что готов.

Дима, – она посмотрела ему в глаза и улыбнулась, – какой же ты идеалист!

Как будто это что-то плохое!

Говоришь, как подросток, – вдруг она подумал, что могла обидеть его, но Кошкин не смутился.

Он замолчал на несколько секунд, затем ответил:

А мне в этом плане подростки как раз нравятся.

Почему?

Потому что именно они больше всех стремятся к свободе. Да, они ещё слишком глупы и не могут грамотно отнестись к этому своему бунтарскому духу, от этого и страдают максимализмом, но главное то, что это бунтарство против конформизма в них живёт. Это те люди, у которых есть мечты

и идеалы, которым они хотят следовать, несмотря ни на что. И как же на это им отвечает старшее поколение? «Ты просто ещё мал, – говорят они, – подрастёшь и поймёшь, что к чему». А я слышу вместо этого: «Подрастёшь и станешь таким же роботом, как и мы, без мечты и стремлений». Всё сводится к тому, что люди убивают друг в друге жизнь, и это считается правильным. Подросткам говорят, что твои стремления изменить мир – это временная болезнь, которая пройдёт к тридцати годам. И тогда ты обзаведёшься семьёй и будешь радоваться бутылке пива, купленной по акции. Знаешь, если всё так, то, пожалуй, я не хочу, чтобы мне исполнилось тридцать. Но только сам человек решает, убивать в себе ребёнка или сопротивляться. Я думаю, что человек обречён на свободу. И даже в нашем мире люди действительно всегда остаются свободными, проблема только в том, что они боятся этой свободы, а точнее той ответственности, которая с ней неразлучна. А так как свободы не бывает без ответственности, то люди спешат избавиться от неё. Для них свобода – это бремя, а вовсе не дар. А всё потому, что они не умеют её правильно применить, и следуют советам людей, смысл жизни которых – мешать жить лучшим из нас.

Мария подождала, пока Кошкин закончит. Затем произнесла:

Люди говорят это подросткам скорее не с целью сломить их бунтарский дух, как ты считаешь. Мне кажется, они это говорят, потому что, столкнувшись с настоящими жизнен-

ными проблемами, они понимают, что невозможно подобрать какую-то идеальную формулу к тому, как прожить эту жизнь.

Так все эти «жизненные проблемы» исходят от самих людей, – парировал Кошкин.

Я не спору с тобой, что всё это придумано самими людьми. Конечно, я понимаю, что все эти системы и правила только у нас самих в голове, но, наверное, без них просто не может существовать человек. Это против его природы. Возможно, твоя идея применима для какого-то определённого человека – например, для тебя самого – и для определённой жизненной ситуации. Но жизнь людей в целом ты не изменишь.

Да плевал я на людей, – ответил Кошкин. – Достаточно изменить себя.

Но так ты не изменишь мир!

Ошибаешься. Мир таков, каким мы его воспринимаем. Достаточно изменить восприятие, и весь мир вокруг тебя изменится. А мне жить своей, а не чьей-то чужой жизнью.

Ладно, давай не будем раздувать дебаты из нашего первого свидания. Скажу только, что идеалисты как раз чаще всего падают под тяжестью своих собственных идеалов.

Так значит, у нас всё-таки первое свидание? – засмеялся Кошкин.

Ты неисправим, Дима, – улыбнулась она.

Просто ты только что упала под тяжестью своих идеалов, –

продолжал он.

Они сменили тему и продолжали разговаривать тогда, как их мороженное уже давно растаяло и превратилось скорее в холодную кашу. В общем, в кафе они провели не более полтора часа, когда Марии на телефон пришло сообщение от Юрия, и они поспешили собираться по домам. Кошкин должен был проводить Марию до дома и решил, что обязательно должен поцеловать её перед тем, как проститься. В целом, Кошкин считал, что свидание удалось, Мария явно была довольна. По пути домой он старался избежать своих философских размышлений, а вместо этого побольше шутить, чтобы это свидание оставалось у неё в памяти чем-то скорее весёлым, чем серьёзным. Ему это удалось, Мария была в прекрасном настроении, много смеялась и сама старалась шутить. Вот они уже идут по улице Комарова, а там дальше Покровский парк – здесь они обычно прощались друг с другом. Они спустились в тёмный подземный переход. Там пахло табаком и ещё чем-то зловонным. На середине перехода расположилась цыганская семья из матери, девочки лет шести и младенца. Девочка бегала по переходу назад и вперёд, но как только наткнулась на Марию и Дмитрия, испуганно уставилась на них своими неестественно чёрными глазами и побежала к матери.

Они вышли из холодного перехода на тёплую улицу и остановились. Мария стояла рядом с ним почти так же близко, как и неделю назад. Дмитрий смотрел ей в глаза: как же

она была красива в эти мгновения. Следы смущения пропали с её лица, и на смену им пришло счастье. Она улыбалась, и было понятно, что она явно не хотела расставаться сейчас. Кошкин сделал шаг вперёд и коснулся её руки, затем прижал к себе, ища её губы, но вдруг почувствовал, как её рука выскользнула и очутилась у него на груди. Она несильно оттолкнула его от себя и закричала:

Вот только не надо!

И тут всё очарование прошедших часов в одночасье рухнуло. Кошкин с недоумением смотрел на неё, улыбка больше не украшала её лицо.

Ладно, – сказал он. – Извините... – он снова обратился к ней на «вы».

Неловкое молчание. Они смотрели друг на друга, он расстроенно, она с какой-то злобой. Кошкин попрощался, и больше не проронив ни слова, отправился в сторону своего дома. Мария осталась стоять в одиночестве.

Глава 13

Утром следующего дня Мария вышла из аудитории и направилась в сторону кафедры, неся магнитофон в одной руке и тяжёлые учебники в другой. В коридоре университета было шумно. Студенты толпились возле дверей, и их голоса сливались в общий гул, так что было невозможно разобрать ни единого слова. Двое студентов, шутя, толкали друг друга, и один из них чуть не налетел на Марию. Она прижала голову к плечам, походя в этот момент на маленькую мышку, боясь выронить из рук учебники.

Извини, не заметил, – сказал студент. Незнакомые студенты часто обращались к ней на «ты», так как своей внешностью Мария больше была похожа на студентку второго курса, чем на преподавателя.

Она аккуратно пробежала мимо остальной толпы и была необычайно рада увидеть заветные двери кафедры английского языка. Она остановилась, пытаясь переложить магнитофон в руку с учебниками, как вдруг прямо за её спиной раздался голос:

Помочь? – Мария чуть не закричала от неожиданности. Она повернулась, в полуметре от неё стоял Кошкин.

Я справлюсь, спасибо, – сказала она шёпотом.

Я хочу с тобой поговорить, – сказал он.

Давай. Я сейчас собираюсь пойти курить, – она зачем-то

продолжала говорить шёпотом. – Там сможем поговорить.

Он ответил, что будет ждать её на улице. После вчерашнего свидания Кошкин чувствовал себя просто ужасно. Его преследовало чувство стыда, он ничего не писал Марии вечером и лишь утром решил обсудить с ней их запутанные отношения. Он ждал её на лавочке, напротив входа в учебный корпус. И, как обычно, ещё издали завидел её фигуру через стеклянные входные двери университета. День был тёплым, но всё время веяло какой-то сыростью, небо посерело, моросило. Мария открыла стеклянные двери, и лица её коснулись прохладные капли и тёплый ветер.

Пошли курить, – она наградила его нежной улыбкой.

Кошкин отметил, что она вовсе не сердится на него и даже, вроде как, стала ему немного ближе.

Послушай, – начал он, когда они дошли до курилки, – прости меня за вчерашнее. Испортил нам свидание.

Ничего ты не испортил, глупый, – ответила она. – Мне всё очень понравилось.

Они закурили, стоя возле наклеенного белого значка с изображённой на нём дымящейся сигареты. Рядом стояла чёрная урна, наполовину заполненная окурками, но гораздо больше окурков валялись на асфальте вокруг неё. Несколько секунд они курили в полном молчании. Кошкин нервничал, готовясь сказать Марии нечто важное.

Это всё, о чём ты хотел поговорить? – Мария нарушила молчание.

Не всё, – он собрался с силами, подбирая все слова, которые хотел сегодня ей высказать. – Послушай, наши отношения с тобой бегут впереди наших слов, и, пожалуй, пришла пора нам обсудить это. Маша, – он посмотрел в её голубые глаза, – я думаю, ты и так понимаешь, что всё происходящее между нами – не просто так. Пойми, последние месяцы я только и живу мыслями о тебе. С той самой нашей встречи на набережной я понял, что с каждым днём всё больше и больше влюбляюсь в тебя. И да, я знаю, что у тебя есть муж и, быть может... – он запнулся, но после короткой паузы продолжил, – быть может, ты действительно его любишь, и все эти наши отношения были для тебя менее серьёзными, чем для меня. Но, если честно, то я думаю, что всё это неправда! И ты вовсе не любишь своего мужа, и не любишь уже давно. Ведь иначе ты бы мне и шанса не дала завести с тобой такие отношения. Ты бы не стала его обманывать и придумывать дурацкие встречи с подругами...

Мария молча смотрела в сторону, пряча глаза от Кошкина. В руке тлела сигарета. Она лишь изредка подносила её к губам.

Маша, я люблю тебя... – сказал он, и голос его дрогнул. – Я не знаю, что ты будешь делать, но, как я и говорил, важно лишь то, чего хочешь именно ты. Так что я приму любой твой ответ. Для меня важно, что я высказался и, в любом случае, мне теперь легче.

Но она продолжала молчать, не двигаясь с места.

Ты ответишь мне? – спросил Кошкин.

Нет, не отвечу! – пробубнила она, продолжая смотреть на асфальт.

Что значит, не ответишь? – рассмеялся Кошкин. – Я же сказал, что буду уважать любое твоё...

Ты знаешь, что в понедельник у тебя экзамен по английскому? – неожиданно спросила она.

Эм – м... – протянул Кошкин. – Знаю... конец семестра же.

Вот! – подхватила она. – И мне ещё с вашей группой две пары провести, а потом ты мне ещё экзамен сдавать будешь!

И что?

Она, наконец, посмотрела ему в глаза.

А то, что я и так смущаюсь, когда ты сидишь на моих занятиях! Вот сдашь экзамен, и я тебе отвечу!

Так вот в чём дело? – заулыбался Кошкин. – Нет, так не пойдёт! Мне почти неделю ждать.

Вот потерпи!

Они выкинули окурки в урну и пошли в сторону учебного корпуса. Кошкин согласился подождать до экзамена, раз ей так хочется.

У тебя экзамены на носу, а у тебя одни девки на уме! – улыбалась она.

Всего одна девка, – ответил Кошкин. – А если я сдам экзамен, ты меня поцелуешь?

Вот сдашь, и поцелую! – смущённо ответила Мария.

Они продолжали общаться, как и раньше. Кошкин так же разговаривал с ней в свободное время, так же переписывался с ней по вечерам и провожал её до дома по всё тому же, уже изученному вдоль и поперёк, маршруту. На занятиях они старались вести себя, как обычно, никто из группы даже не догадывались об их отношениях. Лишь один парень однажды сказал Кошкину, что Мария Антоновна как-то «по-особенному» на него смотрит. Но так и не смог доступно объяснить, как это «по-особенному». Кроме того, Мария настояла на том, что ему нужно обязательно подготовиться к экзамену, поэтому, примерно один час в день они уделяли учёбе. В такие моменты, когда Мария сидела так близко к нему, желание овладеть ей снова возрастало до предела. Он мог касаться её, смотреть на её губы, чувствовать запах её волос. Но Кошкин не поднимал больше темы насчёт их отношений, он и так понял, что Мария испытывает к нему такие же чувства, как и он к ней, или, возможно, даже более сильные. Разница лишь в том, что Мария боялась произнести это вслух, ведь пока это не сказано, можно считать, что этого нет. Глупо, но Марию это успокаивало, а Кошкин вовсе не хотел её нагроздить, зная на каком распутье она сейчас находится. При встречах он много шутил, но теперь он стал гораздо смелее и даже позволял себе двусмысленные фразы, намекающие на комичность их отношений. «В понедельник, когда ты поцелуешь меня и скажешь, что любишь...», – часто повторял он. Кошкин просто обожал эту фразу.

Мария не могла перестать думать о нём, но в тоже время ей было страшно стыдно за то, что она делает. Она редко смотрела в глаза мужу и старалась с ним почти не общаться. Неизвестно, бросались ли эти изменения её поведения в глаза Юрию, или он просто старался делать вид, что ничего не замечает. Марии было тяжело и невыносимо думать о том, что она делает, а потому она взяла на себя пассивную роль и просто плыла по течению. Поэтому главная роль в этих нелёгких отношениях досталась Кошкину, с чем он, впрочем, не особо хотел соглашаться. Ведь это не клеилось с его философией. Он хотел лишь одного, чтобы Мария сделала свой выбор, учитывая все последствия. И, правда, он бы ни за что не продолжил бы навязываться в любовники Марии, скажи она ему простое «нет». Однако желание Марии сражалось с её чувством вины. И пусть желание было сильнее, но сама Мария всеми силами старалась не обращать на него внимание. Отсюда у Кошкина и стало возникать неприятное чувство, что ему больше всех надо.

Наступил понедельник. Вся группа толпилась возле кабинета английского языка, который находился на четвёртом этаже учебного корпуса. Кошкин все выходные готовился к экзамену, и мыслей, что он его не сдаст, у него не возникало вовсе. Мария сидела в аудитории за преподавательским столом вместе с пожилой коллегой с кафедры. Кошкин решил, что пойдёт сдавать экзамен самым последним, чтобы в итоге оказаться наедине с Марией. Так и вышло. Он выждал око-

ло двух часов, пока не опросили всех его одноклассников. В конце экзамена, в кабинете остался лишь он, Мария и эта старая преподавательница.

Машенька, будь добра, прими этого последнего студента. Уж очень тут душно, – сказала преподавательница.

Конечно, Елена Валерьевна, – ответила Мария.

Елена Валерьевна собрала свои вещи в сумку и поспешила удалиться из кабинета. Дмитрий и Мария снова остались наедине.

Ну, иди сдавать, – улыбаясь, сказала она.

Кошкин сдал экзамен за считанные минуты. Мария спрашивала то же самое, к чему его сама и готовила.

Проводишь меня до дома сегодня? – спросила она его, когда они закончили.

Я сдал экзамен, – ответил Кошкин. – Мне полагается твой поцелуй.

Вот ещё! – сказала Мария.

Ты обещала!

Я тебя обманула.

Она сложила тетрадки и учебники в сумку и хотела выйти из аудитории, но Кошкин преградил собой дверь.

Дима, ну что вы делаете?

Я тебя никуда не выпущу!

Мария встала напротив него и попыталась его оттолкнуть, но Дмитрий не поддавался. Она смущённо посмотрела ему в глаза.

Не выпустишь меня?

Выпущу, – ответил он. – Как только поцелуешь.

Вот ещё! – воскликнула она. – Буду я ещё со своими студентами целоваться после экзаменов.

Тогда останемся здесь!

Мария смотрела на него снизу вверх, пряча смущённую улыбку. В конце концов она сдалась. Мария встала на носочки и, чмокнув его в губы, мышкой отпрыгнула на шаг назад.

Так не считается! – закричал Кошкин.

Почему это не считается? – улыбаясь, сказала Мария.

Это не настоящий поцелуй!

Самый настоящий! А тебе какой нужен?

Кошкин молча шагнул к ней. Он обхватил её обеими руками и почувствовал, как лёгкая дрожь пробежала по его телу. Он чувствовал её в своих руках, заглянул в её голубые глаза. Зрачки Марии были едва расширены, затем его взгляд скользнул на её соблазнительные губы, те были чуть приоткрыты. И тогда он поцеловал её так, как никого ещё в своей жизни своей никого не целовал. Её губы скользили по его губам, он закрыл глаза и почувствовал, как её руки обхватили его шею. Он не знал, как долго длился их поцелуй. В этот момент время как будто застыло, и не существовало ничего во всей вселенной, кроме этого поцелуя. Он хотел раствориться в этом мгновении и никогда не возвращаться обратно. Была только Мария и этот поцелуй...

Ты меня любишь? – спросил он, прижимая Марию к себе.

А ты как думаешь, дурак ты мой? – сказала она. – Конечно, я люблю тебя.

Он прижал её к себе сильнее и поцеловал ещё раз.

Пошли гулять, – вдруг сказал Кошкин.

Что? – улыбнулась она. – Куда мы пойдём гулять?

А какая разница?

Мария на секунду о чём-то задумалась.

Давай встретимся на улице минут через сорок пять? Я должна сходить на заседание кафедры.

Он согласился. Кошкин был необычайно горд собой. Наверу происходило то, о чём ещё недавно он мог только мечтать. Она любит его! Она сама это сказала! В тот момент, казалось, что ничего во всём мире не могло испортить этот день. За сорок пять минут он выкурил три сигареты, но волнение не собиралось покидать его тело. Время шло непозволительно медленно, и он не мог дожидаться, когда они снова увидятся.

Мария немного задержалась, но Кошкин оставил это без внимания. Когда они встретились, её настроение оказалось полностью противоположным его. Лицо Марии было серьёзным, глаза потеряли ту игривость, которая украшала их после поцелуя. Мария старалась не смотреть на Кошкина, её немного грустный взгляд устался куда-то под ноги. Она была неразговорчива. Они курили рядом с чёрным забором, отделяющим территорию университета. На улице стало немного теплее, и через серые тучи стали пробиваться ред-

кие солнечные лучи.

Чего такая серьёзная? – весело спросил Кошкин.

Ничего, – ответила она. – Думаю...

Улыбка исчезла с лица Дмитрия.

И о чём думаешь?

О том, что нам больше нельзя с тобой видеться! – резко проговорила она.

Это ещё почему?

А тебе не приходит в голову, что это неправильно?

Нет, – сухо ответил он. – Я думаю, что у нас с тобой может всё получиться. А ты хочешь перестать видеться, несмотря на то, что мы любим друг друга?

Да, – продолжала она. – Со временем наши чувства утихнут, и мы снова заживём обычной жизнью.

Кошкин посмотрел на неё.

А ты хочешь, чтобы они утихли?

Не знаю, – усталая гримаса застыла на её прекрасном лице.

Знаешь, что думаю я? – сказал Кошкин. – Я думаю, что нам с тобой нужно видеться, как можно больше. А вот с кем перестать – так это с мужем, которого ты уже не любишь. Поверь, только делая то, что действительно хочешь, ты будешь счастливой.

А последствия? – спросила она. – Ты же сам мне говорил, что свобода идёт рука об руку с ответственностью!

Вот ты и подумай и взвесь ответственность за тот или

иной выбор.

Серый дым вырывался на свободу из лёгких, тут же растворяясь в воздухе. Кошкин стоял напротив Марии, она продолжала смотреть под ноги на мокрый асфальт. Дмитрий облизнул горькие от табака губы. Мария выбросила сигарету и продолжала молчать. Мимо проносились шумные машины, где-то одиноко и безучастно подняла крик чёрная ворона. Кошкин устал ждать неизвестно чего и подошёл ближе к Марии. Она подняла голову на его шаги и заглянула ему в глаза. Дмитрий никогда не забудет этот взгляд. Такой покорный и, если можно так выразиться, преданный. Она вовсе не хотела переставать с ним видеться. Скорее она предложила такой вариант для него самого, но в душе желала лишь того, чтобы Дмитрий не отступал от своих планов. Он обхватил её руками, прижал к себе и поцеловал ещё слаще, чем в тот первый раз. В такие моменты чувство времени совсем пропадало из их поля зрения. Он чувствовал вкус её губ и тепло этих нежных рук. Мария оставила следы алой помады на его губах, и больше никогда не поднимала вопрос о том, чтобы перестать видеться.

Они пошли гулять. С каждой минутой на улице становилось всё теплее и теплее, пока солнце вовсе не одолело серые тучи и не наградило жителей города своим золотым светом. Мария и Дмитрий минули железнодорожный вокзал и центр города. Бездумно гуляя по городу, они говорили обо всём подряд, но только не о своих запутанных отношениях. В этот

раз Мария с опаской не глядела во все стороны, выискивая мужа. Внезапно и её охватило какое-то волнующее чувство, и она больше ни о чём не могла думать.

Смотри, там есть какой-то скверик, – сказал Кошкин, указывая вперёд.

Они направились туда. Сквер был красивый и уютный. Он был расположен на склоне, коих было множество по всему городу. Сквер состоял из двух дорожек, выложенных из серой плитки, они располагались справа и слева от большой цветочной клумбы, на которой уже расцветали жёлто-красные цветы, и поднимали шум своими крыльями пчёлы и шмели. В сквере было не много людей, лишь одинокие старички сидели на нижних лавочках, которые явно не перекрашивали уже несколько лет, и старая, жёлтая краска кусками отваливалась от старых досок. На верхней точке сквера был расположен памятник какому-то морскому офицеру, возле которого фотографировалась молодая семейная пара. Кошкин нашёл весьма уютную лавочку, которая находилась левее клумбы и чуть ниже памятника офицеру. Лавочку собой закрывала высокая бетонная стена, поэтому там можно было спрятаться от всех прохожих, гулявших вокруг. Они сели, Мария снова была в хорошем настроении. Она смеялась и вовсе не стеснялась смотреть Кошкину в глаза. Мария рассказывала что-то про заседание кафедры. Кажется, это была какая-то забавная история, но Кошкин всю её, от начала и до конца, пропустил мимо ушей. Он только и думал о том, как

она красива, смотрел на её манящие губы и внезапно прервал её рассказ вопросом:

Ты будешь меня целовать?

Мария запнулась, затем отвела от него взгляд и робко, едва слышно проговорила:

Если ты хочешь...

Тогда Кошкин подвинулся к ней ближе, обнял её за талию и стал целовать её губы. Больше в этот день они почти не разговаривали, ведь все слова на свете были лишними. Они не видели людей, проходивших мимо, не замечали шум машин, не чувствовали ни тепло солнечных лучей, ни холодный ветер, который вернулся в город ближе к вечеру. Мария и Дмитрий так и сидели на той же лавочке, прижавшись друг к другу, и не отрывая своих губ, пока их не застал врасплох звонок сотового телефона Марии. Звонил её муж Юрий. Спрашивал, почему она сегодня так задерживается на работе. Мария отвечала, что экзамен шёл слишком долго, а затем было ужасно нудное заседание кафедры. Она сказала, что скоро освободится и пойдёт домой.

Уходи от мужа, – сказал Кошкин, когда она положила трубку. – Не стоит так обманывать человека, который тебе доверяет.

А зачем тебе это нужно? – задавала она один и тот же упрямый вопрос.

Как зачем? – удивился он. – Чтобы я мог любить тебя.

Кошкин проводил Марию до дома, но в этот раз они про-

стились немного дальше от того места, где обычно расставались. Мария переживала, что их может увидеть Юрий. Перед тем, как уйти, Кошкин поцеловал её ещё раз.

Учебный семестр подходил к концу. На этот раз Дмитрий смог вовремя сдать все экзамены и ушёл на каникулы ещё раньше, чем официально завершилась сессия. Стояли солнечные летние дни, портовый город задыхался от жары и зноя. Дожди и вовсе покинули эти места, поэтому кондиционеры и вентиляторы работали без перерыва во всех квартирах, магазинах и офисах. Жители города сутками не покидали пляжи, а старики заполняли пироны и поезда, неся на себе огромные сумки и рюкзаки. Все они отправлялись за город в свои деревенские домики, а спустя несколько дней, возвращались в душный город, с под завязку наполненными сумками овощей и ягод.

После сессии Мария и Дмитрий виделись почти каждый день. Они встречались в скверах и парках, гуляли по набережной и один раз сходили в то кафе, где было их первое свидание. Они мало разговаривали во время своих свиданий, ведь не могли оторвать своих губ друг от друга. Дмитрий целовал её шею, её загорелые плечи, а она полностью позволяла распоряжаться собой. Иногда всё же Кошкин старался поднимать тему их отношений и убеждал Марию уйти

от мужа, но она только и делала, что отвечала что-то невпопад заученными фразами: «Я не знаю, как мне поступить» или «Ты прав, нужно с ним расстаться». Но в итоге кардинально ничего не изменялось. В конце концов, и Кошкин решил больше не поднимать эту тему, раз Мария так упорно не хочет сама принимать решения. Он подумал, что, возможно, если их отношения зайдут куда дальше, то Мария сама поймёт, что пора сделать свой выбор.

Но время шло, а ничего не менялось. Они всё так же встречались, гуляли и избегали серьёзных тем для разговора. Кошкин даже не думал на неё давить, считая, что любое решение она должна принять сама, но сложившаяся ситуация всё больше и больше начинала его раздражать.

Чувства Марии трудно было передать. Она заиклилась, никогда в своей жизни ей не приходилось так много лгать, а Юрий упорно не хотел находить что-то странное в том, что его жена всё реже бывает дома и всё чаще встречается с какими-то подружками, да коллегами. Порой Марии казалось, что она и сама не против, чтобы случайно где-то познакомиться, и Юрий сам смог бы всё понять, ведь в таком случае, возможно, эта история разрешилась бы сама собой. Мария и Юрий стали чаще ругаться, хотя казалось, что чаще уже невозможно. Слезы ручьём текли из её прекрасных и печальных глаз. И лишь в те минуты, когда она видела Дмитрия, ждавшего её на улице, в душу снова возвращалась радость, пусть и лишь на считанные часы.

Так, ещё одним жарким июльским днём город дышал жизнью, золотой диск солнца поднимался над портом, в бухту заходили корабли, а на дорогах машины, стараясь перекрычать друг друга, сигналили и гремели своими двигателями. Кошкин ждал Марию всё в том же сквере, на той же спрятанной от чужих глаз лавочке. На нём были надеты тёмно-синие джинсы и белая рубашка. Лоб его был покрыт испариной, солнце жгло нещадно. Где-то совсем рядом были слышны детские голоса, а впереди, в метрах десяти от него, сидела молодая пара и, кажется, они о чём-то спорили, но Кошкин не мог различить слов, которые они говорили, он слышал лишь их неразборчивые голоса. Мария немного задержалась, Кошкин, увидев её, произнёс: «Здравствуй» и поцеловал её сладкие губы. Это очередное их свидание проходило как обычно: они мало разговаривали и много целовались.

Приходи ко мне, – неожиданно произнёс Кошкин.

Зачем? – улыбнулась она.

Я думаю, что ты догадываешься, – ответил он.

Мария сказала, что ей нужно подумать, но, после ещё нескольких поцелуев, ответила, что сможет послезавтра.

А почему не завтра? – спросил Кошкин.

Она ответила, что завтра они с мужем должны ехать на пляж с какими-то их друзьями. Кошкин расстроился, но Мария убедила его в том, что, если завтра она побудет с мужем, то ей проще будет сбежать потом. Дмитрий согласился.

В этот раз им не удалось вдоволь насладиться друг другом,

уже через час Марии позвонил муж и разразился криком, что та опять куда-то пропала. Никогда раньше он на подобное так не злился, а потому где-то в глубине души у Марии зародилось волнение, что муж обо всём узнал. Она быстро попрощалась с Кошкиным и вызвала такси.

Какое-то время Дмитрий гулял в одиночестве и вернулся в свою маленькую, пустую квартирку лишь когда на улице начало смеркаться, и дневная жара уступила своё место вечерней духоте. Во дворе дети играли в какие-то свои игры. Их резвые и звонкие голоса врезались в уши Кошкину, смотрящего на них с балкона. Мария написала Кошкину, что всё в порядке и муж ни о чём не догадался. Она не знала, чем было вызвано его такое поведение и попросила завтра ей не писать, так как муж будет всё время рядом и неудобно будет переписываться. Кошкин не возражал. Позже раздался телефонный звонок, это был Витя Дёмин. Договорились завтра встретиться.

Глава 14

Шейн, Дёмин и Кошкин сидели за красным пластмассовым столиком в маленькой пивнушке. В помещении было прохладно, стены выкрашены в кислотно-зелёный цвет, раздражающий глаза, настенные часы показывали половину десятого вечера, на большом плазменном телевизоре шёл футбольный матч. Кроме Кошкина и его друзей в пивнушке сидели двое мужчин. С виду им можно было дать лет сорок, они были одеты в чёрные кожаные куртки, а головы были выбриты почти под ноль. Они пили светлое пиво, закусывали чесночными гренками и смотрели футбол. Играла сборная России со сборной какой-то мелкой европейской страны. Мужики ругали своих футболистов, то и дело перепрыгивая с темы проблем русского футбола на проблемы всей страны в целом. А в дальнем углу пивнушки сидела шумная компания из парней и девушек: сверстники Кошкина, они явно что-то праздновали. Среди них был один главный заводила, немного пухлый, темноволосый парень, одетый в широкие серые джинсы и розовое поло. В целом, внешний вид его был очень нелепым, верхняя челюсть парня почти полностью лишилась зубов, а потому, когда он в очередной раз поднимал свой лошадиный гогот, изо рта его зияла отвратительная чернота. Позже выяснилось, что парня зовут Серёгой, а праздновали они как раз его день рождения. А пото-

му периодически пивнушку оглушал крик пьяной компании: «С днём рождения, Серёга!». Мужикам, смотрящим футбол, шумная компания, вроде, не мешала, а Кошкин с друзьями старались не обращать на них внимание.

Дёмин, Шеин и Кошкин сидели здесь уже около двух часов. Вместе они осушили третий графин пива. Сегодня впервые за долгое время Дёмин был в действительно хорошем настроении. Он много шутил, и даже его издёвки над Эдиком сегодня звучали как-то «по-доброму», а совсем не агрессивно. Кошкин тоже чувствовал себя хорошо. Было приятно наконец-то немного сменить обстановку и посидеть в компании друзей. За последние месяцы единственной его компанией была только Мария, а от этих сериальных интриг тоже можно устать. Как они и договаривались, сегодня Кошкин ей не писал весь день. Только она сама отправила ему вечером короткое сообщение: «Дима, я ни о чём не забыла! Завтра созвонимся». Но он не смог удержаться, чтобы не рассказать про Марию друзьям всё до мельчайших подробностей. О ней ему хотелось разговаривать как можно больше, и он говорил без остановки обо всём, что приключилось с ним за последнее время. Рассказывал, как они встречаются тайком от всей его группы и, главное, от её мужа. Пытался делиться с ними своими переживаниями, о том, правильно ли он поступает или нет. От друзей Кошкин утаил лишь свои истинные чувства к ней, ему казалось, что в мужской компании говорить о любви непозволительно. Дёмин высказал то же самое, что

и говорил в прошлый раз в подъезде своего дома. А Шеин лишь взглянул на него равнодушным взглядом и произнёс:

А о чём тут париться? Даёт – бери! А дальше хоть чё делай! Дальше уже не твои проблемы.

Ну, как-то совестно становится, – отвечал Дмитрий.

Совестно? Пусть ей будет совестно или мужу её, раз такой близорукий. А во всём остальном это самое обычное дело. Нашёл из чего трагедию лепить.

Но Кошкина такой ответ не устраивал, и он настоял на продолжении темы.

Что тебе интересно? – говорил Шеин. – Однажды я со своей сестрой и её мужем пошёл на хату к их друзьям. Там была одна женатая пара и ещё один наш кореш, – он сделал глоток пива, – так вот пьём мы, отдыхаем. А жена эта, их друзей, такая жирная, что жуть просто. И где были глаза этого парня, когда он на ней женился, ума не приложу, но она настоящий бегемот. Типа, прям жирная, в курсе? Но дело не в этом! Короче, кончились у нас сигареты! Собрались в магазин, а в квартире остались лишь эта жирная баба и тот кореш их. Мы были в магазине не более десяти-пятнадцати минут, а когда вернулись, они уже успели все свои дела сделать! Вот только одеться не успели. Вернулись как раз тогда, когда парень свои штаны натягивал.

Живут люди, – равнодушно промямлил Дёмин.

Понимаешь, Дима? Десять минут! Так эта кобыла умудрилась забеременеть! И что бы ты думал?

Что?

Этот олень ей всё простил, и живут они дружной семьёй! Он, она и ребёнок от их кореша. И людям даже невдомёк твои эти душевные переживания! Всем и даром не сдалась твоя хвалёная совесть.

Шеин улыбнулся во весь рот и деловито почесал кучерявую бороду.

Я однажды, – продолжал он, – целовался с девкой в баре, у которой парень отошёл в туалет. А когда вернулся, она и глазом не повела!

А ты ему не рассказывай о жизни быдла. Этим животным вообще плевать с кем и когда спариваться. Мартышки и есть мартышки, – сказал Дёмин. – Ко всему прочему, у меня история поинтересней найдётся.

Ой, да хорош, – попытался отмахнуться Кошкин.

Нет! Пускай рассказывает, – закричал Шеин. – Тебе уроком будет, а мне интересно просто.

Кошкин равнодушно махнул рукой и почти шёпотом буркнул: «Валяй».

Короче, – начал Дёмин и посмотрел на Кошкина. – Ты помнишь Олю?

Какую Олю?

Ну, та, которая влюблена в тебя была лет пять тому назад! Как же её фамилия...

Савина? – вставил Шеин.

Точно! Савина! – оживился Дёмин. – Дима, ты когда её в

последний раз видел?

Ну, тогда и видел, – ответил он. – Лет пять назад.

Ну, так будет тебе известно, что твой отказ ей послужил почвой к нравственному падению.

В каком смысле?

В том самом. В ту ещё шалаву превратилась. Уж, не знаю есть ли тут твоя вина или нету...

Ближе к делу, – Кошкин запустил пятерню пальцев себе в волосы и сжал их в кулак.

Короче, года три – четыре назад Оля меня на свой день рождения позвала. Был очень странный праздник! Кроме меня там были ещё парней пять и ни одной её подруги. Но самое главное, что там была её мать и её отчим!

Ну, эта история уже интересней моей, – засмеялся Шеин.

Мы забухали с её отчимом, – продолжал Дёмин, не обращая внимание на Шеина. – Сидели на кухне он, я и Толян – пили водку. А в это время! – он прищурил глаза и наклонил голову, как будто собирался рассказать государственную тайну. – Трое пацанов по очереди приходовали эту твою Олю в соседней комнате.

А-а- а, – лицо Кошкина сморщилось, как при виде мёртвой крысы.

Но и это не самое интересное! – продолжил Дёмин, и Шеин разразился неудержимым, истерическим хохотом. – Самое интересное то, что в другой комнате в это же время Валера... Ну вы его знаете... Такой смуглый... Так вот, Вале-

ра, в то время, как мы с Толяном пили водку, а Оля принимала гостей... Валера, – он сделал ударение на его имя, – занимался её матерью!

Да ну, чушь! – закричал Кошкин.

Спроси у Толяна, если ещё свидимся с ним! – парировал Дёмин. – Ну, ты прикинь! Отец семейства пьёт с пацанами водку, а в это время в соседних комнатах жарят его жену и приёмную дочь.

И снова неудержимый хохот Шеина. От смеха у него на глазах выступили слёзы и редкими, блестящими каплями потекли по щекам.

Понял мораль, Дима? – спросил он отсмеявшись.

Какая тут ещё мораль?

А такая, что морали нет! – сказал он, едва сдерживая смех. – Всему миру не хрен не упала твоя совесть и твои чувства. Все друг другу изменяют и плюют в душу. И это ещё неизвестно, хорошо или плохо узнать о том, какая твоя жена шлюха!

Полегчало, братан? – заулыбался Дёмин.

Вас послушаешь – так все бабы проститутки, – с какой-то грустью произнёс Кошкин.

А ты как будто вчера родился, – сказал Шеин. – А вообще ты прав, хотя и парни ничуть не лучше. Но общество эволюционирует, и ты думаешь, что кого-то осудят за измену? Да подружки твоей англичанки только порадуются за неё, а она и глазом не поведёт. Или ты думаешь, что она, как Каренина,

под поезд бросится? – он замолчал не секунду, затем произнёс. – А что ты против проституток имеешь?

Вот не начинай заново свою песню! – сказал Кошкин.

Пошли курить, чуваки, – закончил разговор Дёмин.

Они вышли на улицу. Был тихий и спокойный вечер, лишь изредка одинокие машины нарушали тишину рёвом своих моторов. Подул тёплый, лёгкий ветерок. В тишине тлели три одиноких уголька сигарет. Шеин, матернувшись, плюнул на грязный асфальт. Молча покурили и вернулись обратно в помещение, там Серёга из соседней компании что-то эмоционально рассказывал своим друзьям. Кажется, это была история, как ему удалось переспать с какой-то подругой. Мужики, смотрящие футбол вдруг оживились и радостно завопили, обнимая друг друга: Россия забила гол. И в этот момент из их разговора пропали проблемы не только нашего футбола, но и у всей страны, по-видимому, они тоже испарились. Подслушав их разговор, Шеин улыбнулся и посмотрел на друзей:

Быдло за страну радуется, – говорил он.

Пускай радуются, – ответил Кошкин.

Я вот вообще не понимаю чувство патриотизма, – гнул свою линию Шеин.

Всё ты понимаешь, – отвечал Кошкин. – Просто в России тяжело быть патриотом и адекватным человеком одновременно.

Естественно, – ответил Шеин. – Ведь это абсолютно про-

тивоположные вещи.

Вот как?

Да, – его лицо приняло серьёзный вид. – Да ты и сам знаешь, что патриотизм – это искусственное чувство, подогреваемое властями для собственной выгоды.

Ну, это если смотреть под таким углом, то да.

А ты под каким смотришь? – сказал молчавший до этого Дёмин. – Лично я считаю, что еврей прав.

Ты сам посуди, – говорил Шеин, смотря Кошкину прямо в глаза. – В чувстве патриотизма логики нет. Ты считаешь, что твоя страна лучше других только потому, что ты здесь родился! Тебе не кажется, что это немного тупо и лицемерно? Ко всему прочему, ты сам задумывался, что именно ты любишь? Любишь свои родные захарканные подъезды? Любимое быдло в спортивках на лавочках? Мусоров, которые посадят тебя за лайк в соцсетях? Или тех, кто стуканёт на тебя им? Ты любишь непонятно что. И ходишь гордый, что родился русским, как последний идиот. Только человек, который в своей жизни не смог добиться ничего стоящего, будет гордиться заслугами своей страны, как своими собственными. В любой ситуации такие неудачники вспоминают красный флаг над Рейхстагом и Гагарина, забывая, что это не они ставили флаг, и не они летали в космос. И, главное, как, скажи мне, можно гордиться тем, что ты русский, если это всего лишь случайность?

Шеин замолчал. Он расстегнул две верхние пуговицы на

своей бежевой клетчатой рубашке, и под ней показалась зелёная футболка. Его лицо покраснело, а лоб полностью покрывала испарина. Он посмотрел на Кошкина самодовольным лицом, ожидая ответа, но вместо него заговорил Дёмин:

Любить рашку может только идиот, – спокойно проговорил он. – Вон смотри на всех этих ребят, – его глаза скользнули по всей пивнушке, – вот такое быдло, живущее в дерьме, обожает своё дерьмо. И не дай бог, ты скажешь что-то плохое про это! Вон подойди к тем двум мужикам и скажи им: «Мне не нравится жить в России». Через пару секунд тебе выбьют зубы с криком: «За Родину».

Ага, – перебил Шеин. – Люби Россию, урод!

Русские необычайно мерзкие люди с комплексами Наполеона, – продолжил Дёмин. – Всё они смотрят на себя, как на великую империю, которой уже больше двадцати лет нету. Всё они плачут, что гадкие американцы им палки в колёса вставляют. И кричат, как им плевать на эту Америку, как они независимы от них, но с вожделением ловят каждый комментарий американцев про Россию в интернете. Даже, чёрт, по телевизору показывают, что там американцы про нас пишут. Страна маленьких пьяных девочек.

Вы слишком пессимистично на это смотрите. На мой взгляд, тут, как и везде, нужно найти золотую середину... – начал было Кошкин.

У нас в стране нет золотой середины, – перебил его Шеин. Дай сказать, – огрызнулся Кошкин. – Главное соблюдать

гармонию. Можно просто любить свою страну и, например, также хорошо относиться к другим странам. Патриотизм – это так же желание сделать страну лучше.

Ты живёшь в Мордоре, придурок, – опять перебил Шеин. – Ты Мордор лучше сделать решил? На твоё несчастье, ты вырос не орком, так что лучше помалкивай. В России двадцать первого века не очень жалуют наличие ума. В России патриотизм – это синоним ненависти к Америке, Европе и всем другим, кому больше нас посчастливилось родиться в нормальных странах.

Я не говорю, как оно есть сейчас! Я говорю, как оно должно быть, –говорил Кошкин.

Я, Дима, понял, что ты хочешь сказать, – вмешался Дёмин. – Но такое слишком сложно для таких умов, как, например, вот эти, – он снова указал на шумную компанию.

Хотите, я вам в двух словах объясню, что такое патриотизм в России? – спросил Шеин.

Друзья сначала молчали, затем Кошкин махнул рукой.

Патриотизм в России – это ненависть ко всем другим странам и их жителям. Во всех отношениях люди из других стран просто чушки и ничтожества по сравнению с нашим великим русским быдлом. Патриотизм в России – это преданность режиму, в частности, преданность к конкретному человеку, стоящему у власти. Ты можешь хоть обожествлять свою Родину, но если ты сказал что-то против власти, то прости – ты предатель. Патриотизм в России – это, как ска-

зал Витя, любить дерьмо, в котором ты живёшь. Если кто-то критикует страну и предлагает постараться что-то изменить в лучшую сторону, то это такой же предатель, – Шеин сделал небольшую паузу, чтобы выпить пива, затем продолжил. Кошкин и Дёмин молча смотрели на него. – Если ты видишь проблемы страны и говоришь о них, если хочешь, чтобы страна стала лучше, если считаешь, что наша власть только ворует и больше ничего не делает, то в России ты, Дима, не патриот. В России ты либеральная мразь. Патриот в России – это кричать: «Крым наш», это кричать: «Сорок пятый год – можем повторить». Короче говоря, патриотизм – это самая глупая вещь, которую можно было выдумать. Это чувство присуще лишь идиотам, и подогревается с помощью пропаганды по телевизору. Посмотрите на украинцев! В России смеются и злятся, как «тупые хохлы» нас ненавидят и винят Россию во всех своих бедах. Да, хохлы те ещё идиоты, но мы, русские, ничем от них не отличаемся! Мы такие же бараны, винащие во всех своих проблемах жидов и американцев.

Кошкин молчал, не зная, что ответить. В помещении стало невыносимо жарко и шумно. Разум мутнел из-за выпитого алкоголя, Дмитрия тянуло спать.

Ты прав, Эдик, – наконец ответил он. – Но так не должно быть. Я понял, что часто нет плохих идей, есть только плохие люди. У человека есть врождённый талант – способность портить любую хорошую идею или учение. Патриот-

тизм в России именно такой, каким ты его показал, но повторюсь, так быть не должно! Я не знаю, специально или нет, но нам навязывают идею, что любовь к своей стране строится на ненависти к другим. Но разве может любовь рождаться из ненависти? Патриотизм – это именно не любить захарканный подъезд, а прибраться в нём и сделать его чистым и красивым.

Вот только у нас, если ты заикнёшься, что подъезд грязный и в нём нужно прибраться, то тебя обвинят в заговоре и скажут, что ты работаешь на Америку, раз не любишь харчки в своём родном подъезде, – сказал Шеин.

Это так, но лишь от того, что люди у нас живут шаблонами: либо белое, либо чёрное. Но нужно уметь находить компромиссы. Нужно понимать, что если вечно оглядываться на прошлые заслуги, то невозможно будет добиться новых. Ну а обожествлять человека, сидящего у власти – это вообще занятие опасное, тут даже примеры из истории приводить не надо.

Дмитрий хотел ещё что-то добавить, но его прервали. К ним за стол неожиданно сел тот самый Серёга из шумной компании по соседству. Он окинул друзей своим пьяным, косым взглядом. Его розовое поло было мокрое от пота, на лоб свисали чёрные, неряшливо растрёпанные волосы. Он широко улыбнулся своим беззубым ртом и выдал короткий смешок. Продолжая сидеть в полной тишине, он начал тарабанивать пальцами рук по столу.

Чего хотел? – раздражённо спросил Дёмин.

Серёга снова издал свой короткий смешок, и молчал ещё несколько секунд, затем, наконец-то, произнёс:

Пацаны, сиги есть?

А у вашей компании все вышли? – посмотрел на него Дёмин.

Представляешь, братан, кончились! – ехидно проговорил Серёга. – Мы подумали, может у вас пачка найдётся, а то людей много – всем курить хочется.

Кошкин и Шеин переглянулись. Этот разговор добром кончиться не мог. Дмитрий скользнул взглядом по пивнушке. Отвлечённые разговором, они и не заметили, как те двое мужиков ушли, досмотрев футбол. Компания Серёги явно выросла, Кошкин насчитал десять человек, но из них было четыре девушки.

Пачки не наберётся, братан, – ответил Дёмин. – Но тебя угостить можем, – он запустил руку в карман, вытащил пачку, затем достал одну сигарету и протянул Серёге. – Тут в двадцати метрах от нас магазин есть, там можете купить сигарет.

Снова ехидный смешок и беззубая улыбка. Из-за отсутствия зубов, Серёга шепелявил, что сильно подрывало его желание казаться грозным в глазах своих оппонентов. Он протянул руку, широкая ладоньхватила белоснежную сигарету из пальцев Дёмина. Глаза его сияли свинцом, а лицо побагровело и стало чётче видно редкие веснушки по обеим

сторонам его широкого носа.

Короче, друзей моих обидеть решил? – сказал он. – Сигареты пожалел для них?

Друзей твоих никто не обижал... – начал было Кошкин.

Так, – перебил его Серёга и указал на Дёмина. – Я с ним разговариваю.

На лице у Шейна мелькнула улыбка.

Так чё? – продолжил он. – Тебе жалко для моих пацанов сигарет? Ты чё-то к нам без уважения как-то.

Братан, – сквозь зубы процедил Дёмин. – Да мне ваще похеру на твоих пацанов.

Слышь? – взорвался Серёга. – Ты чё базаришь так? В себя поверил? Может, мы выйдем на улицу побазарим?

Тебе на месте не сидится или крутым себя чувствуешь, когда рядом друзей много? – сказал Дёмин и глаз его задёргался. Кошкин знал, что это недобрый знак – Дёмин теряет самообладание.

А чё мне друзья? Чё мне друзья? – завёлся Серёга. – Они просто рядом постоят, а разбираться мы будем! Или зассал?

Дмитрий оглядел пивнушку и понял, что все взгляды направлены на них.

Я думаю, что это ты ссыкло, братан, – закричал Дёмин. – При корешах закукарекал! Был бы ты тут один, обоссался бы к нам подойти.

Ты так заговорил, да? – закричал Серёга, брызжа слюной. – Ну, я тебя на улице жду, мразь! За свой базар будешь

на коленях прощение просить!

Он демонстративно встал из-за стола и направился к компании своих друзей. Что-то говорил им, иногда поворачиваясь в сторону Дёмина. Затем, сделав большой глоток тёмного пива, он и его компания направились на улицу. Одна из девушек в чём-то убеждала Серёгу, называя его «психом» и «идиотом».

Вить, у тебя нож с собой? – спросил Кошкин.

Конечно! Я без него на улицу не выхожу.

Думаю, нам пора, – сказал Шеин.

Они допили остатки пива и засобирались в сторону выхода. Эдик Шеин выходил первым, город уже окутала тьма ночи. Сама пивнушка находилась в весьма неприглядном месте, на цокольном этаже грязно-розовой пятиэтажки. Выход из неё располагался со стороны двора, а потому ночью это место освещалось лишь парой тусклых фонарей и светом из окон дома. На асфальте валялись раздавленные пивные банки и осколки бутылки из под дешёвой водки. Рядом с входом стояла урна для окурков, но, как и положено, все окурки лежали вокруг урны, а не в ней. Трое друзей покинули здание, взору их открывалась картина: Серёга силился перед своей компанией, травил плоские шутки, отвечая самому себе короткими смешками. Кошкин почувствовал, как страх заполняет его тело, сердце стало биться чаще. Он закурил, Шеин тоже достал сигарету.

А говорите, сигарет нет, фраеры! – закричал Серёга, за-

метив их.

Вот же развёл шумиху, – прошептал Кошкин.

Серёга подошёл к Дёмину и заглянул ему прямо в глаза, он искал в них страх. Но Дёмин уже достаточно выпил, и безумие его не давало место страху. Так они смотрели в глаза друг другу несколько секунд, пока вдруг Серёга не загоготал лошадиным смехом, оголяя свою полупустую челюсть:

У бедняжки глаза от страха дёргаются! – смеялся он, отворачиваясь от Дёмина и тыча на него пальцем. Затем отошёл на пять шагов и снова повернулся в сторону Вити, – Нессы, пацан, извинишься, и я тебя отпущу!

Серёжа, давай заканчивай, – крикнула та девушка, что спорила с ним в помещении.

Закончим, когда эта мразь извинится за свой базар! – заверещал Серёга. Шепелявость и покрасневшее лицо придавало ему вид капризного ребёнка.

Стой, мужик, какой базар? Ты сам к нам подошёл... – затараторил Шеин.

Слышь, быдло! Извинений ты не дождёшься! – неожиданно крикнул Дёмин.

Сначала Серёга потерялся, он думал, что Дёмин слишком напуган, чтобы крикнуть ему такое. Затем оскалился беззубой пастью, и, закричав какие-то неразборчивые маты, как озлобленный медведь, бросился на Дёмина. Тот смог увернуться от первых двух ударов, но третий достиг своей цели. Серёга от всей души врезал Дёмину в челюсть и, пока тот не

смог опомниться, дважды врезал ему по лицу. Один из ударов пришёлся ему прямо в нос, Дёмин рухнулся на землю. Губы его взбухли, нижняя была разбита. Из носа тоненьким ручейком бежала алая кровь, он чувствовал солёный привкус во рту. Всё это произошло за считанные секунды так, что ни Кошкин, ни Шеин не успели на это даже среагировать, как Дёмин уже лежал спиной на грязном асфальте. Серёге этого было недостаточно, в глазах светилось что-то бесноватое, он ходил из стороны в сторону, выкрикивая маты и требования извиниться. Кошкин подбежал к Дёмину и стал помогать тому встать, как вдруг Серёга закричал: «А ну упал, сука!», и снова бросился в бой. Кошкин преградил собой Дёмина, но Серёга закричал друзьям, чтобы те держали его и Шеина. Двое схватили Диму и отволокли от Дёмина, Шеину врезали в челюсть и толкнули в противоположную сторону. Раздался девичий визг. Дверь пивнушки приоткрылась, показалось лицо владельца. Маленький, пухлый в талии грузин сверкнул чёрными глазами на происходящее, шмыгнул большим горбатым носом и поспешил скрыться от беды подалее обратно за дверь.

Парни, ваш друг не прав, дайте мы заберём своего человека и разойдёмся... – говорил Кошкин тем двум, что оттащили его от Дёмина.

Сами разберутся, не лезь, – отвечал длинный, худой парень с белобрысыми кудрями на голове.

Но сам Дёмин не собирался сдаваться. Пока Шеина и

Кошкина оттаскивали в сторону, он смог подняться и даже несколько раз с силой врезал Серёге. Два удара легли в корпус тела, и один нашёл его левый глаз. Серёга закрыл лицо руками, затем снова выкрикнув беспорядочные маты, бросился на своего соперника. Он бил его нещадно, на лице застыла ужасающая гримаса, длинные волосы взъерошились, и чёлка падала ему на глаза. Дёмин закрывал лицо руками, старался контратаковать, но противник был гораздо сильнее его, и бой, как казалось, будет неизбежно проигран.

Звуки ударов, крики, маты, девчачьи голоса заполнили мирно спящую улицу. Из окон высовывались люди, разбуженные пьяной потасовкой. Старушечьи голоса грозились вызвать милицию, мужские просто требовали всем заткнуться и разойтись. Не понятно было, сколько уже длился бой. Наверное, не более пяти минут, но всем, кто был замешан, казалось, что время остановилось и не движется с места. Кошкин пытался убедить тех, кто его держал, чтобы они помогли ему закончить эту бессмысленную драку, но его не хотели слушать, отвечая лишь: «не вмешивайся» или «не твоё дело». В это время Дёмин терял последние силы, лицо его было залито кровью так, что под ней не видно было глаз. Рот был полуоткрыт, туда затекали тонкие струйки крови, обе губы разбиты. Удар! И Дёмин беззащитно трусит назад. Удар, ещё удар! Что-то хрустнуло, он почувствовал режущую боль, которую ни с чем не спутать – Дёмину выбили зуб или несколько зубов, он не мог разобрать. Рот залила

кровь, он больше ничего не чувствовал, кроме солёно-горького привкуса. Попытался собраться и атаковал оппонента, первый удар пришёлся куда-то в область головы, но второй не достиг цели. Серёга ловко увернулся от бесполезных попыток Дёмина ещё что-то изменить в этом сражении и нанёс несколько сокрушительных ударов в ответ. Дёмин упал на землю в очередной раз, но теперь не нашёл в себе силы подняться. Он лежал на холодном асфальте, чувствуя спиной каждый камешек. Его лица коснулся прохладный ветерок, освежая горячую кожу. Стало трудно дышать, он сплюнул в сторону сгустки слюны и крови. На опухших глазах выступили слёзы, невидимые из-за красной пелены, покрывающей лицо. Серёга словно обезумел, не испытывая ни жалости, ни сочувствия, он как лев гордо расхаживал над беспомощным телом Вити Дёмина и кричал не своим, истеричным голосом: «Извиняйся, тварь! Извиняйся, сука!». Было такое ощущение, что он и сам уже давно забыл, что именно плохого ему сделал этот окровавленный бедолага, лежавший на асфальте. У Дёмина был жуткий вид: если бы не частое дыхание и периодические сухие всхлипывания, то можно было подумать, что на земле лежит изуродованный труп. Кошкин пытался достучаться до парней, что его держали и слышал, как где-то рядом о чём-то неразборчиво тараторит Эдик Шеин. Слышал шепелявые слова Серёги, тот продолжал ходить из стороны в сторону, иногда сплёвывал кровавые слюны через щель, образовавшуюся за неимением зубов. Дёмин одним из

своих ударов смог разбить ему губу.

Неизвестно, как бы развивались события дальше, но внезапно помощь пришла откуда не ждали. Вдруг из-за угла дома вылетели трое крепких парней. В темноте ночи и под тусклыми фонарями улицы, Кошкин не смог разобрать их лица. По всей видимости, кавалерия прибыла на звуки бешеного крика Серёги.

А чё тут за параша происходит на моей улице?! – завопил сиплый, сильно прокуренный голос. Кошкин не знал этого человека. Он был выше его примерно на полголовы, а в плечах превосходил вдвое даже Серёгу.

Вы, пацаны, шо тут за беспредел чудите? Почему на весь район ваши крики обезьяньи слышны?! – кричал другой, сильно гнусавый голос. По всей видимости, у этого парня была волчья пасть или какой иной дефект, но понимать его слова было очень тяжело.

Третий из прибывших пока не проронил ни слова. Львиная храбрость, державшая Серёгу ещё недавно, внезапно покинула его. От неожиданности и быстроты сменяемых событий, он потерялся, и его пьяный рассудок теперь пытался уловить происходящее. Глаза каждого теперь были устремлены на троих неизвестных, пытаясь понять, чьи они друзья и на чьей они стороне. Девушки держались друг друга. Когда появились неизвестные, они, как по команде, сделали одновременно четыре шага назад и прижались одна к другой, как будто это могло их спасти в случае угрозы.

Ну и кто мне объяснит, чё тут происходит? А? – кричал сиплый голос, сплёвывая на землю слюни через каждые два-три слова. – Куда языки засунули? Чё не поделили, черти?

Но все продолжали молчать. Кошкин взглянул на Шеина, тот поймал его взгляд. Эдик улыбнулся уголками губ, страха в его глазах не было абсолютно. В этом был весь Шеин – найти смешное даже в самом жутком деле. Вот чего Кошкин не мог сказать про себя, ему было именно страшно. Он посмотрел на бедного Дёмина, тот смог немного прийти в себя и уже не лежал, а полусидел на асфальте, трогая лицо и рассматривая испачканные кровью руки.

Чё тут спрашивать? – начал Серёга. – Наши разборки никого не касаются!

Ты побазарь мне тут, чёрт! – ответил сиплый. – То, что происходит на моей улице, всегда меня касается.

Кошкин удивился тому, как парень обозначает эту улицу «своей», ведь за все двадцать лет жизни он ни разу его здесь не видел.

Пацан косякнул, мы разбираемся, – говорил Серёга.

Я ща с тобой разберусь, умник, – кричал в ответ сиплый. – Я не понял! Вы чё думаете, что всё чё угодно можете на моей улице творить? – он сплюнул на асфальт и подошёл ближе к Серёге. Вся группа, державшая Шеина и Кошкина тут же бросилась в сторону своего друга. Гнусавый и тот, что пока молчал, также направились к ним. Началась словесная перепалка, но пока ни одна из сторон не решалась нанести удар.

Кошкин воспользовался тем, что о них забыли, и в полголо-са приказал Шеину хватать Дёмина и уносить ноги.

Слышь, – вдруг крикнул гнусавый, обращаясь к Кошкину. – Поди сюда, пообщаемся.

Мысленно выругавшись, Дмитрий подошёл к толпе, в это время Шеин приподнял Дёмина и облокотил его на плечо. Из кровавого месива, закрывавшего за собой лицо, на него взглянуло два голубых огонька глаз несчастного Вити Дёмина, он что-то сказал ему, но Эдик не смог разобрать слов и просто потащил его за угол дома.

Давай вещай, чё было и в чём косяк вашей стороны? – деловито, как на суде, спросил сиплый Кошкина.

Дмитрий принялся рассказывать о том, что произошло между Дёминым и Серёгой, стараясь не упускать мельчайших подробностей. Кошкин видел, как Шеин и Дёмин исчезли за пятиэтажкой, и вдруг почувствовал себя таким одиноким и беззащитным перед этими отморозками, что стояли в полукруге перед ним. Каждая пара полупьяных и безумных глаз в тот момент смотрело прямо в зеркало души Дмитрия Кошкина. Ему было так страшно, как не было уже давно, но он тщательно следил за тем, чтобы его голос даже не дрогнул и не выдал его первобытный ужас. Серёга стоял рядом с сиплым парнем и тяжело дышал через рот. Губы его были алые, раскрашенные кровью, будто губной помадой, до подбородка спускался красный подтёк. Изредка Серёга сплёвывал кровавые слюни на асфальт через полупустую верхнюю

челюсть.

Чё вы этого черта слушаете, пацаны?! – вдруг закричал он. – Лечит он всё! Я падлу за версту чую, а он вам по ушам катается, отвечаю! – Кошкину не удалось закончить, Серёга прервал его на половине рассказа. Дмитрий никак не отреагировал на выкрики Серёги, он замолчал и сухо посмотрел на сиплого парня, будто искал в его лице защиту.

Я тебе слово давал, а? – будто отвечая на немую просьбу Кошкина, закричал сиплый. Затем ткнул пальцем в сторону Дмитрия. – Он сейчас говорил! И по его словам, ты беспредел учинил!

На секунду наступила тишина, и даже можно было слышать, как где-то рядом, в траве, кузнечик заводит свою скрипку. Кошкин увидел, что девушки удаляются куда-то в сторону, обратную стороне, куда ушли Шеин и Дёмин. Но покой длился лишь секунду. Сиплый посмотрел в глаза Серёге и закричал совершенно взбешённый:

Я не понял, пацаны, вы чё ещё не поняли, с кем вы базарите? Может мне решить вопросы так, как я их решаю обычно? Может мне достать нож и порезать каждого здесь? Я могу! – с этими словами рука его скользнула в карман куртки, и уже через секунду в ней очутился складной нож, который он направил в сторону Серёги, затем медленно провёл его по полукругу, минуя всю его компанию, и остановился перед лицом Кошкина. Он явно блефовал. Этот сиплый мог быть кем угодно, но только не хладнокровным убийцей, и Дмит-

рий чувствовал это. Однако в эту секунду ему вовсе не хотелось рисковать, чтобы проверить верность своей догадки.

Спокойно, мужик, – едва слышно сказал кучерявый парень из компании Серёги.

А ты меня не успокаивай, бес! – закричал сиплый.

То, что произошло дальше, ещё долго не укладывалось у Кошкина в голове. Это случилось за считанные секунды так, что никто из присутствующих не успел среагировать. Внезапно Кошкин почувствовал, как чья-то рука сзади упала ему на плечо и силой оттолкнула в сторону. Он упал на холодную пыльную траву и сильно ударился локтём о камни. Посмотрел вверх, в темноте было трудно разобрать, кто его толкнул, но он уже слишком давно знал Витю Дёмина, а потому сразу узнал силуэт нападающего. В свете редких фонарей блеснуло лезвие ножа, но не того гнусавого отморозка. Это было серебристое лезвие складного ножа Дёмина, сжатого в кулаке. Оттолкнув Кошкина, он бросился прямо и схватил Серёгу за горло. Раздался крик, но никто не успел ничего сделать, Дёмин вонзил лезвие Серёге в район живота, затем оголил оружие, окрашенное кровью, и вонзил снова, но в этот раз чуть выше. Злость мигом сошла с лица Серёги, на смену ей пришла растерянность, и он, едва слышно прошептав короткое матерное слово, медленно сел на холодную землю, держась за рану одной рукой и облокотившись на асфальт другой.

Твою мать, – заорал кто-то из компании Серёги.

Нож! – Кошкин не мог разобрать, кто именно закричал. – У этого придурка нож!

Началась паника. Парни из компании Серёги не знали, что делать, кто-то из них сел рядом с раненым другом, пытаясь узнать о его самочувствии, а кто-то начал выкрикивать проклятия и угрозы в сторону Дёмина. «Псих! Ты чё псих?», – кричал тот парень из отморозков, что молчал до этого момента. Гнусавый и сиплый отступили на два шага назад. Сиплый выставил нож перед собой на расстояние вытянутой руки и направил в сторону Дёмина. Он что-то кричал, и Витя, чувствуя от него угрозу, тоже направил окровавленный нож на него. При свете равнодушной луны и тусклых фонарей тихой улицы, эти двое выглядели, как два рыцаря, встретившиеся на поле брани, готовясь к своей последней битве. Из-за угла дома выбежал Шеин, заметив Кошкина на земле, поспешил к нему, но затем взгляд его поймал раненого Серёгу. На лице возникла гримаса понимания, что произошло нечто страшное, нечто непоправимое. Кошкин поднялся с земли и шепнул Дёмину на ухо:

Витя, ты делов натворил... нужно уходить...

Тот, что сидел возле раненого Серёги, вдруг встал, и Дёмин машинально направил нож в его сторону.

Сп... спокойно, – заикался тот. – Нам бы его в боль... больницу...

Внезапно проблем стало ещё больше, хотя казалось, что больше просто некуда. Вдалеке раздалась полицейская сире-

на, с каждой секундой приближавшаяся к месту происшествия. Неизвестно, кто вызвал полицию. Это могла быть одна из тех старушек, что грозилась ей ещё с самого начала потасовки, или это мог быть горбоносый грузин, владелец этой проклятой пивнушки. Но шпана есть шпана и с полицией связываться не хотелось никому.

Мусора! – гавкнул гнусавый – это послужило командой к расходу. Все тут же бросились врассыпную. Сиплый со своей компанией исчезли через секунду во тьме, а друзья Серёги, взяв его под руки бросились в противоположную сторону, наверное, в травмпункт.

Доигрались, козлы! – визжал девчачий голос вдалеке. – Так и знала, что на каких-то психов нарвёмся!

От этой пивнушки до дома Вити Дёмина пешком можно добраться за двадцать минут, но друзья бежали так быстро, что Кошкин готов был поспорить, что они добрались до него не более чем за пять. Звук сирены остался далеко позади. Запыхавшись, они остановились отдышаться около входа в подъезд. Шеин сплёвывал резиновые слюни на асфальт, Кошкин чувствовал привкус крови во рту. Все молчали, боясь нарушить столь долгожданную тишину. Окрашенный в красный цвет, нож всё ещё был зажат в руке Дёмина, но лезвие он успел спрятать, по всей видимости, прямо на бегу.

Может его выбросить нужно? – наконец нарушил тишину Шеин, глядя на нож Дёмина.

Пошёл ты, урод, – выругался тот.

Витя, а если он умрёт? – едва слышно сказал Кошкин.

Пусть сдыхает! – закричал Дёмин. – Падла это заслужила. Хоть каждый день такое быдло резал бы.

Шеин и Кошкин переглянулись.

Вы чё, свиньи? – заметил он их взгляд. – По-вашему, я тоже псих? Давайте! Скажите, что мне место в дурке! Каждый из вас, ублюдков, готов спорить, об этом каждый день думал! Каждый день, когда смотрел мне в глаза и улыбался своей самодовольной улыбкой! Вы, мрази, должны там же лежать в луже крови! Отличный вам вид открывался на то, как меня эта горилла избивала? Ссыкуны хреновы! Ненавижу вас, сукины дети!

С этими словами он открыл дверь домофона и скрылся в тёмном подъезде. Хлопнул магнит на двери, Кошкин и Шеин остались одни.

Что было, когда вы ушли? – спросил Дмитрий.

Думал его домой отвести... – начал Шеин. – Он сопротивлялся, кричал какие-то проклятия. Затем резко вырвался от меня и побежал в вашу сторону... дальше ты знаешь.

Какое-то время они продолжали молча сидеть у подъезда. Ночь снова превратилась в тихую и спокойную, все свои буйства оставив позади. Они скурили одну сигарету на двоих и, попрощавшись, пошли каждый в свою сторону.

Дмитрий вызвал такси и уже через десять минут сидел в прохладном салоне новенькой иномарки. Он проезжал мимо той пятиэтажки, где всё произошло, но в темноте не смог

разобрать есть там кто-нибудь или нет. Лишь поздно ночью, вернувшись домой, Кошкин взглянул на себя в зеркало и увидел, что вся его одежда была измазана грязью и кровью.

Глава 15

Кошкин плохо спал той ночью, но в этот раз не боязнь темноты не давала ему сомкнуть глаз, а навязчивое чувство вины. Его лучшего друга избивали прямо у него на глазах, а он, вместо того, чтобы вступить за него, трусливо стоял, не в силах что-либо сделать. Каждую минуту в его глазах возникало окровавленное лицо Дёмина, тот девчачий визг и растерянное лицо отморозка Серёги, который, держась за свой живот, вдруг осознал всю величину сделанной им ошибки. Что с ним стало, Кошкин не знал. Возможно, его друзья смогли дотащить его до больницы. А что, если он умер? А что, если они не смогли уйти от полиции, и в этот самый момент он даёт показания на Дёмина, Шеина и самого Кошкина. Интересно, он запомнил их лица? Там было так темно, что даже не будь он мертвецки пьян, то вряд ли смог их запомнить. Но ведь он видел их, когда сидел внутри пивнушки! Да и если не он, то хозяин заведения их точно запомнил. Дмитрий стал вспоминать, называли ли они друг друга по именам во время потасовки, но так и не смог воспроизвести всю картину прошедшего вечера целиком. Он лежал на диване, уткнувшись в потолок. Раз в пятнадцать – двадцать минут он выходил на балкон и закуривал сигарету. В темноте одиноко светил уголёк. Было тепло и тихо. Так ти-

хо, что невозможно было поверить, что все эти ужасы произошли именно в эту спокойную ночь. Мимо пронеслись редкие машины такси, один раз идиллию тишины нарушил огромный грузовик, который, гремя прицепленным грузом, ехал в сторону порта. В районе четырёх часов утра, разум Кошкина сдался, и он погрузился в сон.

Но и во сне он не нашёл покоя. Всё ночь ему снились крысы. Как будто целая куча крыс наполнили его ванну, выползая из вентиляционной трубы, и копошились мерзкой грязно-серой массой. Кошкин вышел из ванны, но к своему ужасу увидел, что вся остальная квартира также кишит крысами. Одна из крыс подбежала к Дмитрию и укусила его за ногу. Он со всей силы пнул её куда подальше, но через секунду все крысы в квартире прыгнули на него, вцепляясь в кожу грязными зубами.

На следующий день от Вити Дёмина не было никаких вестей. Дмитрий несколько раз звонил ему на мобильный, но голос автоответчика неизменно повторял: «Абонент временно недоступен». Кошкин оглядел свою квартиру и понял, что она как раз больше похожа на подвал с крысами, чем место, куда следует пригласить девушку. Он написал Марии, их свидание всё ещё было в силе. Кошкин спросил, чем её угостить, Мария ответила, что ничего особенного не хочет, но если у него найдётся бутылочка вермута, то она от него не откажется. Он больше не думал о Дёмине или Шеине, все его мысли снова заполнила собой только Мария. Дмитрий при-

нялся за генеральную уборку квартиры, затем сбегал в ближайший магазин, слава Богу, там был вермут. Вернувшись, домой, он открыл шкаф с одеждой и долго размышлял над тем, что ему надеть. В конце концов, остановился на недавно купленной зелёной рубашке в клетку. Звонок телефона – это была Мария. Она сказала, что через десять минут будет на остановке, рядом с его домом, и просила встретить её. Дмитрий посмотрел на часы – Мария задерживалась на двадцать минут. Он второй раз за день побрызгался дезодорантом и почистил зубы мятной пастой, затем вышел на улицу. Был очень жаркий день, на небе невозможно было разглядеть ни единого облачка, а лишь испепеляющий, огромный золотой шар солнца, даривший городу свои горячие лучи. Дети радостно бегали по двору вокруг дома Кошкина. На их загорелых, покрывшихся веснушками лицах сиял свет радости и беззаботности детства. Они молниеносно проносились мимо прохожих и старушек, сидевших на лавочках в тени и даже в такой жаркий день кутающихся в толстые свитера, ибо их бледные тела давно потеряли свойство согревать. Где-то совсем рядом был слышен шум отбойного молотка, рабочие делали дорогу, заставляя машины образовывать большие пробки, огромной змеей тянувшиеся от железнодорожного вокзала и, скорее всего, до самого фуникулёра. Бедные владельцы автомобилей включали кондиционеры на полную мощность, как будто старались вернуть холодную зиму. Их машины нагрелись до такой степени, что способны были об-

жечь каждого, кто имел неосторожность коснуться их раскалённого метала. Кошкин подумал, что в такое жаркое воскресенье полгорода решит отправиться на пляжи, а потому пробки будут не только в центре, но и по всему городу. Вот и Мария задерживается, скованная в тесные объятья города.

Дмитрий проходил мимо девятиэтажек, бельевых площадок и цветочных клумб. В тени дома, за зелёными кустами, он разглядел мирно спящего бомжа. Наконец-то, Кошкин добрался до автобусной остановки. Сел на старую лавочку, наскоро покрашенную в бледно-синий цвет, закурил сигарету и снова вспомнил про Дёмина. Витя так и не перезванивал ему, и в душе засело какое-то недоброе предчувствие. Стал вспоминать вчерашний день. Снова лицо Дёмина, закрытое пеленой крови, девчачий визг, затем те трое отморожков, взявшиеся неизвестно откуда. Вспомнил тот животный страх, который он испытывал, оставшись там совершенно один, а затем... затем Витя вонзает нож в живот того парня. Воспоминания рисовали кровь на лезвии, и как оно снова вонзается в мягкую плоть. Интересно, что с ним случилось? Жив ли он? И что с Витей? Его психика очень хаотична, и, пока всё спокойно, она может никак не проявлять себя. Но то, что случилось вчера, явно снова оживило его сумасшествие. Как он на это отреагирует?

Подъехал автобус. Чёрный, горячий выхлоп окрасил воздух в угольный цвет, запахло бензином. Кошкин встал, пытаясь разглядеть в салоне Марию, но её там не было. На оста-

новке вышла молодая пара, обоим не более двадцати пяти лет. Низенькая блондинка и коренастый парень, примерно, одного с Кошкиным роста с длинными светло-русыми волосами. Они прошли мимо него, совсем его не замечая. Дмитрий посмотрел им вслед. «Интересно, а эти изменяют друг другу, – вдруг подумал он. – А с виду и невозможно понять. И как же люди только умудряются так жить? Чтобы ты не делал, ты всё равно никогда не сможешь до конца понять даже самого близкого тебе человека. И как, интересно, изменится о тебе мнение людей, дай ты им полную информацию о себе. Ведь даже не знаешь, насколько отличаешься настоящий ты, от того, кого видят на твоём месте все твои знакомые».

Жара становилось невыносимой. На лбу появились испарины. Кошкин заметил место метрах в пяти от лавочки, куда падала тень от высокого дерева. Он хотел подождать Марию там, но вдруг увидел её на другой стороне дороги. Она переступила бордюр и переходила улицу по пешеходному переходу. Кошкин не отрываясь смотрел на неё. Сегодня она надела тоже самое платье, как и в день их первого свидания: тёмно-синее в белый горошек. Она шла и, уже издали заметив его, светилась счастливой, но в тоже время какой-то смущённой улыбкой. Глаза её блестели, как два больших голубых бриллианта, ресницы были сильно накрашены и казались просто необычайно длинными, на щеках виднелся небольшой румянец. Мария перешла дорогу, Дмитрий сделал шаг навстречу.

Привет, – почти шёпотом сказала она, опуская глаза.

Привет, – ответил он, теряясь в нерешительности. Но затем собрался, обхватил её двумя руками и поцеловал в губы. Мария легонько оттолкнула его и несколько раз оглянулась по сторонам. К остановке подъехал автобус.

Ты точно хочешь, чтобы нас где-нибудь застукали! – робко прошептала Мария.

А тебе всё кажется, что у стен уши и глаза.

Они пошли в сторону дома Дмитрия. Мария сказала, что весь город стоит в пробке, поэтому она от самого дома шла пешком и очень устала. Она спрашивала, как он провёл выходные, он ответил лишь, что был с друзьями, не углубляясь в подробности. На секунду в его памяти снова мелькнул окровавленный нож Дёмина под тусклым светом ночных фонарей.

А ты как съездила на пляж?

Ой! Лучше не спрашивай!

Рассказывай, что не так, – посмотрел он на неё. Мария шла, опустив глаза на асфальт, улыбка исчезла с её губ.

Да нечего там рассказывать, – она подняла взгляд и посмотрела на него. – Приехали, опять с мужем начали ругаться, испортили и себе и всем отдых. Я уже не могу с ним и пяти минут спокойно разговаривать. Так или иначе обязательно начинаем ругаться.

Ты же говорила, что вы стали меньше ссориться.

Говорила, – грустно улыбнулась она. – Но, видимо, теперь

всё снова вернулось на круги своя.

Какое-то время шли молча. Проходили мимо всё тех же девятиэтажек, той же бельевой площадки, несчастный бомж всё ещё спал под тем же зелёным кустом.

Почему ты не разведёшься с мужем? – нарушил тишину Дмитрий. Он уже со счёта сбился, сколько раз за последний месяц задавал этот надоевший ему вопрос.

Не знаю... всё это сложно... – так же неизменно отвечала Мария. Этот вопрос превратился в их речи в простую формальность, словно вопрос «как дела?» или «как настроение?». Кошкин и не ждал другого ответа, но надеялся, что их сегодняшняя встреча всё-таки сможет что-нибудь изменить.

Они нырнули во двор домов, где жил Дмитрий. Спустя несколько мгновений, он уже открывал входную дверь своей квартиры.

Он смотрел на неё, пытаясь придумать тему для разговора. Никогда за время их знакомства не было столь неловкого молчания. Он предложил ей сесть.

Я нашёл для тебя вермут! – наконец, сказал он.

Ты сделал всё, чтобы сегодняшний день был не забываемым, – засмеялась она.

Да ладно тебе, – смущённо ответил Кошкин. – Я старался.

Наливай тогда, раз старался, – она снова посмеялась над его неловкостью.

Дмитрий мысленно проклял себя за свою застенчивость. Пусть они и оба знали, зачем сюда пришли, но Кошкин всё

равно не мог подобрать правильных слов. Они немного выпили. Затем Кошкин задал самый идиотский вопрос, который можно было задать в этой ситуации:

Как дела вообще?

Мария засияла нежной улыбкой.

Да нормально. Сижу тут, вермут пью со своим студентом.

Опять неловкое молчание. Разговор шёл очень тяжело, ведь его тут и не должно было быть.

Я вот курс лекций нашла по психологии на английском языке, – нарушила она тишину. – Очень интересно.

Правда? И про что там?

Тебе действительно интересно, что там?

Эмм... да, конечно!

А я думала, ты меня сюда для другого звал.

Вообще-то, да... для другого, – он запнулся, но затем, наконец-то, подсел к ней ближе и поцеловал её губы. Она поставила стакан с вермутом и обхватила его обеими руками. Они стали целоваться, и Кошкин повалил её на диван. Он целовал её страстно, позволяя своим рукам касаться её там, где ему захочется. Он вёл ладонью по её спине, пока не нашупал застёжку платья. Спустя мгновение он уже стягивал платье, но в какой-то момент почувствовал, что она не позволяет ему раздеть себя. Он посмотрел ей в глаза, и в этот момент она отдалась ему полностью.

Мария вышла из его ванны, оставляя на полу мокрые следы её босых ног. Она нырнула под одеяло и прижалась головой к его груди.

Ты почему такая мокрая? – спросил Кошкин. – Совсем не вытиралась!

Я вытиралась, – ответила она.

Плохо вытиралась!

Ой, замолчи!

Она прижалась своими губами к его губам. И так они провели в постели несколько часов. Ближе к вечеру, Мария убедила его, что ей надо бежать домой, чтобы муж ничего не заподозрил. Повторился измученный диалог на тему, что ей нужно уйти от него, который, как обычно, ни к чему в итоге не привёл.

Она ушла, оставив его один на один со своими мыслями. Но Дмитрий был вполне доволен собой. Он считал, что теперь её развод лишь вопрос пары недель. И чтобы укрепить результат, позвал её к себе ещё раз в пятницу.

Теперь он полноправно перешёл в статус любовника. В её телефоне он был записан именем одной из её подруг, встречаться они стали реже, но теперь исключительно только у него в квартире. Самое долгое «свидание» случилось через две недели после их первого раза. В тот день, неизвестно как

обманув мужа, ей удалось улизнуть к нему, когда маленькая стрелка часов показывала десять утра и воротиться домой тогда, когда на улице уже загорались первые фонари. Этот день был особенно незабываемым. Они не просто занимались сексом, а провели для себя небольшой медовый месяц. Дмитрий не хотел отпускать её домой.

Ты что? Муж же будет меня искать! Мне нельзя оставаться у тебя на ночь!

Ну и пусть ищет! И пусть даже найдёт! – отвечал он. – Тебе же хорошо со мной здесь, а не там с ним!

Дима, не всё в этой жизни строится на том, что нравится, а что нет! Я должна вернуться к нему!

Ты ничего ему не должна! Разве что, развестись с ним! Неужели ты не видишь, что поступаешь неправильно? Ты должна быть со мной!

Прости меня! Завтра поговорим.

Я люблю тебя, – сказал он, и голос его дрогнул.

Пауза.

Завтра поговорим, – повторила она.

И снова оставила его одного.

День за днём все его мечты на то, что после их близости она наконец-то найдёт в себе силы расстаться с мужем, рушились. Так продолжалось уже более трёх недель. И если сначала Кошкин радовался тому, что между ними происходит, то теперь всё больше думал о том, что зря он так сильно в этом увяз. Всё чаще к нему стали приходить мысли о

том, что ещё не поздно всё закончить, раз официально у них ничего и не начиналось. Он стал реже приглашать её домой и чаще звать просто гулять на улице. Но всё равно ничего не менялось. Вскоре поцелуи перестали быть такими сладкими, а слов в их разговорах становилось всё меньше. Ведь был только один единственный важный разговор, который за это время превратился в заезженную пластинку, от которой самого Кошкина начинало тошнить.

Кошкин часто сидел один в своей квартире, стараясь понять, как ему поступить в сложившейся ситуации правильно. Роль любовника ему совсем не подходила. И в какой-то момент он неожиданно для себя почувствовал нестерпимое чувство ревности. Впервые в жизни он по-настоящему ревновал Марию к её собственному мужу. Это было не то, что он чувствовал раньше, когда в его сознании рисовались ужасные сцены с участием Марии и Юрия. Теперь это чувство граничило с безумием. Ведь Мария была на самом деле его! Пусть и об этом никто не знал, но она точно была его гораздо больше, чем мужа. Он не собирался скрывать своих страданий, а потому сообщил об этом новом чувстве самой Марии, но в ответ услышал лишь: «Я тебя понимаю». Это стало для него последней каплей. Он понял, что эта дорога ведёт в никуда...

Чего ты сегодня такой молчаливый? – тихо звучал голос Марии возле Кошкина. Набережная почти полностью опустела, несмотря на прекрасный тёплый вечер. Едва слышно

шипело море. Дмитрий и Мария сидели на лавочке, боясь посмотреть друг другу в глаза. – И даже не целовал меня ни разу.

Не могу я больше так, Маша.

Как?

Так! – почти закричал он. – Что это за отношения такие? Ты до каких пор продолжишь жить как ни в чём не бывало? Ты так ещё год планируешь? Два? Так и будешь от мужа прятаться? Так и будем скрываться?

А что я могу, Дима? – на её глазах выступили слёзы.

Ты можешь всё, что сама захочешь! Ты же свободна, Маша!

Да ни черта я не свободна! – она сорвалась на крик. – Ни черта! Я так боюсь! Каждый день для меня новый кошмар!

Да, но выбираться из этого кошмара ты явно не намерена.

Это сложно, Дима.

Быть свободным сложно, – ответил он. – Но если ты не хочешь быть свободной, то это и вовсе невозможно.

Да что ты привязался со своей свободой? Ты же сам не понимаешь, о чём ты говоришь! По-твоему жизнь – это настольная игра? Там, где есть правила, комбинации и ходы?

Это сейчас причём?

Да притом, что ты только и говоришь о своём понимании «свободы»! Но её не существует, Дима! Ты выдумал формулу, которая помогла тебе в какой-то момент жизни, и ты решил, что теперь она подойдёт всем и каждому в любой ситу-

ации. Но жизнь сложнее твоих формул. Потому что жизнь – это миллиарды других людей и моментов. Это сотни стратегий и случайностей. А ты со своей свободой стал счастливым?

Я счастлив от того, что свободен!

Правда? А что если до этого момента ты просто не встречался с настоящей жизнью? Той, которая даже самым крепким ломает хребет? И что если этот момент ждёт тебя каждый новый день? Что если новым утром ты проснёшься в последний раз тем, кем был ранее, а вечером в постель ляжет вместо тебя совсем другой человек. Тот, который сегодня познакомился с жизнью.

Знаешь, – Кошкин поднялся с лавочки. – Это просто твои отговорки. Смотри сама, надолго ли их хватит.

Да какие отговорки, Дима? – Мария тоже поднялась с лавочки и взяла его за руку. – Ты залез на первую ветку, но подумал, что уже покоришь вершину дерева. Ты же капитулируешь перед самим собой.

Капитулирую?

Твоя философия превратилась в навязчивую идею.

И что ты теперь предлагаешь?

Дай мне больше времени. Порой принять верное решение слишком сложно.

Маша, я хочу быть с тобой, – ответил Кошкин. – Думай и принимай своё «верное» решение. Только помни, что отсутствие выбора – это тоже выбор.

Чувства Марии зашли в тупик. Она отлично понимала, что всё, что происходит, не приведёт её ни к чему хорошему, но почему-то всё равно не предпринимала никаких шагов к решению проблемы. Она знала, как ужасно поступает с мужем. Знала, как злиться на неё Дмитрий. Но продолжала уверять себя, что всё должно разрешиться само собой. Она стала ещё меньше общаться с Юрием, ограничив их общение лишь несколькими общими фразами. Но и Дмитрий заметно меньше стал уделять ей внимание, а потому в какой-то момент она ощутила себя совсем одинокой. Ей хотелось, чтобы как можно скорей начался учебный семестр, чтобы была возможность отвлекать свои мысли работой. Но проклятый отпуск должен был продлиться ещё не меньше месяца. Она стала чаще назначать встречи со своими подругами, но летом большинство из них уехали из города. Спустя месяц после первого посещения квартиры Кошкина, она заметила, что стала бояться мужа. Ей было некомфортно оставаться с ним наедине. Всё её нутро говорило ей о том, что он всё знает, но ничего не предпринимает нарочно. Когда они ругались, Мария часто убегала прочь из дома, при этом она никогда не звонила Дмитрию. Но иногда их отношения с Юрием снова нормализовались, и несколько вечеров они даже провели за совместным просмотром фильмов.

За окном давно наступила ночь. Из ванной комнаты доносился шум воды из крана. Мария лежала на кровати, укрывшись одеялом, и читала книгу. Вдруг шум прекратился, и

спустя несколько секунд дверь ванной комнаты открылась. В комнату зашёл Юрий, прикрываясь лишь полотенцем. Он подошёл к кровати и впервые за долгое время поцеловал свою жену в губы. Юрий лёг рядом с ней, выхватил книгу из её рук и швырнул на пол. Он обхватил её руками и прижал к своему телу. Мария не сопротивлялась, отвечая на его ласки...

Она освободилась из его объятий, когда Юрий сладко спал, посапывая носом. Кошкой проскочив через всю комнату, она добралась до стола, где лежал её сотовый телефон. Она взяла его, чтобы посмотреть время, но взгляд её упал на значок непрочитанного сообщения. Сообщение было от Дмитрия:

«Не могу уснуть, думаю только о тебе».

Глава 16

В этот год осень пришла в город, едва закончились листы летнего календаря. Температура резко упала, а капли холодного дождя поселились на улицах серого города. Грязные ручьи омывали пыльные дороги Владивостока. Чавкая насквозь мокрой обувью, горожане прятали головы под разноцветными зонтами, с нарастающей грустью встречая холодную погоду. Дул сильный ветер, суда близ города срочно поднимали якоря и уходили штормовать, грустно и одиноко покачиваясь на холодных волнах. Пенясь и шипя, вода билась о причалы, обливая солёной водой и так промокших насквозь людей на набережных и пляжах.

Кошкин курил сигарету, запивая горький дым ещё более горьким кофе. Глаза слипались. В этот день он проснулся ни свет ни заря и, как ни старался, больше не смог уснуть. На душе было тоскливо. Он хотел было отправить сообщение Марии, но в зародыше убил в себе эту мысль. Ему надоела эта бесконечная история. Он любил Марию, но пришёл к мнению, что пора постепенно отвыкать от неё. Какие-либо мечты об их счастливой жизни были высушены августовским солнцем, промочены сентябрьским дождём и смыты холодным равнодушным Японским морем. Он всё реже встречался с ней, всё реже писал. Она приходила в его сны ночью и не отпускала мысли днём. Он страдал, ведь любил её так, как

не мог бы полюбить никого на свете и от этого ещё сильнее ненавидел её за свои мучения. Но больше всего он ненавидел себя за то, что из-за своей беспросветной глупости, скуки и самовлюблённости разрушил свою и её жизнь.

Полдня Кошкин занимался своим излюбленным делом – ничего не делать. Он просто лежал на старом диване и разглядывал грязные пятна на потолке. Он ждал одиннадцати часов, чтобы начать собираться в дорогу к отцу. Он не приезжал к нему уже очень давно. Пусть он и сидел целыми днями взаперти своей бетонной коробки, но почему-то ни разу даже не удосужился позвонить своему бедному старику.

Ровно в одиннадцать он покинул свою квартиру. Зазвене-ла домофонная дверь. Дмитрий вышел на улицу, вдыхая уже по-настоящему осенний воздух, натянул капюшон зелёной парки на голову и пошёл сквозь город в сторону автобусной остановки.

Путь был необычайно долгим. Прижавшись мокрой головой к холодному, запотевшему окну, Дмитрий следил за тем, как автобус едва находит место для манёвров, продираясь, словно сквозь джунгли, через нескончаемые пробки. Всё по-старому: та же автобусная остановка, возле автозаправочной станции; тот же грязный тридцать третий автобус, уезжающий вдаль; тот же треснувший асфальт; и та же несчастная девятиэтажка из красного кирпича. Кошкин уже по традиции закурил возле синей вывески «Днепровский переулок № 55». Всё было в точности как и каждый раз, когда он приез-

жал в это место.

Привет, пап! – крикнул Кошкин, закрывая за собой входную дверь квартиры отца. – Папа! Ты там где?

Я тут, Дима! – эхом раздалось в пустой квартире. – Пройди!

Кошкин разулся, снял мокрую куртку и аккуратно прошёл в кухню. Кухня была пустая.

Да, чёрт возьми, где ты там? – рассердился Дмитрий.

Я в комнате, Дима! – отозвался отец.

Вот что на самом деле удивило Дмитрия. За последние несколько лет отец ещё ни разу не встречал сына в комнате.

Что это ещё за нововведения? – рассмеялся Дмитрий, когда увидел Алексея Алексеевича лежавшим на диване.

Отец смотрел какой-то фильм ужасов на компьютере. Когда сын появился в комнате, он лениво потянулся к клавиатуре и щелчком поставил фильм на паузу.

А теперь всё будет по-другому, – улыбнулся Алексей Алексеевич золотыми зубами.

Как по-другому?

Скучнее нашей с тобой жизни ничего не придумаешь, но надо как-то бороться.

Чё это ты стихами запел? – рассмеялся Дмитрий и сел за компьютерное кресло, напротив отца. – И как же ты собираешься бороться?

Я начинаю новую жизнь! – гордо объявил тот. – Во-первых, я бросаю курить! Вот, смотри... – Алексей Алексеевич

протянул ему руку, и теперь можно было заметить приклеенный полупрозрачный антитабачный пластырь.

Ух ты... – свистнул Кошкин.

Но и это ещё не всё! – Алексей Алексеевич был рад произведённым на сына эффектом. – Во-вторых, больше никакой водки. Я бросаю пить, Дима!

После этих слов старый офицер разошёлся неудержимым кашлем, который закончился смачным плевком на пол.

Прости... – виновато, промямлил отец.

И только в этот момент, когда он, словно нашкодивший пёс, глянул на сына, Кошкин разглядел его покосившиеся глаза. Секунда, и взгляд кошкина скользнул по всей комнате, остановившись на недопитой бутылке водки.

Понятно, как в тебе поэт просыпается, – помолчав, ответил Дмитрий. – Ну и как успехи?

Ты на это не обращай внимания, Димка! Клянусь жизнью, последняя!

Хотелось верить старику, но верить не получалось. Кошкин ещё раз оглядел комнату, что-то всё-таки в ней изменилось. Как-то приятней что ли стало.

Ты что, прибрался? – удивился Дмитрий.

А ты заметил? – расплылся в улыбке отец. – Я же говорю, что всё буду менять. Денег у меня достаточно, чтобы жить полной жизнью. Я ещё хоть куда, чтобы ложиться да помирать.

Секунда неловкого молчания.

И кто же тебя надоумил на такие перемены?

Да сам я к этому пришёл! – с гордостью заявил отец. – Я вот несколько дней назад с сослуживцами своими встречался. Мы в сауну ездили, знаешь, которая на Тихой?

Кошкин ответил молчанием. Алексей Алексеевич продолжил:

Так вот, классное место. Отлично посидели, так хорошо на душе сразу стало. Знаешь, вспомнились мне мои молодые годы, когда я как ты ещё был. Такой же молодой и глупый, только-только училище закончил. Маму твою встретил, пошёл служить молодым лейтенантом на пограничное судно. Вот время было.

На этом моменте Алексей Алексеевич замолчал и как-то грустно посмотрел в окно комнаты, снова погружаясь в далёкие воспоминания.

Так и что дальше? – вырвал его из прошлого сын.

А! – вскрикнул отец. – А о чём я говорил?

С друзьями встретился...

Точно! – перебил его Алексей Алексеевич. – С друзьями... и вот как будто лет двадцать скинул. Так хорошо было. И я подумал, а чё горевать? Жизнь большая, нужно всегда находить что-то позитивное.

Вдруг Алексей Алексеевич скорчил гримасу, будто забыл что-то важное. Он поднялся с дивана и пошёл к комоду в другом конце комнаты. Выдвинул ящик и достал оттуда что-то серебряное.

Смотри, Димка! Это мне друзья подарили.

Это был серебряный православный крест с распятым Иисусом Христом на нём.

Пап? – удивился Кошкин. – То ты же тот ещё отпетый атеист! Ты же нам с сестрой в детстве даже близко к церкви подходить запрещал.

Мировоззрение меняется, Дима!

Но не за один же день!

Так и я не за один! Я не был никогда против веры в Бога. Да и против православия тоже. Мня бесили только попы наши. Эти жирные воры! Но я не собираюсь с ними связываться.

Так, а зачем тебе крест?

Как зачем? Креститься буду! – заявил Алексей Алексеевич. – Я уже всё решил.

Дмитрий не узнавал отца. Что-то действительно у него там щёлкнуло. А между тем он продолжал:

Это мы с тобой никогда не верили! А мама верила! И за себя, и за всю семью нашу.

Так! – выдохнул Дмитрий – И это всё ты понял после того, как побухал в бане?

Как у тебя всё вульгарно! – как будто обиделся отец. – Что значит «побухал в бане»? Я, между прочим, не просто «побухал в бане». Вообще я прям как будто знаки судьбы получаю, что надо что-то менять! Ведь я друзьям даже слова не говорил, а они меня сами вдруг взяли и потащили в церковь!

И вот купили крест этот. А в самой сауне и вовсе номер был! Мы спокойно себе отдыхали и тут раз! И в глазах у меня потемнело, представляешь!

А что случилось?

Не знаю я, Дима! – вздохнул Алексей Алексеевич. – Припадок что ли какой-то. Так я там чуть, прям башкой, на кафель не рухнул! Это слава богу, что Ёлкин рядом оказался! Ну, ты же помнишь Ёлкина? Он к нам в десятом году приходил!

Я не помню его.

Ну, высокий такой! Подожди, – он задумался, – Или в девятом он приходил.

Да какая разница-то? Что там случилось в итоге?

Где?

Да в сауне!

А! Да ничего! Чуть не упал я, а Ёлкин меня и поймал. Вот тут-то я и подумал, как же несправедлива сука-жизнь. И может она оборваться в любую секунду. Так и это ещё не всё!

Что там ещё?

Сон мне приснился, Дима! – почти шёпотом сказал отец. – Будто праздник какой-то что ли. И я иду к нам домой с огромными сумками! В одной продукты к столу, в другой подарки! Причём во сне я знаю, что дома у нас должны быть все! И ты, и Лариса, и мама. И вот я поднимаюсь к нам домой, а... – он замолчал на секунду, – а никого нет. Пустая квартира! Одни голые стены. Я зову вас, а вы не откликае-

теть. Вас просто нету.

Кошкин посмотрел на несчастного, одинокого старика. И чувство жалости охватило его. Ему захотелось сделать хоть что-нибудь для отца, но он не знал что.

Я так расстроился, – продолжал Алексей Алексеевич. – Думаю во сне: «Ну и зачем же я всё это покупал? Зачем так спешил домой, если вас в нём нет?»

Алексей Алексеевич замолчал, и какое-то время в квартире было тихо. Так тихо, только капли дождя стучали по давно не крашеному подоконнику.

А я ещё тогда подумал... ну, как проснулся. А к чему этот сон был. Вот сижу посреди ночи, и уснуть не могу. А потом вдруг вспомнил! На следующей неделе же день рождения у матери твоей! Вот на какой праздник я во сне подарков накупил. Вот тут я и подумал, что это не просто сон, а знак. Мама твоя мне знак подаёт, что живу я, словно собака какая-то. Так и подумал, что пора менять что-то в жизни.

Дмитрий посмотрел отцу в глаза.

Ну, чего загрустил, а? – улыбнулся Алексей Алексеевич. – Теперь у меня будет новая жизнь.

Он надел крестик и потянулся за бутылкой водки.

Давай выпьем, Димка!

Пап, твоя водка обычно палёная хрень за двести рублей.

Ой, да какая разница? Давай выпьем вместе! Пусть это будет моя последняя стопка. И я хочу выпить с сыном.

Он посмотрел ему в глаза, и настойчиво произнёс:

Пожалуйста!

Ну, наливай, пап, – ухмыльнулся Кошкин.

Алексей Алексеевич налил в две стопочки, одну протянул сыну. Они встали.

Ну, Димка, за новых нас, – с улыбкой до ушей проговорил отец и залпом выпил всю стопку до дна.

Кошкин выпил пол стопки, потому что больше осилить не мог. Водка была просто отвратительной на вкус. Его лицо скривилось, и в какой-то момент его чуть не стошнило.

Ох! – порозовел Алексей Алексеевич. – Хорошо пошла!

То, что случилось после этих слов, будет преследовать по ночам Кошкина всю его оставшуюся жизнь. В какой-то момент улыбка на лице Алексея Алексеевича перестала выражать радость, а превратилась гримасу. Он пошатнулся, и глаза его поползли вверх.

Папа?! – закричал Кошкин, но он не ответил.

Алексей Алексеевич дёрнулся и всем своим весом рухнул на пол. Раздался грохот и глухой звон. Это тяжёлая голова Алексея Кошкина со всей силы врезалось об батарею под подоконником. Отец застонал и тяжело выдохнул, изо рта потекла пена.

Папа... – прошептал Кошкин.

В этот момент всё тело Алексея Алексеевича дёрнулось в конвульсиях, будто получило разряд током, и голова несчастного Алексея Кошкина второй раз со всей силы ударилась об батарею.

Кошкин не помнил, что он делал в то время, когда машина скорой помощи с визгом затормозила возле разбитого крыльца подъезда. Казалось, что прошла целая вечность, пока он сидел над тяжёлым телом отца, пытаясь понять, что ему теперь делать. Алексей Алексеевич как будто спал. Можно было подумать, что ничего с ним и не случилось. Он храпел и постанывал, а сам Дмитрий тихо плакал в одинокой комнате. Капли дождя равнодушно падали на подоконник. Жирная, мерзкая муха, жужжа, села на живот Алексея Кошкина. Дмитрий смотрел на неё с секунду, после чего не выдержал и согнал её прочь.

Спустя примерно час Кошкин сидел в коридоре больницы, пытаясь сдерживать слёзы. К нему подходили врачи, и он несколько раз рассказывал одну и ту же историю случившегося. Спустя несколько минут он увидел, что отца куда-то везут. Его голова была брита налысо, с шеи свисало серебряное распястье.

На рентген, – ответил врач на немой вопрос Кошкина.

Спустя ещё какое-то время зачем-то приехала полиция. Они допрашивали Кошкина несколько минут, а он всё рассказывал им одну и ту же заученную историю.

Перелом основания черепа, – равнодушно прозвучало из уст врача.

Это серьёзно? – спросил Кошкин.

Очень!

Он будет жить?

Пока ничего не могу вам обещать. Скоро начнётся операция. Вам лучше пока уйти, это надолго.

А полиция тут зачем была? – посмотрел на него Дмитрий.

Когда поступает пациент с такими повреждениями, как у вашего отца, мы обязаны вызвать полицию.

Так мне уйти? – спросил Кошкин.

Да, – ответил врач. – По результатам операции я вам позвоню.

Хорошо, – почти шёпотом ответил он.

Кошкин тихо пошёл в сторону лифта.

Дмитрий! – окликнул его врач. Кошкин повернулся. – Как это не грустно признавать, но люди с такими повреждениями, как у вашего отца, редко выживают. А если выживет, то это будет уже не совсем тот человек, которого вы знали.

Какое-то время Кошкин плакал на лавочке во дворе больницы. В голове путались мысли и воспоминания. Но одна мысль была отчётливей всех остальных: «Только бы он выжил!». Он не сразу почувствовал вибрацию звонка сотового телефона. Хотел было сбросить вызов, ибо общаться с кем-либо сейчас ему хотелось меньше всего. Но сбросить он не решился, это звонила Мария. И в этот момент вся злость и всё горе, скопившееся за последние дни, взяли верх над сознанием Кошкина. Ему захотелось высказать Марии всё, что

он думал:

Алё! – почти прокричал он в трубку.

Дима, – тихо отозвалась она на той стороне провода.

Маша, привет! – решительно начал он. – Я тоже как раз хотел тебе позвонить! Знаешь, что? Меня уже достали твои игры. Я и так из-за тебя достаточно намучался! Тебе нравится играть в бразильский сериал? Я за тебя очень рад, но больше я в этом участвовать не буду. Мне надоели эти прятки! Если ты не можешь расстаться со своим чёртовым мужем, то я тебе мешать больше не собираюсь. Желаю вам счастья в вашей совместной жизни! Любите друг друга, а главное доверяйте...

Дима! – закричала Мария. И только теперь Кошкин услышал слёзы в её голосе. Она секунду помолчала, а потом произнесла почти шёпотом, – Он всё знает!

Глава 17

Серый бетон больницы с хладнокровием наблюдал за человеческой трагедией, искусно разыгранной в его дворике. Люди, занятые своими проблемами и своими бедами, проходили мимо Дмитрия, абсолютно не замечая его. Группа студентов медицинского университета, смеясь и что-то крича, вышла из дверей главного входа и шумно направилась в сторону курилки. Дождь немного утих, но совсем успокаиваться не собирался.

Как он узнал? – спросил Кошкин и закашлялся. Голова гудела. Пачка сигарет в его кармане за последний час опустела на четверть.

Я всё ему рассказала, Дима! Как ты меня и просил! Всё рассказала! Я не знаю, что мне делать! – рыдала Мария.

Успокойся! Всё хорошо, – утешал её Дмитрий. И только в этот момент он впервые за всю эту историю, по-настоящему, не обманываясь, почувствовал себя самым огромным мудаком на всём белом свете. Сколько раз он на неё злился, сколько раз убеждал в своей правоте. И вот он момент, которого он так долго ждал! И что же теперь? Он даже не знает, как успокоить Марию. Как часто он обижался на окружающих его людей за то, что из-за его внешности они не воспринимали его всерьёз. Даже его ровесники часто разговаривали с ним, как с мальчишкой. И вот в столь важный момент

своей жизни он даже не знает, как должен повести себя настоящий мужчина.

Я не знаю, что мне делать, Дима! Я не знаю! – повторяла Мария.

А что он тебе сказал? – немного собравшись с мыслями, сказал Кошкин.

Он долго кричал, – ответила Мария. – Много чего говорил. И про меня всякие гадости повторял. Потом сказал, что найдёт тебя и разберётся с тобой! Боже, как же он кричал на меня!

Он тебя не трогал? – тихо спросил Дмитрий.

Что?

Не трогал тебя? – повторил он. – Ну, не бил?

Что? Нет, не бил, – успокоила его Мария. – Пойми, я больше не могла так жить! Это невыносимо – оставаться с ним наедине. А теперь я совершенно запуталась и не знаю, что мне делать!

Вы к чему-нибудь пришли?

Нет! Сначала он сказал, что сам во всём виноват. И не станет вмешиваться, уйдёт. Но потом...

Что потом?

Потом опять стал кричать! Сказал, что убьёт меня! И тебя убьёт! Мне страшно, Димочка!

Всё будет хорошо! – утешал её Кошкин, хотя сам не ведал, что теперь делать. – Где он сейчас?

Я не знаю, – тихо сказала она. – Он долго кричал, угрожал

мне, а потом собрался и куда-то ушёл!

Я сейчас к тебе приеду!

Не надо! – закричала она. – Я не знаю, когда он вернётся. Но я должна поговорить с ним сама! Я боюсь, что твой вид только разозлит его ещё сильнее.

Ты уверена?

Да, – ответила Мария. – Я сама должна с ним разобраться. Давай созвонимся вечером. После шести.

Договорились, – сказал Кошкин. – Но если что-то случится, то сразу же звони мне!

Ага, – как будто равнодушно ответила она.

Дмитрий сунул телефон в карман, и какое-то время продолжал сидеть на мокрой, холодной лавочке, во дворе больницы. Вдыхая свежий осенний воздух, Кошкин вдруг задумался: «Какая тишина вокруг! Так спокойно... И люди! Люди такие равнодушные. Спокойно живут своей размеренной жизнью. А я с виду тоже спокоен? А на всех ли из нас надеята эта маска спокойствия? А у кого-то даже маска счастья. Может, все так же несчастны? У многих также близкие люди в беде. А мы само спокойствие. Равнодушно встречаем каждый новый день. А каждый новый день нас встречает правда».

Спустя несколько минут, Дмитрий побрёл прочь от больницы. Переступая через лужи, он вышел на автомобильную трасу. Шумя моторами, японские машины проносились мимо друг друга, поднимая в воздух грязные капли воды из

под своих колёс. Кошкин больше не мог вынести одиночества, ему надо было выговориться, хоть кому-нибудь. Спрятавшись от дождя под крыльцо магазина музыкальных инструментов, он набрал номер Эдика Шеина.

Абонент временно недоступен, – донёсся до него женский голос автоответчика.

Сука, – выругался Кошкин.

Дёмину на мобильный звонить не было смысла. Он снова пропал на долгие месяцы и так и не объявлялся с того случая в пивнушке. Тогда он решил позвонить ему домой и узнать хоть у кого-нибудь, куда же пропал Дёмин.

Алё! – раздался на той стороне провода строгий голос бабушки Дёмина.

Здравствуйте, – добродушно ответил Дмитрий. – Это Дима Кошкин! А Витю могу услышать?

Нету Вити, – всё с той же строгостью ответила старая женщина. – В больнице он! – не став дожидаться ответа от Кошкина, она бросила трубку.

«В больнице», – пронеслось у него в голове. Он знал, что это означает. То же самое отвечала она тогда, когда Витя в первый раз угодил в дом для душевнобольных. Несколько минут он обдумывал услышанное, затем принял решение, что он просто обязан сегодня поговорить с Дёминым.

Больница, где в прошлый раз держали его друга, находилась через две автобусные остановки от Кошкина. Скорее всего, Дёмин и в этот раз там. Через 15 минут Дмитрий

уже подходил к дверям главного входа. С виду здание выглядело как самая обыкновенная больница. Выкрашенное в бледно-голубой цвет здание окружали зелёные деревья. Было много грязи, Кошкин ступал осторожно, чтобы окончательно не испачкать и без того промокшие насквозь ботинки.

Виктор Дёмин, – назвал он имя друга.

На вахте милая старушка с короткими, кудрявыми волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет, пробежалась глазами по какому-то списку.

Есть такой у нас, – ответила она. – Вы родственник?

Нет! Я друг.

Хорошо. Но сейчас с ним поговорить не получится.

Почему?

У них сейчас обед. Подходите минут через 40.

Понял, спасибо, – ответил Кошкин и тихо пошёл в сторону выхода. Потом резко остановился и вернулся к вахтёрше. – Извините, а вы не подскажете, почему его сюда положили?

Раз положили – значит были причины, – уклончиво ответила она. – Хороший вы друг, раз ничего не знаете.

Простите, – виновато ответил он. – Я только сегодня узнал.

Подождите минутку, – тихо ответила старушка и стала рыться в каких-то бумажках. – Дёмин Виктор Андреевич, – провозгласила она. – Попытка самоубийства.

Понятно, – ответил Кошкин.

Но я помню, как его привезли, – продолжала вахтёрша. – Вроде, его родные помешать ему хотели, а он давай на них с ножом кидаться. Пьяный он что ли был. И лицо у него, знаете, всё в крови и в синяках было. Подрался что ли с кем-то.

Наверное, подрался, – уклончиво ответил Кошкин. – Ладно! Пойду, погуляю пока.

Иди, милый.

Дмитрий вышел из больницы, закурил и побрёл в сторону продуктового магазина. Там он купил фрукты и плитку шоколада для Дёмина.

«Боже, дай мне сил пережить этот день», – молил про себя Кошкин. День действительно длился бесконечно. Было ощущение, что он не сегодня, а около года назад приехал навещать отца и слушал, как тот собирается начать жизнь с чистого листа. «Не удалось нам, папа! Не удалось!», – и снова слёзы подступили к горлу. Кошкин отвернулся и упёрся головой в грязную кирпичную стену магазина, чтобы никто из прохожих не мог видеть, как он плачет.

Дмитрий вернулся в больницу ровно через 40 минут.

Какой вы пунктуальный, – сказала разговорчивая вахтёрша.

Какой есть.

Вон стоит мужчина в очках, видите? – она указала на высокого доктора в белом халате и с чёрными волосами. – К нему подойдите, он вас отведёт к другу.

Доктор был не очень разговорчивый. Проверил пакет с фруктами и шоколадом, предупредил, что больному категорически запрещается передавать колюще – режущие предметы. Затем проводил Кошкина в комнату для встреч и ушёл по своим делам. Пока они шли по коридорам больницы, которые так часто описывал Дёмин в своих пьяных исповедях, Кошкина не покидало чувство ужаса от этого места. На пути им встречались люди чудовищного вида, они что-то кричали, что-то бормотали, а кто-то ничего не говорил, но был от того не менее жутким, не отрываясь смотря на Кошкина своими безумными, широкими глазами.

Комната для встреч была просторной и светлой. Стены от пола до потолка были заштукатурены, с потолка свисала яркая лампочка. Напротив двери под потолком было небольшое окошко, самое обычное, но со стороны улицы на него была прикручена толстая решётка. Посередине комнаты стояли несколько столов, за одним из них полуанфас сидел сам несчастный Виктор Дёмин. Он молча встретил Кошкина взглядом, а потом снова опустил глаза в пол.

Привет, Витя, – нарушил тишину Дмитрий.

Привет, – безучастно ответил Дёмин.

Я тебе тут фруктов принёс и шоколад, – проговорил Кошкин, но Дёмин больше не отвечал. – Ты как тут?

Как тут?! – вдруг закричал Дёмин так, что Кошкин чуть не потерял дар речи. – Пришёл поржать над сумасшедшим?

Витя, ты чего? Я только сегодня узнал, где ты! Пришёл

тебя навестить.

Дёмин молчал несколько секунд, потом неожиданно спокойным голосом проговорил:

Не стоило, Дима. И жиду нашему передай, чтоб не приходил, если надумает. Не хочу я никого видеть.

Что всё-таки случилось?

Ничего особенного. Не сдержался немного, – он посмотрел в глаза Кошкину. – Так бывает, когда от жизни устал кашлять.

Это из-за того, что случилось в тот вечер?

Дима, ты реально такой тупой? – почти злобно сказал Дёмин. – Это должно было случиться! Будь счастлив! Меня изолировали от вашего «здорового» общества. Теперь ты можешь спокойно ходить по улицам своего улья. Я вас здесь не достану. Но это ненадолго!

В каком смысле?

Скоро узнаешь. Когда сам сюда попадёшь.

С чего ты взял, что я сюда попаду?

Мы все окажемся здесь, Дима! И ты, и Шея, и училка твоя. Мы же все больны. Мир болен! Но стены психушки не смогут нас сдерживать, когда «больных» будет больше, чем «здоровых». И тогда мы снова выйдем на улицы, чтобы всё начать сначала.

Кошкин не мог понять, что имеет в виду Дёмин, поэтому попытался просто сменить тему:

Да ты не волнуйся, Витя. Тебя не должны здесь долго дер-

жать. Скоро ты будешь на свободе.

Свободе? – ухмыльнулся Дёмин. – А почему ты решил, что это ты на свободе, а не я? А я тебе объясню! Потому что ты сумасшедший, Дима! Ты конченный психопат, как и каждый мудака, которого ты встречаешь на улице. Ты чё, думаешь, что такой особенный со своими чувствами, блин, и эмоциями? Нет! Ты такой же, как все! Замацанный на херне! Это не вас от меня отгородили, а меня от вас. И знаешь что? Я всем доволен! Потому что я нашёл её, Дима!

Что? – Кошкин с жалостью взглянул на друга.

Я нашёл её! – повторял Дёмин.

Кого ты нашёл?

Свободу! Здесь! Ты представляешь?! Я нашёл её здесь, в дурке!

Какая же это свобода, если ты сидишь взаперти?

Ты думаешь, что свобода – это такая сука, которую можно запереть в человеческих стенах? Да ты и вправду настоящий псих, Дима! – рассмеялся Дёмин. – Давай с тобой местами поменяемся что ли! Свободу можно запереть только в собственной черепной коробке. И нас учат её запиравать! С самого детства! Родители, школы, универы, армии, полиции, офисы. Они все нас учат, как запереть свою свободу на замок, чтоб никто и никогда не смог её найти, – он помолчал секунду, – а я нашёл её.

В коридоре за дверью раздался крик. Потом топот и гул. Какого-то больного загоняли в палату. Кошкин смотрел в

глаза Дёмина. В них не было безумия, он смотрел на него, как человек смотрит на муравьёв. Дмитрию нечего было сказать, поэтому Дёмин продолжил.

Только сам человек определяет, свободен он или нет. И когда-нибудь ты проснёшься от своего сна и только тогда увидишь оковы, которые держат тебя на земле. Разрушить эти оковы будет невероятно сложно, но, если ты победишь, тогда поймёшь, что земного притяжения никогда не существовало. И вот тогда ты осознаешь, что всё это время ты умел летать, – он лукаво улыбнулся. – Скоро ты уйдёшь, Дима. И, скорее всего, мы больше не увидимся. Но, когда ты выйдешь в свой бетонный лес, а я останусь сидеть тут, помни, что это я свободен, а ты взаперти.

В ту минуту в одном он был действительно прав на сто процентов. Ни Кошкин, ни Шеин больше никогда не видели Витю Дёмина.

Глава 18

Улицы опустели. Тьма принесла покой в шумный портовый город. Дождь вылил все свои слёзы, оставив лишь свежий, морозный, пропитанный влагой воздух гулять по пустым улицам Владивостока. Спали скверы, укутавшись мокрой травой, спали ржавые суда под величественным мостом через Золотой рог, отдыхали спокойные улицы от ног вечно спешивших куда-то горожан. Редкие машины, ревя моторами, проносились по центру города, радуясь наступившей безнаказанности. Так тихо и спокойно. И, казалось бы, чем этот самый обычный день мог отличаться от кучи других похожих друг на друга, как две капли воды, осенних дней на далёком востоке страны? Самый обычный день, который принёс одному из миллиардов людей на Земле столько несчастья. И хуже того – несмотря на спустившуюся тьму, этот день всё ещё не собирался заканчиваться.

Дмитрий Кошки, за последние сутки промокший с головы до ног, нашёл убежище в одном из кафе в центре города. Он выбрал его не случайно. Через дорогу за офисными зданиями можно было разглядеть краешек дома, в котором жила Мария. Летом они часто проходили мимо этого кафе, но Кошкин только сегодня обратил на него внимание. Раньше все его мысли и всё его внимание с небывалой жадностью забирала себе прекрасная Мария.

На деревянном столе, за которым сидел Дмитрий, стояла остывшая чашка кофе. Он заказал её около часа назад, но так и не сделал ни единого глотка. Маленькая чёрная муха тихонько села на ручку чашки. Волнение Дмитрия нарастало. В последний раз он звонил Марии около двух часов назад. Разговор был короткий:

Дима, сейчас совсем не могу говорить, сам понимаешь, – говорила она как будто спокойным голосом. – Не волнуйся, я тебе обязательно позвоню, как придёт время.

Под окнами кафе, смеясь, прошла шумная компания и направилась куда-то в сторону центральной площади. Дмитрий перебирал в памяти все события, приключившиеся с ним за день. Примерно в шесть вечера он звонил врачу. Операция прошла, если можно так выразиться, успешно. По крайней мере, отец был всё ещё жив. Состояние не изменилось, и шанс на успешное выздоровление был по-прежнему такой же призрачный, Алексей Кошкин ушёл в глубокую кому. За время, прошедшее после несчастного падения и попадания на хирургический стол, в голове у Алексея Алексеевича образовалась гематома от внутреннего кровоизлияния. Гематома сдавила мозг несчастному офицеру, в результате чего, как выразился врач, пострадала четверть мозга. И, скорее всего, жизнь отца Димы Кошкина отчитывала последние, в лучшем случае, дни.

О Дёмине Кошкин почти не думал. Слишком много горя для одного человека за день. После общения с другом, он

наконец-то дозвонился до Шеина и рассказал ему, где теперь находится Дёмин. Шеин лишь тяжело вздохнул и сказал, что так и думал. Они разговаривали не более двух – трёх минут, потом договорились встретиться в ближайшие дни и всё обсудить.

Дмитрий осмотрел кафе. Кроме него, там почти не было людей. Ему нравилось это, такая тишина. Покой – вот, что ему сейчас требовалось. Официанты относили подносы, из кухни доносились какие-то разговоры.

Что-нибудь будете ещё заказывать? – голос официантки вырвал его из своих раздумий.

Что? – Кошкин посмотрел ей в глаза.

Говорю, может быть, вам принести ещё что-нибудь?

Нет, спасибо. Я просто... – он осмотрелся вокруг. – Я просто жду кое-кого.

Поняла, – коротко ответила она. – Я подойду к вам позже.

Спасибо, – ответил Дмитрий и обрадовался, что его снова оставили в покое.

Он мысленно вернулся в лечебницу, где держали Дёмина. «Да ты и вправду настоящий псих, Дима! – вдруг вспомнил он слова Вити. – Свободу можно запереть только в собственной черепной коробке».

«А что толку от свободы, – мысленно продолжал Кошкин диалог с другом. – Что дала тебе твоя свобода, Витя? Что дала свобода мне? Я столько думал о том, что главное знать цену, которую надо заплатить за свой выбор. И вот я сделал

свой выбор! А кому от этого хорошо? Мне? Это уж точно нет! А Маша? Я столько раз думал, что знаю лучше неё, как надо жить, а сейчас сижу тут, как трусливый хорёк, и последствия моего выбора разгребаю даже не я сам, а она».

Снова захотелось курить.

«Но ведь и у неё всегда была свобода! – спорил с ним Дёмин. – Разве и она не была в ответе за себя?»

«Была! – отвечал Кошкин. – Но это я ей дал эту проклятую свободу!»

Открылась дверь кафе и в тёплое помещение зашла девушка. Кошкин опустил взгляд, но было поздно, она узнала его.

Привет, – поздоровалась она. – Делаешь вид, что не знаешь меня?

Это была Настя, та девушка из дома Толяна. Он был расстроен. В эту минуту он просто хотел посидеть в тишине, и какие-то дальние знакомые только раздражали его. Дмитрий посмотрел ей в глаза:

Привет, – улыбнулся он. – Я просто не мог понять, ты это или нет.

Сделаем вид, что я тебе поверила, – равнодушно ответила она. – Ждёшь кого-то?

Нет.

А подруга твоя? Училка! Как там её?

Маша.

Ага, – кивнула Настя. – Так вы замутили всё-таки?

Я и сам не понял, – уклончиво ответил он и поспешил сменить тему. – А ты что здесь делаешь?

Договорилась с подружками встретиться. Мы гулять идём.

Куда идёте?

В клуб! Пойдёшь с нами?

Нет, спасибо. Не люблю клубы.

Почему? Там весело.

В любом случае, у меня дела.

Какие? Промокшим до нитки сидеть посреди ночи в кафе? Хотя тебе действительно лучше никуда не идти. Выглядишь просто отвратительно.

Так и быть, останусь тут сидеть.

Развлекаешься, пока молодой.

Настя на минуту замолчала и достала телефон, стала что-то печатать.

Я отойду позвонить, – сказал Кошкин.

Так и знала, что кого-то ждёшь, – не поднимая глаз, ответила Настя.

Кошкин встал и пошёл к выходу. На улице стало прохладней, снова заморосил дождь. Дмитрий достал телефон и набрал номер Марии. С полминуты он ждал ответа, но слышал лишь длинные гудки. Что-то защемило в сердце. Почему она не отвечает? Почему сама не звонит? Кошкин почувствовал лёгкое волнение, которое стало потихоньку нарастать и постепенно превращаться в страх.

«Что-то случилось», – подумал он.

Дмитрий вернулся в тёплое помещение кафе. Настя сидела спиной к нему, всё ещё уткнувшись в телефон.

Ну как дела? – спросила она, когда он сел обратно за стол.

Всё нормально, – едва слышно ответил Кошкин.

А чё взгляд такой испуганный?

Всё нормально! – громче произнёс он.

А у меня для тебя хорошие новости!

Это какие?

Мои подружки сказали, что не могут здесь встретиться, поэтому сразу поедут в клуб. Так что ты можешь меня туда проводить. Здесь недалеко.

Да я даже не знаю... – замямлил он.

В любом случае это лучше, чем сидеть здесь в одиночестве.

Несколько секунд они молчали и просто смотрели друг другу в глаза.

Ну, так идём? – первой не выдержала Настя.

Да, – зачем-то ответил Кошкин, хотя идти куда-то совершенно не собирался. – Но позже.

Позже?

Да! Мне надо быстро сбежать по одному делу! Здесь тоже недалеко, подождёшь?

Ну, сбегай... – растеряно произнесла она. – Только не долго.

Я мигом, – соврал Кошкин, ведь возвращаться сюда он и

не думал.

Дмитрий вышел на улицу и пошёл в сторону дома Марии. Сначала он шёл аккуратно, чтобы в темноте не наступить в какую-нибудь холодную лужу, но через несколько минут сам не заметил, как перешёл на бег. И вот он несётся со всех ног по улицам ночного Владивостока. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, слюни стали резиновыми. Он остановился перед домом Марии, пытаясь вспомнить подъезд. Он лишь однажды провожал Марию до самого дома, когда её муж на целый день по каким-то своим делам уехал в Находку. Но сейчас, в тёмном дворе, он едва ли мог разглядеть в какой именно подъезд она заходила. Некоторое время он бегал от подъезда к подъезду, пытаясь вспомнить хоть какой-то ориентир. И, на своё счастье, действительно вспомнил. Из одного и подъездов вышли двое парней. Вышли почти беззвучно, лишь свет от лампочки в подъезде прорезал тьму во дворе дома. Никакого сигнала домофона не сработало, и Кошкин вспомнил, как Мария жаловалась ему, что их подъезд единственный в доме, где не работает домофон. Дмитрий пронёсся мимо парней, выходявших из подъезда. Они даже как будто что-то крикнули ему в след, но ему было всё равно. Кошкин не знал номер квартиры Марии, и на каком этаже она живёт. Пробежав два этажа, он достал телефон и снова стал набирать её номер. Шли длинные гудки, но она опять не брала трубку. Сердце заколотилось ещё сильнее. «Да чё с тобой такое?», – мысленно проклинал её Кош-

кин. Он остановился, чтобы перевести дыхание. Огляделся. В пустом тёмном подъезде он был совершенно один. Дыхание стало успокаиваться, но сердце должно было вот-вот вырваться из груди. Он снова взял телефон и, неизвестно на что надеясь, снова начал набирать её номер. Длинные гудки, и вдруг он услышал... Слабый сигнал! Это была музыка. Та самая песня, которая стояла на звонке у Марии. Примерно на этаж выше. Кошкин рванул наверх и увидел, что у одной из квартир на этаже дверь не закрыта полностью. Слабый свет тусклой лампочки. Он приоткрыл дверь. Это была её квартира. Осторожно, будто вор, он шагнул в её коридор.

Маша! – позвал он осторожно, но никто не ответил.

Пройдя дальше, он нащупал выключатель и зажёг свет в комнате.

Мария! – снова позвал он, и голос его дрогнул.

Она была здесь, в комнате. На ней было надето лишь голубое домашнее платье, само тело лежало неподвижно на полу лицом вниз в луже алой крови. Страх сменился безысходностью и жалостью. Кошкин опустился на пол и сам не заметил, как слёзы потекли из глаз. Несколько минут он сидел неподвижно, перебирая мысли в голове. Затем тихонько подполз к телу Марии, и хотел было перевернуть её, чтобы в последний раз взглянуть на её прекрасное лицо. Но горе ударило по нему с новой силой, он не мог этого сделать. Дмитрий дотронулся до её волос. Они были такие же мягкие и красивые, как и в последний день, когда он касался их.

За журнальным столиком он увидел молоток, испачканный её кровью. Этим молотком Юрий забил неверную жену до смерти. Кошкин встал и ещё раз оглядел комнату. Затем он прошёл на кухню, но там было пусто. Дверь в ванную была приоткрыта. Он обнаружил его там. Юрий лежал неподвижный и холодный. На нём были джинсы и, по-видимому, белая кофта. Тяжело было определить её настоящий цвет, так как она полностью пропиталась кровью. Юрий вскрыл себе вены кухонным ножом и навсегда уснул в заполненной водой ванне.

Даже сам Дмитрий не вспомнит, как долго он ещё находился в квартире. Он вернулся к Марии, сидел над её бледным телом, глядя по голове, и шёпотом, едва слышно, признаваясь ей в любви. Потом он нашёл её сотовый телефон и стёр свой номер из записной книжки. Стёр все свои сообщения и звонки за сегодняшний день. После этого Кошкин набрал номер полиции с телефона Юрия и сообщил, что произошло убийство и по какому адресу. Когда его попросили назвать себя, он незамедлительно бросил трубку. В последний раз он коснулся мягких волос Марии, поцеловал её ещё едва тёплую ручку, затем убедился, что не оставил за собой никаких следов и направился к выходу. Какое-то время он стоял у двери, прислушиваясь к любому шороху в подъезде, и вышел только тогда, когда был уверен, что там никого нет. Осторожно спустившись на первый этаж, он покинул тёмный подъезд и, наконец-то, оказался на улице.

Когда Кошкин вышел на дорогу, он увидел, как мимо него промчалась полицейская машина, явно вызванная им самим. После полиции, тишину ночного города нарушила сирена машины скорой помощи. Дмитрий бросил последний взгляд в сторону дома Марии и сквозь тьму пошёл в направлении своего дома.

Конец.